Деды

дайджест публикаций о беларуской истории

выпуск 2

ДЕДЫ

ДАЙДЖЕСТ ПУБЛИКАЦИЙ О БЕЛАРУСКОЙ ИСТОРИИ

ВЫПУСК 2

Минск
Издатель А.Н. Вараксин
2009

Третий выпуск дайджеста «ДЕДЫ»

планируется издать в декабре 2009 — январе 2010 года

Содержание выпуска

I. Беларусь и беларусы в иностранных учебниках

Г. Ластовский. Беларусь и беларусы в российских учебниках истории

Г. Лашкевич. История Беларуси и беларусов в польских учебниках истории

А. Портнов. Беларусь и беларусы в украинских учебниках истории

А. Антонов. Беларусь и беларусы в литовских учебниках истории

М. Резник. Беларусь в чешском учебном пособии

Л. Борщевский. Европейский учебник беларуской истории

II. Война 1941–1945 гг.

В. Гриневич. Миф войны и война мифов

П. Радлинг: Великая Отечественная война в сознании беларусов

А. Почобут: Сказки для патриотов

Ю. Грибовский: Беларуский легион СС: мифы и реальность

III. Тоталитаризм в БССР

А. Великий. КПБ — «передовой отряд» тоталитарной системы

М. Урбан. Алгебра советской власти: циркуляция элит в БССР (1966–1986)

П. Васюченко. Сервилизм и оппозиция в беларуской советской литературе

С. Хоревский. Тоталитарное искусство в БССР

Т. Бон. «Сопротивление и своеволие» в советском Минске

УДК 94(476) (059)

Деды : дайджест публикаций о беларуской истории / Составление, научное редактирование А. Е. Тараса. — Минск: А. Н. Вараксин, 2009. — 200 с.

ISSN 2075–5376

В шести разделах второго выпуска дайджеста «Деды» содержатся 14 статей и несколько рецензий. Они посвящены рассмотрению вопросов беларуской истории с XIV века до нашего времени. При этом 8 статей (Тимошенко, Трусова, Ростова, Морякова, Татаренко, Чернявской, Петрова) написаны специально для дайджеста, остальные 6 публикуются в переводе с беларуского языка и в новой редакции. Текстовый материал сопровождают многочисленные иллюстрации.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Седая старина

Литвины на Синей Воде

Константин ТАРАСОВ

Очень немногие могут сегодня объяснить, что за битва произошла на реке Синяя Вода в 1362 году, кто с кем бился, и какая она вызвала последствия. Между тем, это сражение — самое значительное событие в военно-политической истории Восточной Европы XIV века.

Ничего более важного в тот век не произошло. Куликовская битва 1380 года, которой посвящено немало картин, статей, поэм и романов, не принесла существенных политических результатов. Через два года после нее хан Тохтамыш сжег Москву и привел отношения Золотой Орды с Московским государством в прежнее состояние. Только спустя 98 лет, после знаменитого «стояния на Угре» в 1480 году, Московия добилась фактической независимости.

Битва же на Синей Воде сразу дала стратегические результаты. Победа войск Великого Княжества Литовского (ВКЛ) над татарами покончила с их владычеством в южных землях Руси (ныне это территория Украины). Разбили татар войска великого князя литовского Альгерда. В Диком поле пролили тогда свою кровь наши пращуры, поэтому нам надо помнить об этом великом сражении.

Переломные события всегда имеют богатую предысторию, а значительные победы никому не даются случайно. Как известно, татаро-монголы захватили Киев и его земли в конце 1240 года. Раздробленная на уделы Киевская Русь не смогла оказать должного сопротивления войскам хана Батыя.

Справка: В Средние Века в Европе существовало множество небольших феодальных государств — королевств, княжеств, герцогств, графств, самоуправляющихся городов. Их связывали торговые пути. В период VIII–XI веков практически все эти пути контролировали разбойники международного масштаба — викинги, или варяги.

Коммуникации между Балтикой и Черным морем варяги взяли под свой контроль в IX веке. Они создали здесь две «руси» — Новгородскую и Киевскую. «Русь» — это сообщество дружинников (бояр) и купцов (гостей), объединенное вокруг военного предводителя — князя. Сам термин «русь» происходит от скандинавского «roods» — гребцы, команда боевого корабля.

«Города русские» — это укреплённые поселения (горды, городища), либо отнятые у местного населения, либо основанные варягами на туземных территориях. Таковы, например, Новгород, Полоцк, Киев. У всех первых князей и княгинь Руси были скандинавские имена. Например, Редрик (Рюрик), Ольгард (Олег), Ингвар (Игорь), Ингигерда (Ирина), Бурислейф (Борис), Вартилаф (Брячислав), Ронгвальд (Рогволод), Ронгхильда (Рогнеда), Ярислейф (Ярослав) и т.д.

Вокруг городов и сидевших там варяжских князей постепенно сплотились наиболее активные представители разных этносов. Например, среди бояр князя Ингвара-Игоря (правил в Киеве в 912–945 гг.) фигурируют, помимо скандинавов, пруссы, балты, финны, сарматы, хазары, тюрки, аланы...

Из журнала «Кэмпо», 1993, № 7, с. 38–40.

Таким образом, «Новгородская Русь» и «Киевская Русь»– это варяжские государства в туземных землях в виде сети укреплённых поселений на судоходных реках. Вне их жили туземцы – финно-угры (весь, мещера, мокша, мордва, чудь и др.), балты (ятвяги, кривичи, жемайты, голядь и др.), скифо-сарматы (печенеги, половцы, берендеи, булгары, хазары и др.).

Численность завоевателей-колонистов из Скандинавии и Поморья (собственно варяги-русь и пришедшие с ними купцы, ремесленники, священники) составляло не более 2–3% от всего населения Новгородской и Киевской Руси. Однако это господствующее меньшинство навязало туземцам свой «язык межнационального общения» (праславянский), свою культуру (в т.ч. письменность) и позже – христианскую религию.

От Киева татары направились в Польшу, прошли с огнем и мечом до Легницы в Чехии, где в жестоком сражении 9 апреля 1241 года разгромили соединенные силы поляков, чехов, немцев и ордена Тамплиеров (храмовников)*. Оттуда через Венгрию они вышли к Адриатическому морю (в районе хорватского города Дубровник), а в 1243 году вернулись на Нижнюю Волгу. Там Батый основал Сарай, столицу нового государства Золотая Орда.

Поход в Европу уберег от разорения Смоленское княжество и земли Беларуси. Смоленск признал себя вассалом Золотой Орды только в 1275 году, а у нас татарской власти не было вовсе. В 40-е годы XIII века здесь сложилось сильное Новогородское княжество, которое постепенно выросло в Великое Княжество Литовское. В 1258–1338 годах татары 7 раз ходили «воевать Литву». Но его князья сумели отразить вторжения. Сохранились полулегендарные сообщения о победах над захватчиками в крупных сражениях при Крутогорье в 1249 и под Могильной в 1284 году**.

Альгерд, великий князь Литвы

При великом князе Гедимине (правил в 1316–1341 гг.) Литва сильно упрочилась и начала широко раздвигать свои границы в тех направлениях, где это было возможно. Она не могла расширяться в сторону Польши. Здесь Гедимин присоединил только Подляшье (земли ятвягов, ныне это Белостокское, Люблинское и Холмское воеводства Польши). Пруссию покорил Тевтонский орден, с ним шли бесконечные войны. Наиболее слабыми соседями являлись княжества Руси в юго-западном направлении, поэтому ВКЛ поглощало их одно за другим.

---

* Силы татар при Легнице составляли около 35 тысяч человек, силы западных союзников до 30 тысяч.

** Новогородок, ныне Новогрудок, впервые упоминается в летописи под 1044 годом. В 1252 году Новогородский князь Миндовг (Міндаўг), переселившийся сюда из Пруссии, короновался как король Литовский. Войшелк, сын Миндовга, присоединил к владениям отца Пинскую землю, Нальшаны и Дзеволту, что стало началом Великого Княжества Литовского

Крутогорье, затем Койданово – ныне город Дзержинск в Минском районе. Деревня Могильно находится на реке Неман, в Узденском районе Минской области. – *Прим. ред.*

После гибели Гедимина при осаде одной из крепостей тевтонцев, Литвой несколько лет правил его сын Евнут. Но в 1345 году два других сына, Альгерд и Кейстут, свергли Евнута и неофициально поделили Великое Княжество на две половины — Виленскую и Трокскую. Первая принадлежала Альгерду, вторая — Кейстуту.

Ополченец с Волыни

Трокская половина включало само Трокское княжество с центром в Старых Троках (на берегу озера Гальве), Подляшье, Гродненскую и Брестскую земли, половину Лидской и Новогородской земель. Альгердову часть составляли, если считать по городам, Бобруйск, Борисов, Брянск, Вильня (столица ВКЛ), Витебск, Крево, Кричев, Минск, Могилев, Мстиславль, Новгород-Северский, Орша, Ошмяны, Полоцк, Рогачев, Слуцк.

Младшие братья Гедиминовичи стали удельными князьями: в Пинске сел на престол Наримунт, в Заславле — Евнут, в Слониме — Монтвит (Монвид), в Новогородке — Кориат, в Волынской земле — Любарт. Но они, полновластные в своих уделах, подчинялись воле державных старших братьев.

Соответственно расположению своих земель Альгерд и Кейстут разделили сферы внешней политики и охрану границ. Кейстут противостоял тевтонцам, полякам и венграм. Альгерд действовал на южных и восточных рубежах против татар и подвластных им князей Владимиро-Суздальской, Рязанской и других земель. Это перечисление княжеств и городов помогает представить состав его войска: очевидно, что оно на 80 % было укомплектовано хоругвями из земель нынешней Беларуси.

В 1358–1361 годы Альгерд присоединил к ВКЛ города Брянск, Друбчевск, Новгород-Северский, Путивль, Рыльск, Стародуб, Торопец и Чернигов с подвластными им окрестностями. Однако наиболее «лакомую часть» бывшей Киевской державы представляли земли вокруг ее столицы. Чтобы сделать их своими, требовалось воевать с татарскими ханами, контролировавшими южную часть Руси.

* * *

Поход против татар, кочевавших в степях от Дона до Южного Буга (Крымская, Перекопская и Ембалукская орды), был рискованным предприятием. Альгерд собрал все имевшиеся войска — и свои, и младших братьев. Набралось около 30 тысяч всадников и пехоты, не считая челяди и обозников. Среди исторических лиц, участвовавших в том походе, летописи упоминают, помимо самого Альгерда, его племянников Кориатовичей — новогородских князей Александра, Константина, Юрия и Федора. Столь известные личности как Ягайло (сын Альгерда) и Витовт (сын Кейстута) в походе не участвовали, им было тогда по 12 лет.

Традиционно историки полагают, что в конце лета 1362 года войска двумя потоками — через Волынь и вдоль Днепра — двинулись в Дикое поле. Так называлась в те времена территория южнее княжеств Руси (нынешняя южная половина Украины).

Здесь не было ни городов, ни деревень. Земли, разоренные татарами в предыдущем столетии, давно обезлюдели, на сотни верст тянулась степь, заросшая высокими травами — ковылем. По этому степному бездорожью двигались войска. Дружины Альгерда и его племянников пополнили до десяти тысяч добровольцев из тех земель, через которые они шли.

Маршрут движения сильно зависел от источников воды, поскольку надо было ежедневно поить десятки тысяч людей и лошадей. Одним из мест стоянок стали берега реки Синяя Вода*. Именно в этом районе дальнейший путь войску Великого Княжества преградили в первой половине сентября объединенные силы трех татарских ханов — Качубея (или Хачибея), Кутлубуга и Димира.

Пришел решающий час. Альгерд расставил вдоль реки свои войска «серпом», то есть полукругом. Он хорошо знал, что татары обычно стремятся обойти противника для удара по флангам и в тыл. Поэтому справа и слева великий князь поставил самые надежные и сильные хоругви — воинов новогородской земли под предводительством князей Кориатовичей. Кроме того, две хоругви тяжелой конницы он спрятал в лесу, начинавшемуся с левой стороны за полем предстоящей сечи.

Не имея возможности зайти с флангов, татары атаковали по фронту. Закованные в латы и кольчуги, прикрывшиеся длинными щитами, ощетинившиеся копьями литвины (предки беларусов) и русины (предки украинцев) отбили натиск конной лавы. Затем с обоих флангов устремились в контратаку новогородские полки, а засадные конные полки в этот же момент ударом сбоку разрезали татарское войско пополам.

Бой литвина с татарином

Тактика татар была применена против них самих. Не выдержав фланговых ударов, татары обратились в бегство. По свидетельству летописца, битва длилась половину дня. Конница «села на спину» бегущим татарам и гнала отступавших до темноты, истребляя отстающих. Пехота тем временем захватила татарский обоз. Остатки татарского войска устремились к Дунаю и дальше в Добруджу. Князь Альгерд пошел вглубь владений ордынцев, к устьям Днепра и Южного Буга.

* Согласно традиционной версии, река Синяя Вода — один из левых притоков Южного Буга, ныне она называется Синюха. Иную версию рассматривает в своей статье В. Тимошенко. — *Прим. ред.*

В результате этой победы территория, подвластная татарам, значительно сократилась. Великое Княжество Литовское надолго закрепило за собой Чернигово-Северские земли, Киевское княжество и Подолье.

Это стало знаменательным историческим событием. Свыше ста лет в Киеве сидели татарские сборщики дани (баскаки), никто не осмеливался поднять против них меч, и вдруг в Киев пришла весть, что князь Альгерд идет на город. Татарский гарнизон оставил его без боя. Вступив в Киев, Альгерд посадил на княжение своего сына, который по такому случаю крестился и стал Владимиром*. Едва ли киевские священники случайно выбрали это имя. Они тем самым обозначили связь между крещением Киева в 988 году Владимиром Святославичем и нынешним освобождением столицы Руси от «поганых».

Одним из следствий поражения стало резкое обострение внутренних противоречий среди правящей верхушки Золотой Орды, повлекшее кровавую борьбу за трон. За 20 лет, с 1360 по 1380 годы, сменились 25 великих ханов Золотой Орды!

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Константин Тарасов (1940 г.р.) — беларуский историк и писатель. В 1975–89 гг. работал в газете «Знамя юности», журнале «Неман», газете «Літаратура і мастацтва». В 1989–95 гг. был заместителем главного редактора журнала «Спадчына».

Автор исторических книг «Погоня на Грюнвальд» (1980), «Три жизни княгини Рогнеды» (1986), «Память в легендах: фигуры беларуского прошлого» (1990), «Единственный свидетель — Бог» (1991), «Последняя любовь князя Миндовга» (1998), «Крест памяти» (2000), «Беларусь: историческое путешествие для детей» (2000) и других.

* У Альгерда было от двух жен 12 сыновей и 9 дочерей. Все они дожили до зрелого возраста. Владимир Альгердович умер после 1398 года. От него произошел род князей Слуцких. — *Прим. ред.*

БИТВА НА СИНЕЙ ВОДЕ
(Новый взгляд на историю сражения)

Валентин ТИМОШЕНКО

Битва на Синей Воде в 1362 году явилась одним из наиболее значительных событий военно-политической истории Восточной Европы периода средних веков. Ее последствия имели огромное значение для народов, населявших земли нынешней Украины и Беларуси. Однако мало кто из наших современников знает что-либо конкретное об этом сражении.

В летописях содержатся лишь краткие упоминания о битве на Синей Воде. Так, в летописи Красиньского имеется запись:

> «Коли пак князь великыи Витовт поехал з Литвы до великого Луцка, а князь великыи Олькгирд пошол в поле з литовским воиском и побил татаров на Синеи Воде, убил трех братов, татарьских князеи, Хачебея, Сакутлубуга а Дмитрея. А тыи тры браты, татарские князи, отчичи и дедичи Подолское земли были, а заведали от них отаманы, а приежчаючи у отаманов дань бирали с Подолское земли»*.

В Густынской летописи отмечено:

> «В лето 6780. Ольгерд победил трех царьков татарских и с ордами их, си есть Котлубаха, Качзея, Дмитра, и оттоли от Подоли изгнал власть татарскую. Сей Ольгерд и иные русские державы в свою власть принял, и Киев под Федором князем взял, и посадил в нем Владимира сына своего, и начал на сими владеть, им же отцы его дань давали»**.

Польский историк-хронист Мацей Стрыйковский в своей работе «Хроника Польская, Литовская, Жамойтская и всея Руси» (1582 г.) тоже упомянул о разгроме татарского войска на берегах одного из притоков Южного Буга.

Более детальные сведения можно найти в работах российских и украинских историков Н.М. Карамзина, В.В. Антоновича, М.С. Грушевского. К данной теме обращался один из виднейших исследователей истории Великого княжества Литовского М.К. Любавский, опубликовавший в 1910 году «Очерки истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно»:

> «В Подолии кочевали три орды татары. В 1362 г. Альгерд одержал блистательную победу над тремя татарскими князями Кичибеем, Кутлубугом, Димитреем на берегах речки Синие Воды. Затем проник в Тавриду и разрушил Херсонес, где захватил много сокровищ. Тогда же вся Подолия была присоединена к Великому княжеству Литовскому, а вслед за тем покорилось ему и Киевское княжество без боя». (Цит. по А.К. Киркору. «Живописная Россия». 1882, с. 79)

И все же, битва на Синей Воде долгое время находилась в тени других исторических событий. В советский период на эту тему было наложено своего рода «табу».

Специально для дайджеста «Деды». Автор — председатель исторического центра имени князя Альгерда в Минске. Редактор статьи историк Д.А. Тарас.

* Летопись Красиньского — условное название рукописной копии сокращенного варианта общегосударственного летописного свода ВКЛ. Она создана во второй половине XVI века. Хранилась в библиотеке графов Красиньских в Варшаве, отсюда название. Опубликована в Полном собрании русских летописей — ПСРЛ (том 35, Москва, 1980).

Густынская летопись — украинский летописный свод, доведенный до 1597 года. Так названа копия, хранившаяся в Густынском монастыре на Полтавщине. Опубликована в ПСРЛ, том 2 (СПб, 1847). — *Прим. ред.*

О ней предпочитали не вспоминать. История ВКЛ рассматривалась в те годы исключительно в контексте «борьбы белорусского и украинского народов против польско-литовских феодалов» и «за воссоединение с Россией». Любые попытки отклонения от официального курса отвергались как «антинаучные».

В наши дни интерес ученых к походу князя Альгерда против ордынских татар в 1362 году и битве на Синей Воде усилился. Так, беларуский историк, профессор А.П. Грицкевич в «Энциклопедии ВКЛ» (том 1, с. 223), отметил:

> «В битве возле Синих Вод 1362 г. /князь Альгерд/ разбил войска трех татарских ханов. В результате этой победы из-под татарского гнета были освобождены Киевская земля, где князем был посажен Владимир Альгердович, Волынь и Подолия. Украинские земли надолго вошли в состав ВКЛ».

В том же томе энциклопедии кандидат исторических наук Г.М. Саганович, ссылаясь на исследования В.В. Антоновича и Ф.М. Шабульдо, пишет (с. 333):

> «Битва была главным событием в наступлении ВКЛ на подчиненные татарам земли юго-западной Руси. В 1362 году великий князь литовский Альгерд, использовав улучшение отношений с Польским королевством и Немецким орденом, выступил против ордынского владычества в междуречье Днепра и Дуная. Войско было собрано в Беларуси и значительно пополнено ополченцами с Волыни и Киевщины. Осенью Альгерд с войском двинулся из Киева в Западную Подолию».

Таким образом, основные события традиционно локализуются в западной части Подолии. Битва же происходила то ли на реке Синюхе близ Торговицы, то ли на реке Снивода. Расстояние между этими двумя реками составляет около 300 км.

До сих пор путь войск ВКЛ и место битвы точно не установлены, не подсчитаны силы противоборствующих сторон.

> «Сколько историков пытались реконструировать динамику боевых действий в тот летний день 1362 года на полях у Синих Вод (...), но каждый в своих поисках попадал в такие сложности, что потом возникала новая версия, не похожая на ту, о которой идет речь». (К. Тарасов, «Память в легендах: Фигуры беларуского прошлого». Минск, 1990, с. 61.)

В ПОДОЛИЮ ЧЕРЕЗ ВОЛЫНЬ

Исторические названия не всегда совпадают с современными. Мы исходим из того, что Подолия — это территория нынешних Винницкой и Хмельницкой областей Украины. Рассмотрим возможные варианты движения войск Альгерда в Подолию.

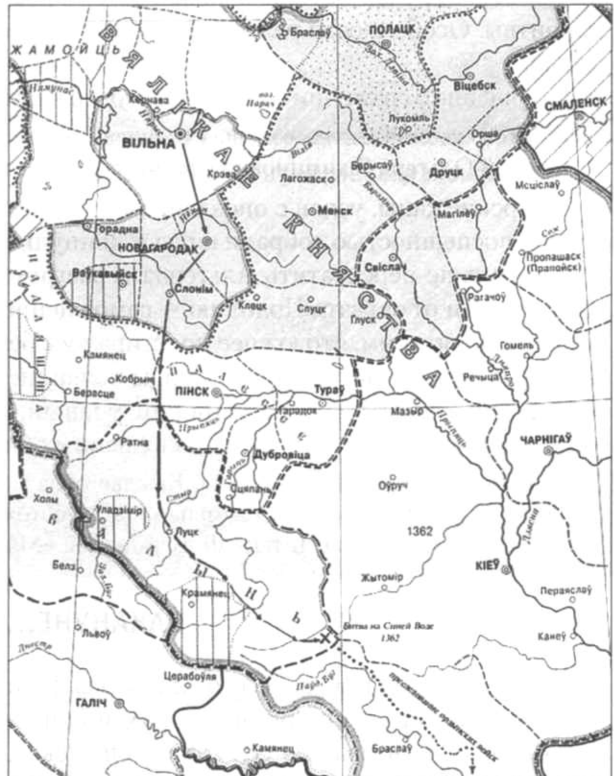
Первый вариант приводит большинство историков: из Литвы в Киев, оттуда через Канев, Черкасы и Торговицу — в Дикое поле, к реке Синюхе.

Поход через Овруч и Житомир представляется маловероятным. Путь в этом случае прошел бы через малозаселенные районы, к тому же разоренные татарскими набегами. Альгерд прекрасно понимал, что идти в Дикое поле, не имея возможности пополнять в населенных пунктах запасы провианта для людей и корма для лошадей — значит обречь затеянное предприятие на провал.

Вариант маршрута, предлагаемый нами, таков: из района Новогородка, через нынешнее беларуское Полесье к реке Снивода, в район села Уланово. Если предположить, что войско ВКЛ шло по этому пути, то Киев, Канев и Черкасы исключаются.

Более конкретно, путь самого Альгерда выглядел следующим образом: Вильня – Новогородок (Новогрудок) – Слоним – Пинск – Любартов – Луцк – Уланово.

В Киеве тогда сидел татарский баскак с гарнизоном, а княжил некий Федор, татарский ставленник. Путь через Киев полностью исключал момент внезапности, мог потребовать осады города. Основываясь на ряде косвенных данных, мы полагаем, что Альгерд принял решение идти в Подолию через Волынь, где княжил его брат Любарт. Это был экономически развитый регион, ранее принадлежавший Великому Княжеству Галицкому, со значительным населением, с многочисленными источниками воды и лугами, где можно было пасти лошадей.

Путь войска ВКЛ

Кроме того, данный маршрут обеспечивал определенную скрытность передвижения, поскольку исходные районы сосредоточения войск находились на значительном удалении от татарских владений.

Что касается Киева, то Альгерд действительно занял его, но – по нашему мнению – не до сражения, а после него.

***

К середине августа в приграничных с Волынью районах Литвы собрались практически все хоругви ВКЛ. Сбор войск, вне всяких сомнений, происходил в условиях секретности, ибо это условие Альгерд всегда соблюдал неукоснительно. В конце августа в Любартове войска стояли уже в полной готовности, но среди них еще не было самого Альгерда.

Великий князь вышел из Вильни в середине августа с хорошо обученным конным войском численностью примерно 5 тысяч всадников, не считая челяди. В землях Новогородка и Пинска к Альгерду могли присоединиться около 15 тысяч воинов и обоз. К ним надо добавить ополченцев с Волыни – от 8 до 10 тысяч человек.

Беларуские ученые (К. Тарасов, С. Панов, И. Гимпель, Г. Малышев) указали на так называемый «Черный шлях». Это один из путей набегов татар на Литву с южного направления. Черный шлях проходил через Подолию около Винницы, через реку Снивода (в районе села Уланов), далее через реку Случь возле Луцка, между Брестом и Пинском.

Мы можем обоснованно предположить, что князь Альгерд использовал для передвижения войск именно татарский Черный шлях. Небольшие расстояния между

городами Волыни делали поход менее трудным. 1 сентября 1362 года войско ВКЛ выступило из города Любартов* в направлении к реке Снивода, название которой поздние хронисты исказили в более понятное — Синяя Вода.

Размышляя о выборе места, наилучшим образом подходящего для сражения, великий князь избрал район нынешнего селения Лозна на реке Снивода. Альгерд лично осмотрел так называемую «подкову», образованную изгибом реки, а также обрывистые берега ручья Батижок, впадающего в реку. Этот участок идеально подходил для битвы. Особенности рельефа местности естественным способом усиливали позицию.

Сообщение о сражении в этом месте содержится в Никоновской летописи (1420 г.):

> «Тогоже лета Литва, взявшая Коршеву, много лиха сотворишеся князь великий литовский Ольгерд Гедиминович Синюю воду и Белобережие повоева».

Татарские ханы, узнав с опозданием от своих лазутчиков о походе войска ВКЛ, со всей поспешностью собрали силы и двинулись навстречу врагу. Они хотели как можно раньше перехватить Альгерда и разгромить его в решительном сражении, чтобы спасти от захвата Подолию — самое ценное свое владение в Правобережной Украине (напомним, что южнее простиралось безлюдное Дикое поле).

Предположительно, татарские орды появились на подступах к Сниводе в середине сентября 1362 года. Украинский ученый, академик Дмитрий Яворницкий (1855–1940), автор ряда статей, посвященных битве на Синей Воде, писал:

> «Три хана привели три орды. Каждая орда могла выставить около 30 тыс. воинов и прислугу. Таким образом, литовцам противостояла стотысячная армия. Войско у Ольгерда было меньше». (Цит. по: Л. Багацький. «Мамай. Четыре битвы». 2004.)

НАКАНУНЕ...

Альгерд удачно выбрал место для битвы. В «подкове» реки Снивода имеется поле, ровное как стол, длиной около 4 км и шириной 1–1,5 км. Сейчас его называют Улановым — по названию села за рекой. Река Снивода неглубокая и неширокая, но в районе Уланова поля, слившись с рекой Сальничкой, она образует обширный плес. Низкий берег плеса (со стороны поля) заболочен. Более высокий берег (со стороны села Уланово) крутой и глинистый. Эти особенности берегов сильно затруднили бы атаку татарской конницы в случае ее выхода в тыл литовского войска.

Учитывая возможность прорыва татар в другом месте, великий князь предусмотрел вариант отхода основных сил через брод («брид» по украински).

Численность воинов в хоругвях войска ВКЛ составляла в то время до 3000 в конных хоругвях, около 4000 в пеших. На Сниводе у Альгерда было 3 пешие хоругви (до 12 тысяч человек) и 3 конные (около 9 тысяч), итого — около 21 тысячи. Кроме того, под началом другого его сына — известного нам под христианским именем Владимир (это он стал князем Киева), было от 8 до 10 тысяч волынских ополченцев.

Альгерд, как и любой европейский полководец того времени, изучал римскую боевую тактику. Но не всякий военачальник применял ее на поле боя. Альгерд приме-

* Любартов (ныне Любар), районный центр в Житомирской области, расположенный на живописной реке Случь. Осенью 2006 года город отметил 680-летие. В 1362 году в Любартове находилась ставка князя Альгерда. Здесь он завершил последние приготовления к схватке с ордынцами.

нил. На самом Улановом поле великий князь разместил пять хоругвей. В центре он поставил хоругвь своего сына Андрея, справа от нее хоругви Александра и Федора Кориатовичей (ближайшая к центру была пешей, крайняя – конной). Слева от Андрея находились хоругви двух других Кориатовичей – Юрия и Константина. И здесь та из них, что стояла ближе к центру, была пешей, а крайняя – конной. Эти хоругви выстроились на манер «серпа». Два передних ряда были сомкнуты, тогда как следующие расходились подобно лучам солнца, образуя «коридоры» между хоругвями.

Река Снивода в районе села Уланово

Уланово поле

Таким образом, в центре поля встали три пешие хоругви (12 тысяч воинов). Самыми первыми стояли копейщики в тяжелых латах, с копьями, вставленными в лунки. Копьеносцы должны были сдержать атаку татарской конницы. Копья, установленные в земле (в лунках) под углом в 60 градусов, обладали невероятной устойчивостью. Они могли накалывать людей и лошадей, словно жуков иголками. Стена копий была практически непреодолимой для конницы.

За ними на удалении 30–40 метров находились несколько рядов арбалетчиков. Каждого стрелка обслуживали 3–4 человека, помогавшие перезаряжать оружие и укрывавшие стрелков щитами от вражеских стрел. Они тоже были в доспехах. Наконец, в 40–50 метрах за арбалетчиками стояли воины в кольчугах, вооруженные тяжелыми двуручными мечами.

Пехоте было приказано сражаться, не сходя с места. Любое резкое движение грозило разрушением строя, и татарская конница могла воспользоваться этим моментом для прорыва.

Кроме того, позади пехотинцев литвины поставили несколько метательных машин, стрелявших дротиками, тяжелыми болтами и булыжниками. Дротики выпускались залпом, кучно поражая конницу противника (один наконечник такого дротика нашли на берегу Сниводы школьники из села Вороновцы, сейчас он находится в музее Н. Дороша).

Фланги пехоты прикрывали хоругви легкой конницы, одна слева, другая справа.

Войско ополченцев с Волыни (8–10 тысяч человек), под командованием своего сына Владимира, Альгерд разместил еще дальше за левым флангом. Это ровное по-

ле между нынешними селами Лозна и Вороновцы, посреди которого протекает ручей Батижок. Ныне его называют Владимировым полем.

Здесь ополченцы, растянувшись вдоль ручья, создали сплошную линию обороны. Воины стояли в 12–16 рядов на манер македонской фаланги. В первых двух рядах у них были копья длиной два метра, в следующих двух — четырехметровые, в пятом и шестом ряду — шестиметровые. Эти копья, вкопанные тупыми концами в лунки, все вместе образовали непреодолимую стальную щетину. В остальных 6–10 рядах люди были вооружены по разному, в том числе луками со стрелами. При таком построении каждый воин, защищенный доспехами от стрел, мог успешно действовать копьем, даже не имея серьезной боевой выучки.

Главная задача ополченцев князя Владимира состояла в том, чтобы не дать татарам совершить обходной маневр с левого фланга, где местность позволяла это сделать, и выйти в тыл главным силам Альгерда. В ходе битвы татары действительно попытались ударить в левый фланг. Великий князь, опасаясь за левый фланг, усилил ополчение конным отрядом отборных воинов из своей личной дружины.

В обширной густой роще, расположенной слева от Владимирова поля, Альгерд устроил засаду. Объединенные конные хоругви пинского князя Патрикея Наримунтовича и заславского князя Михаила Евнутовича (всего до 6 тысяч всадников), в решающий момент сражения должны были рассечь главные силы татар и тем самым решить исход боя. Такую же тактику через 18 лет применили на Куликовом поле сыновья Альгерда — Андрей и Дмитрий.

Свою ставку великий князь расположил слева и позади рощи с засадным отрядом, на высоком холме, известном сейчас под названием «Княжья гора». С его вершины Альгерд мог видеть расположение своих войск на обоих участках и своевременно вмешиваться в ход сражения. При нем находилась группа конных воинов из его личной дружины. В случае возникновения непосредственной угрозы своей безопасности князь мог быстро покинуть холм и удалиться.

Вот как описала построение войска ВКЛ в своей книге «Альгердава дзіда» беларуская писательница Ольга Ипатова:

> «Этот мешок паны-рада называли «подковой». Войска, разделенные на хоругви, должны были стоять таким образом, чтобы фланги далеко выдвигалися вперед, а основные силы находились в центре дуги.
>
> Начальные концы подковы занимали Кариатовичи, как самые опытные воины. Федор, который получил Гомель, должен был стоять на самом опасном правом фланге вместе с братом Александром, на левом — Константин и Юрий. Сын же Андрей, который недавно получил в удел Трубчевск, стал рядом с маршалком, в центре. Здесь же были установлены метательные машины (куши), которые закидают татар камнями и железными болтами. Такие болты пробивали толстую шкуру татарских кафтанов, легко, как нож сквозь масло, пробивали голову даже через кожаную шапку. Конными отрядами командовали пинский князь Петрикий Наримонтович и заславский — Михаил Евнутович, оба отличные наездники и храбрые воины.
>
> ...Особенно беспокоило Альгерда место возле ручья /Батижок — *В.Т.*/, что впадал в Сниводу. В вещем сне он видел, как наливалась кровью вена на его левой руке, и она совпадала с хоругвей, которую должен возглавлять его сын Владимир, князь киевский. Здесь будут большие потери и поэтому, несмотря на протест Владимира, он дал ему еще и отряд из своей личной охраны».

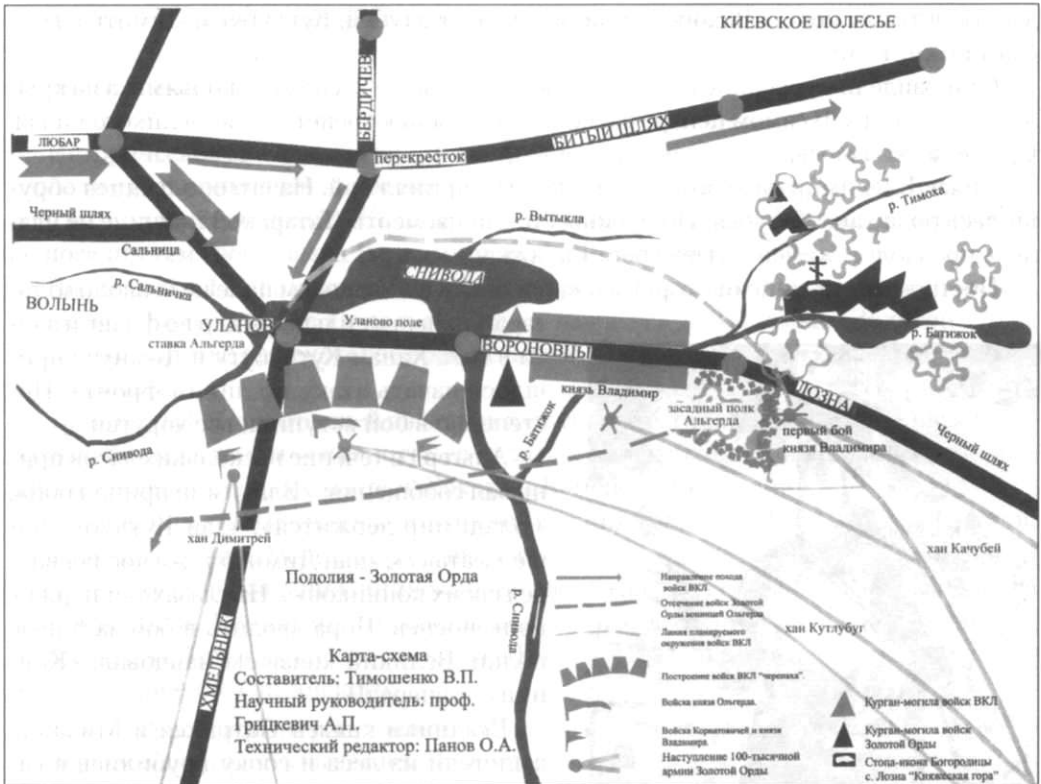

Схема сражения на Сниводе

Подготовка к сражению заняла примерно 15 дней. В это время командир небольшого сторожевого татарского отряда, находившегося в Хмельнике послал гонцов к Перекопу сообщить о том, что литвины готовятся к битве на Сниводе.

Татарская конница двигалась с нескольких направлений: Крымская орда и Перекопская орда из Приазовья, а Ямбалуцкая орда (хан Димитрей) шла с низовий Дуная.

Войска ханов Кутлубуга и Качубея миновали Христиновку, Дашев, Ильинцы, прошли Калиновку, идя к Глинску. Напоив лошадей, татары устроили в районе Глинска ночной бивак, где готовились к сражению. Глинск находился в одном переходе от места битвы, что исключало внезапное нападение, кроме того, там протекала река (Пустолова), где можно было поить лошадей.

Сколько воинов могла выставить одна орда? По расчетам историков, в ней обычно было до 8–10 тысяч конников. В итоге получается 25–30 тысяч. Вряд ли был прав Д.И. Яворницкий, писавший о 100-тысячном войске татар. Если учесть время выступления Альгерда в поход и среднюю скорость передвижения конного воина (с учетом отдыха) выходит, что татары подошли в середине сентября: 15–16 числа.

И ГРЯНУЛ БОЙ...

В день пресвятой Богородицы стояла солнечная, ясная погода. Восход солнца, согласно календарю, в тот день начался в 6 часов 34 минуты. Утром вдалеке, со стороны Глинска и Хмельника, стали сгущаться тучи пыли. Затем послышалось ржание

десятков тысяч коней. Вскоре появились ханы Качубей, Кутлубуг и Димитр с войсками и свитами.

Они увидели в середине поля литвинских воинов в доспехах с копьями, а на крыльях — конницу. В самом центре расположения войск трепетал стяг великого князя. Сражение началось...

Князь Владимир на левом фланге первым принял бой. На его ополченцев обрушилась орда хана Качубея. Но русины стояли насмерть. Татарской коннице не удалось преодолеть каменистые берега Батижка.

Построение литвинских хоругвей «подковой» на Улановом поле не позволило татарам нанести сильный удар во фланг и зайти в тыл. Ханам Кутлубугу и Димитру пришлось начать атаку по линии фронта. Постепенно в бой вступили все хоругви.

Великий князь Альгерд
(худ. Николай Купава)

Альгерд в течение нескольких часов принимал сообщения: «Владимир принял бой», «Владимир держится», «хан Кутлубуг пошел в атаку», «хан Димитр тоже послал вперед своих конников»... На глазах таяли ряды копьеносцев. Пора вводить в бой засадные полки. Великий князь скомандовал: «Конницу — вперед!».

Всадники князей Патрикея и Михаила вылетели из леса и сбоку врубились в самую гущу татарского войска, разрезая его надвое. Одновременно пошли в атаку конные хоругви Кориатовичей.

Татары не выдержали двойного удара и обратились в бегство. Впрочем, пешим бежать было некуда. Они бросали оружие и сдавались в плен. Конные в беспорядке ускакали в степь. За ними погнались литвинские конники. Когда они скрылись за горизонтом, великий князь скомандовал «отбой!». Тысячеголосое «Виват!» прозвучало со всех сторон огромного поля: «Виват!» ...«Виват!» ... «Виват!»... Радость охватила воинов.

Конница не слышала этого громогласного хора. В следующие дни конные отряды литвинов перешли Днестр и достигли устья Дуная, прочно закрепив свою победу. Мацей Стрыйковский писал:

> «После этой битвы литва и русины собрали несколько десятков стад татарских коней и верблюдов...».

Пешие воины, уставшие после боя, но окрыленные победой, шли к реке и к ручью, омывать раны, утолять жажду. Здесь же литвины и русины обнимались, радуясь своей победе...

Каменистое дно речки хранит память об этих событиях вот уже 650 лет. А свеча, зажженная князем Альгердом на Княжей горе у стопы иконы Божьей матери, не гаснет по сей день...

* **

Историческое значение этой битвы трудно переоценить. Ордынцы впервые потерпели столь сокрушительное поражение. Земли в междуречье Дона и Днепра вышли из-под их подчинения. Киев татары оставили без боя, и Альгерд действительно посадил там своего сына Владимира, однако после битвы, а не до нее.

Под властью ВКЛ оказалась огромная территория, населенная славянами (Киевщина, вся Волынь и все Подолье). Образовавшееся на обломках Золотой Орды Крымское ханство на некоторое время стало данником и союзником великого литовского князя.

Трое братьев Кориатовичей из четырех стали наместниками великого князя в Подольской земле, чтобы «боронить» ее от татар. Каждый построил для себя резиденцию. Ими стали города Смотрич, Бакота и Каменец-Подольский.

В сражении многие воины получили ранения и увечья. Братья-Кориатовичи, став наместниками в Подолии, раздавали им отвоеванные земли. Дореволюционный ученый-археолог Ефимий Сицинский писал, что жители села Лозна — выходцы из Белой Церкви. Вероятно, эти воины основали и другие близлежащие селения. В «Трудах XI Археологического съезда в Киеве» (1901 г.) было опубликовано интересное сообщение Сицинского:

> «...В Вороновцах на реке Снивода есть два распаханых кургана, один в Терешполе на Черном шляху, один в нынешней Лозне близ Черного шляха. Татары отступали по Черному шляху и несли громадные потери».

Следуя Сецинскому, мы вправе считать, что селение Лозна основали после 1362 года участники битвы на Синей Воде...

Имя нашего великого предка князя Альгерда должно быть оценено по достоинству и внесено в списки великих людей, составляемые ЮНЕСКО. Надо помнить и о воинах, павших в том сражении за христианские земли...

ГОСУДАРСТВА НАШИХ ПРЕДКОВ

Олег ТРУСОВ

Долгое время советские историки уверяли беларусов, что никогда раньше у них не было своего государства, и что самая первая беларуская держава появилась на свет только 1 января 1919 года. Правда, о размерах «советской Белоруссии», несколько недель существовавшей в этнографических границах расселения беларусов, они старались не вспоминать, потому что очень скоро (в феврале — марте того же года) большевистское руководство России обрезало нашу территорию более чем вдвое.

Прошли годы. Сейчас любой беларуский школьник знает о Полоцком княжестве — нашей первой державе, о Великом Княжестве Литовском (ВКЛ), о Беларуской Народной Республике (БНР). Но если мы посмотрим на любую этнографическую карту Беларуси, напечатанную в российских, немецких и других изданиях начала XX века, то увидим, что она простирается далеко за восточные границы ВКЛ. Как в этих местах очутились беларусы, как они сохранили вплоть до Первой мировой войны свой язык, фольклор, обычаи, традиционную одежду и кухню? И это несмотря на то, что с XV–XVI веков здесь правили московские власти, поднаторевшие в ассимиляции покоренных народов. Куда, например, девались многочисленные тюркские племена, оказавшиеся в составе Московии в XV–XVI веках, одновременно с частью беларусов?

Беларусы — потомки нескольких племен, в том числе кривичей — сильнее сопротивлялись ассимиляции потому, что отличались более высоким уровнем культурного развития, и в разные времена имели не одно, а несколько своих государств. Так, у кривичей, которых летописи в последний раз упоминают в XII веке, было четыре суверенных государства — Полоцкое княжество, Великое Княжество Смоленское, Великое Княжество Тверское и Господин Великий Псков. Эти государства иногда враждовали между собой, но чаще они совместно выступали против общих врагов: крестоносцев, татар и московитов.

Справка. Кривичи – объединение балтских племен, живших в VI–XII веках южнее Чудского озера, в бассейне верхнего течения Западной Двины, Днепра и Волги. Впервые упоминаются в «Повести временных лет» под 859 годом, последний раз – в 1162 году как жители Полоцкого и Смоленского княжеств. Главными центрами кривичей являлись города Полоцк, Смоленск, Изборск и Псков.

Сам термин «кривичи» употреблялся и позже. Так, Петр из Дусбурга в «Хронике земли Прусской» сообщает, что в 1314 году маршал Тевтонского ордена Генрих возглавил вторжение в землю кривичей (terra Criwicze), во время которого разрушил Новогрудок (Новогородок).

Известный деятель беларуского национального движения Вацлав Ластовский (1883–1938) считал кривичей прямыми предками беларусов. Об этом красноречиво свидетельствуют названия его книг «История беларуской (кривской) книги» и «Русско-кривский (беларуский) словарь», а также журнала («Кривич»), который он издавал в Ковно (Каунасе) в 1923–27 гг. Однако выводы современной науки менее жесткие. Кривичи – только одна из групп предков беларусов, наряду с другими племенами.

Специально для дайджеста «Деды».

ПСКОВСКАЯ ФЕОДАЛЬНАЯ РЕСПУБЛИКА

На территории нынешней Псковской области кривичи появились на рубеже VII–VIII веков. Они дошли до южных берегов Чудского озера, частично смешались с местными финскими племенами и образовали отдельную группу «псковских кривичей», обладавшую этнографической спецификой.

Псков возник в VIII веке на высоком холме у слияния рек Великой и Псковы. Археологи обнаружили в исторической части города многочисленные остатки (целые ряды) дохристианских жертвенников. Они имеют овальную форму, сложены из чистого речного песка и по периметру обложены каменными плитами. Рядом лежали скелеты коней, принесенных в жертву. Это означает, что Псков был крупным религиозным центром кривичей. Древнейшей частью города является детинец — Кром, сначала деревянный, а с XIII века каменный. В плане он представляет неправильный многоугольник стен с башнями. Самые знаменитые башни называются Кутекрома и Смердя. Позже вокруг города воздвигли каменные стены с мощными башнями и сильно укрепленными воротами.

Впервые псковские кривичи упоминаются в «Повести временных лет» под 859 годом, в связи с участием в походе на Византию в составе войск киевских князей-варягов Олега и Игоря. Под 862 годом в летописи говорится о варяге Труворе, поселившемся среди псковских кривичей, на берегу Городищенского озера. Это место получило название Труворово городище. Чуть восточнее его (в 250 метрах), на так называемой Жеравьей горе, в 1330 году была построена каменная крепость. Она сложена из плит известняка, имеет 6 башен и занимает площадь в 15 кв. км. Вокруг нее постепенно образовался город Изборск (ныне в 30 километрах западнее Пскова).

Сам Псков впервые упоминается в летописи под 903 годом. До середины XIII века он входил в состав Господина Великого Новгорода, но имел при этом внутреннее самоуправление по новгородскому образцу. Высшим органом власти являлось вече, выбиравшее посадских, сотских и судей. Вече регулировало отношения между феодалами и посадскими людьми, между землевладельцами и смердами, ограничивало полномочия служилых князей.

В 1240 году город захватили крестоносцы Тевтонского ордена, но уже в 1242 году его отбило войско новгородцев.

В 1265 году из Нальшан, что в Литве, бежал в Псков вместе с дружинниками (до 300 человек) и семьями литвинский князь Довмонт. В следующем году все новоприбывшие крестились. Довмонт получил христианское имя Тимофей, женился на дочери переяславского князя Дмитрия Александровича и стал служилым князем Пскова. Он возглавлял псковитян около 33-х лет.

В конце января 1268 года новгородцы и псковитяне организовали поход против ливонских рыцарей и дерптского епископа, на помощь которым прибыли датчане. Противники сошлись 18 февраля на реке Киюла, в 7 км от Раковора (ныне эстонский Раквере). Датское войско занимало правый фланг, немецкие рыцари — центр, дерптское ополчение стояло на левом крыле. В центре союзной армии стояли новгородцы под командованием посадника Михаила Федоровича и тысяцкого Кондратия, на правом фланге разместились псковичи во главе с князем Тимофеем (Довмонтом), на левом — переяславцы князя Дмитрия Александровича. Поначалу нем-

цы нанесли тяжелые потери новгородцам и псковичам, и потеснили их, но затем переяславцы ударили во фланг немцам. Немецко-датское войско отступило.

В следующем году Ливонский орден устроил ответный поход на Псков. Но псковичи под предводительством Тимофея и с помощью новгородцев отстояли свой город. В 1271, 1272 и 1298 годах Тимофей снова защищал Псков от нападений ливонцев. Последний раз он разбил их весной 1299 года и вскоре после этого умер (20 мая), оплакиваемый всеми жителями города. После смерти Тимофея Псковского (Довмонта) здешняя церковь объявила его святым и заступником Пскова. Меч князя стал символом псковского государства. В его житии сказано:

«Страшен ратоборец быв, на мнозех бранях мужество свое показав и добрый нрав. И всякими добротами украшен, бяше же уветлив и церкви украшая и попы и нищия и на вся праздники попы и черноризцы кормя и милостыню дая».

Примерно к 1280 году Псков обрел фактическую независимость от Новгорода. Это было прямо связано с деятельностью князя Тимофея (Довмонта). Например, в 1282 году Тимофей захватил новгородское Копорье, откуда совершил нападение на Ладогу. Но только через 55 лет Болотовский договор 1348 года юридически оформил обособление Пскова от Новгорода. С того момента он официально назывался Господин Великий Псков.

Псковское государство было относительно невелико. Оно занимало территорию вдоль рек Великая и Нарова, а также вокруг Псковского озера. С юга на север — около 300 км, ширина до 100 км. Систему укреплений создавали крепости пригородов Пскова (Изборск, Гдов, Остров) и монастырей (Печерский монастырь и другие).

В псковских землях существовало пашенное земледелие, было развито рыболовство. Торговля с Новгородом, Литвой и городами Ганзейского союза сделала Псков крупным ремесленным и торговым центром. Среди ремесел выделялись кузнечное, строительное и ювелирное дело. Псков являлся также значительным центром архитектуры, книжной культуры, изобразительного искусства, книжной культуры. Здесь были созданы многочисленные летописи*.

В отличие от Новгорода, в Псковской земле не было крупных феодальных землевладельцев — ни светских, ни церковных. Особенности экономической жизни и землевладения, а также постоянная военная угроза со стороны крестоносцев обусловили сохранение в Пскове вечевого строя. Особое влияние на решения вече оказывал совет бояр (Господа), собиравшийся в пристройке Троицкого собора. Там же находились канцелярия и архив веча, хранились наиболее важные государственные и частные документы. Вече приглашало князей на службу Пскову в качестве военных предводителей.

Сложившиеся в Псковской республике социальные отношения зафиксированы в своде ее законов — Псковской судной грамоте. Она была составлена на основе отдельных постановлений веча, Господы и устоявшихся обычаев. Древнюю часть грамоты историки датируют началом XIV века, последняя редакция текста относится примерно к 1469 году. Большинство статей этого документа регламентирует торгово-ремесленные отношения: вопросы купли-продажи, залога, дарения, займа, ссуды, аренды, найма на работу и т.п. Смертная казнь была предусмотрена за государственную измену, кражу имущества в Кроме, поджог или кражу, совершенные трижды.

* Псковские летописи составлены в XIV–XVI веках. Известны 25 списков (вариантов). — *Прим. ред.*

Псков неоднократно воевал с Полоцким княжеством и ВКЛ, а временами выступал вместе с ними против Ливонского ордена. Наиболее тесный союз с ВКЛ существовал в 1342–49 годах, когда служилым князем в Пскове был Андрей, сын Альгерда*.

Псковский детинец — Кром

В отличие от Новгорода, Псков с середины XV века последовательно проводил промосковскую политику. «Отцы города» считали Москву своей защитницей от территориальных претензий Ливонского ордена, Новгорода и Великого Княжества Литовского.

Старинное здание в Пскове

В 1406–08 и 1426 годах великий князь литовский Витовт безуспешно пытался установить власть над Псковом. В 1456, 1471 и 1478 годах Псков активно поддержал действия Москвы по ограничению, а затем и ликвидации независимости Новгорода. Он выступил на стороне Московии и в ее войне 1500–1503 годов против ВКЛ.

Однако все это не помогло псковичам. В 1510 году Московия силой и коварством захватила Псковскую республику. По приказу великого князя Василия III вече было ликвидировано. Триста семей «лутших людей» московиты вывезли из Пскова в разные города Московии. Их имущество, усадьбы и земли великий князь конфисковал и раздал своим служилым людям.

А в 1570 году великий князь московский Иван IV («Грозный») окончательно добил Псков. В городе его опричники казнили свыше 100 приказных людей (чиновников), купцов и монахов. Но главное, они ограбили «до нитки» всех жителей, все церкви и все монастыри. Более того, по приказу Ивана московиты сожгли в окрестных селениях множество жилых и хозяйственных построек, отобрали запасы хлеба, домашний скот и лошадей. С тех пор Псков превратился в захолустье Московского государства, где поселились многочисленные пришельцы — военнослужащие и чиновники вместе со своими семьями.

Тем не менее, этнографическая специфика кривичей сохранялась в псковских землях еще очень долго, до начала XX века. А южные уезды Псковской губернии вообще были населены преимущественно беларусами — в современном смысле термина.

* В 1378 году князь Андрей снова стал князем в Пскове, а в 1380 во главе псковской дружины участвовал в Куликовской битве. Он погиб в 1399 году в битве на Ворскле. Вероятно, ему было тогда не менее 70 лет. — *Прим. ред.*

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО СМОЛЕНСКОЕ

На территории нынешней Смоленщины изначально жили племена днепровских балтов. В VIII веке здесь появились кривичи и радимичи. Они под натиском германских племен переселялись в бассейн Сожа и Днепра. Пришельцы ассимилировали местное население и стали называться «смоленскими кривичами». В то же самое время здесь появились и варяги, проложившие по Двине и Днепру торговый путь «из варяг в греки».

В IX веке возникли первые городища смоленских кривичей — Гнёздово на Днепре, а затем Смоленск (12 километров восточнее Гнёздово) Смоленск быстро стал крупным пунктом торговли и ремесленного производства. В «Повести временных лет» он впервые упоминается под 863 годом. А в Устюжском (Архангелогородском) летописном своде о Смоленске сказано под 865 годом. Название города ученые выводят от слова «смолить», имея в виду пропитку смолой корпусов купеческих кораблей, плывших по Днепру в Черное море и далее в Константинополь.

Политическое обособление земель в верхнем течении Днепра началось с 30-х годов XI века, однако Смоленщина оставалась волостью Великого Княжества Киевского. Кроме самого Смоленска, другими важными ее центрами были Орша, Мстиславль и Торопец. При князе Ростиславе Мстиславиче (1125–1159), внуке Владимира Мономаха, княжество стало вполне самостоятельным и значительно расширило свою территорию. В 1136 году Ростислав учредил в Смоленске епархию греческой православной церкви, даровал ей земли и привилегии. При нем был создан и первый законодательный документ — «Устав Ростислава».

Храм Иоанна Богослова в Смоленске (1101 г.). Реконструкция

Территория Смоленского княжества значительно увеличилась. Князь Ростислав захватил полоцкий город Копысь, затем отобрал у черниговских князей земли северных радимичей. Здесь возникли крупные (по меркам того времени) города Рославль, Кречут (Кричев) и Прупой (Пропойск, ныне Славгород). На востоке Смоленщины в то время появились Дорогобуж и Ельня. Путь с Днепра на Волгу контролировал город Вязьма.

Следующим смоленским князем стал старший сын Ростислава — Роман (1160–1180). При нем укрепилось местное боярство, а на севере Смоленщины возникло первое удельное княжество с центром в городе Торопец. Здесь княжил Мстислав, младший сын Ростислава, брат Романа.

Когда князь Роман Ростиславич умер, его сменил другой младший брат — Давыд. Он в 1187 году подавил восстание горожан, спровоцированное голодом, и казнил многих видных бояр. У Давыда была сильная дружина из наемников-варягов. С ее помощью он захватил полоцкие земли на Западной Двине. Это позволило Смоленску развернуть активную торговлю с ганзейскими городами, расположенными по берегам Балтийского моря.

В 1230 году произошли сразу несколько трагедий: землетрясение, неурожай, голод и эпидемия чумы, от которой умерли тысячи людей, в том числе князь Мстислав Давыдович. В 1238 году к Смоленску подошли войска хана Батыя. О борьбе смолян с татаро-монголами рассказывает «Повесть о Меркурии Смоленском». Смоляне выстояли, но с 1275 года им все же пришлось платить дань Золотой Орде.

Хотя им удалось избежать татарского вторжения, с того времени начался упадок княжества, отягощенный усобицами между двумя линиями смоленских князей — Романовичами и Давыдовичами. В результате серии вооруженных конфликтов во второй половине XIII века выделились Вяземский и Можайский уделы.

В начале XIV века Смоленск окончательно утратил контроль над Витебском, но в его сферу влияния попал Брянск. Тогда же от Смоленского княжества отошли к ВКЛ земли Поднепровья, бассейн реки Проня, Верхнее Поволжье. При князе Иване Александровиче (1313–1358) Смоленск оказался в вассальной зависимости от ВКЛ. Около 1328 года князь Иван признал Гедимина, отца Альгерда, своим «старшим братом» — ради сохранения торгового пути по Западной Двине.

Смоленское княжество в XII–XIII веках

В 1331 и 1333 годах московские войска дважды нападали на Смоленск, но он сумел отразить агрессию и после этого прекратил выплату дани Золотой Орде*. В 1348 году смоленская дружина участвовала вместе с войсками ВКЛ в сражении с крестоносцами на реке Страве. В этой битве погиб один из смоленских князей.

В 1352 году на Смоленщину пришла из Московии эпидемия чумы. Умерло много людей и государство ослабело. Воспользовавшись этим, великий князь литовский Альгерд присоединил к ВКЛ города Мстиславль, Кричев и Рославль.

Позже он заключил союз со смоленским князем Святосла-

Замок в Смоленске (XV век). Реконструкция

* Московское княжество, возникшее в 1276 или 1277 году при Даниила Александровиче, изначально являлось одним из улусов Золотой Орды. Его властителям был поручен сбор дани для великого хана у северных и западных соседей княжества. — *Прим. ред.*

вом Ивановичем (1358–1386) и они вместе совершили в 1377 году успешный поход на Москву. После смерти Альгерда (в 1377 г.) власть в ВКЛ перешла к Ягайло, который с 1385 года стал еще и королем Польши. Его старший брат, полоцкий князь Андрей решил с помощью крестоносцев и смоленского князя Святослава воспользоваться переездом Ягайло из Вильни на постоянное жительство в Краков и захватить власть в ВКЛ. Святослав безуспешно попытался взять Витебск и Оршу, потом осадил Мстиславль. Однако войска Ягайло 7 мая 1386 года разбили смолян на реке Вехре, под Мстиславлем. Князь Святослав Иванович погиб, а Смоленское вече заплатило большой выкуп. Княжество утратило еще часть территории, в том числе город Ржев.

Новый князь Юрий Святославич (1386–1392) присягнул на верность Ягайло, то есть, стал его вассалом. Его брат Глеб Святославич (1392–1396) тоже находился в вассальной зависимости от ВКЛ. Использовав в своих интересах усобицу между Глебом и Юрием, великий князь Витовт в 1395 году захватил Смоленск и посадил там своих наместников. Вместо княжества Витовт учредил Смоленскую землю, то есть воеводство. Глеба он отправил в ВКЛ, а Юрий бежал в Рязань к своему тестю Олегу Ивановичу и с его помощью в 1401 году вернул город.

Витовт немедленно прибыл к Смоленску, но взять не смог. То же самое повторилось в 1402 и 1403 годах. Зато Витовт взял Можайск, после чего Смоленск оказался в окружении земель ВКЛ. Использовав нейтралитет Москвы и смерть Олега Рязанского, в 1404 году Витовт вернул Смоленск: «винных всех... позабивал до троих тысячей и, абы в Смоленску не было болшей уже бунтов, а княжество обернул в воеводство».

Католический костел и монахи-доминиканцы в Смоленске (1640 г.) Реконструкция Ю. Каштанова

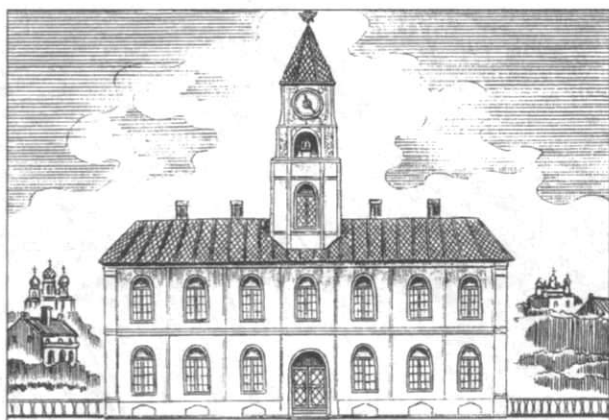
Несмотря на принятые меры, в апреле 1440 года жители Смоленска снова восстали и свергли воеводу Андрея Саковича, наместника великого князя. Смоляне пригласили к себе воеводой дорогобужского князя Андрея Дмитриевича, а «осподарем» — мстиславского князя Юрия Лугвеновича (ок. 1395–ок. 1458).

Юрий арестовал смоленских бояр, вернувшихся из Вильни с выборов нового великого князя, конфисковал их собственность и раздал ее своим сторонникам.

Новый князь ВКЛ и польский король (в одном лице) Казимир IV, только что занявший престол, послал войско к Смоленску. Но оно, простояв три недели под стенами города, не решилось на штурм и вернулось назад. Тогда в ноябре1440 года Казимир сам выступил против повстанцев. Узнав об этом, князь Юрий бежал в Москву, а оттуда в Новгород, войска Казимира заняли Смоленск и другие города княжества. Восстание угасло.

В XV веке Смоленск процветал. Смоленской землей управлял наместник великого князя, представлявший местных феодалов в Сейме и Раде ВКЛ. Существовало городское вече, решавшее вопросы повседневной жизни города и окрестностей. При наместнике заседала местная Рада. В нее входили смоленский епископ, маршалок и другие должностные лица. Горожане избирали себе старосту. Смоленская земля делилась на волости во главе с тиунами. Привилегии смолянам даровали великие князья Литвы Витовт (в 1404 г.), Казимир IV (в 1442 г.), Александр (в 1505 г.) и Сигизмунд I (в 1513 г.).

В 1410 году Смоленский полк (хоругвь) отличился в Грюнвальдской битве*.

Ратуша в Смоленске (XVII век)

Смоленск являлся важным центром беларуского летописания. В XIII–XV веках здесь были созданы несколько летописей, известных под общим названием «Смоленские», а также «Смоленская хроника» (около 1430 г.), «Беларуско-литовская летопись» (1446 г.) и переписана в XV веке знаменитая «Радзивиловская летопись», составленная двумя столетиями раньше.

В начале XVI столетия мирная жизнь Смоленска прервалась. В 1514 году, во время войны 1512–22 годов между Московией и ВКЛ, город и все воеводство захватили московиты. Они сделали его своим форпостом на западном направлении. С этой целью «розмысл» (архитектор) Федор Конь в 1596–1602 годах построил вокруг Смоленска мощные каменные стены с башнями, сохранившиеся до нашего времени.

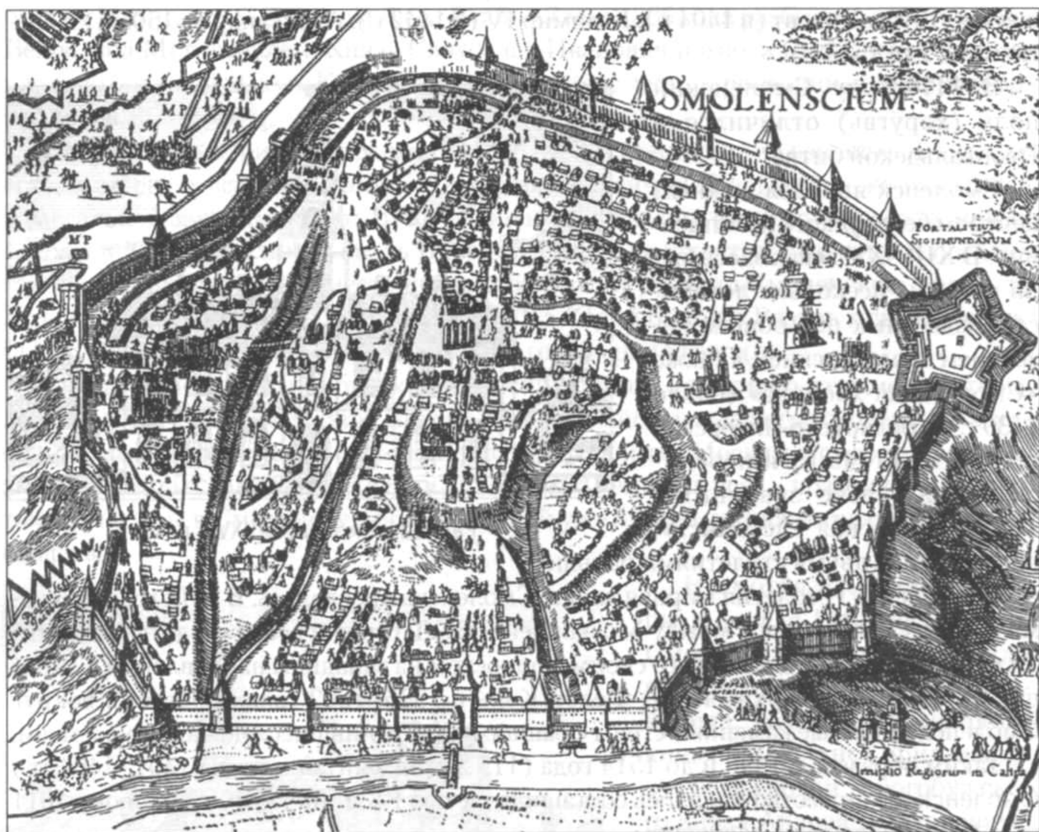
Таким образом, с 1396 и до 1514 года (115 лет, не считая мятежа 1401–1404 гг.) Смоленское княжество являлось составной частью ВКЛ. Далее им до 13 июня 1611 года (97 лет) владели московиты.

Сигизмунд III, король Речи Посполитой, в 1611 году отвоевал Смоленск, после чего город и воеводство еще 43 года оставались за Литвой. В ноябре 1611 года король даровал Смоленску Магдебургское право, в нем были созданы 4 цеха ремесленников. В 1613 году сейм Речи Посполитой официально восстановил Смоленское воеводство. Кроме самого Смоленска, в него вошли города Белый, Дорогобуж, Красный Городок, Невель, Почеп, Рославль, Себеж, Стародуб, Трубчевск и Чернигов с прилегающими к ним землями. Этот факт в 1618 году признали власти Московии, когда заключали Деулинское перемирие с Речью Посполитой.

Но в октябре 1654 года московиты вторично захватили Смоленск. С тех пор он входит в состав России. Тем не менее, даже в 1859 году — после 205 лет российского господства — большинство населения губернии считало себя беларусами. Вот данные из книги «Смоленская губерния. Список населенных мест по сведениям

* Обычно пишут о «трех смоленских полках», но это — ошибка в переводе латинского текста Яна Длугоша. — *Прим. ред.*

1859 года» (издание Центрального статистического комитета МВД, Санкт-Петербург, 1868 г.): беларусов — 46,68% против 42,42% русских. И что еще важнее — они жили не смешанно, а раздельно. Из 12 уездов семь (включая Смоленский) были этнически беларускими (беларусов там жило в 10–20 раз больше, чем русских), а в пяти уездах беларусов не было вообще.

Смоленск в 1636 году (с гравюры В. Гондиуса)

Примерно такие же результаты дала всероссийская перепись населения 1897 года. Снова большинство жителей Смоленской губернии своим родным языком назвали беларуский!

Эти данные, в числе других, приводило в 1926 году руководство ССРБ, аргументируя необходимость возврата в состав Беларуси пусть не всей Смоленской области, но хотя бы беларуских уездов. Однако московское руководство не вернуло ни одного из этих уездов, так как этнически беларуским был сам город Смоленск. Возврат уездов без Смоленска выглядел бы «непоследовательным». Сыграли роль и представления о Смоленске как «западных воротах на Москву», и суждения шовинистически настроенных российских историков-консультантов о том, что Московия «давно отвоевала Смоленск у ВКЛ». В итоге Смоленский уезд (в 1859 году 82.636 беларусов против 7611 русских и 1077 лиц других национальностей) остался в России, хотя 90,4% его населения — этнические беларусы...

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ТВЕРСКОЕ

Это государство возникло в XIII веке на территории, населенной кривичами, и существовало с 1247 по 1485 год — 238 лет.

Сам город Тверь появился в XII веке и сначала принадлежал Господину Великому Новгороду, а с 1209 года стал уделом Переяславль-Залесского княжества, вассального по отношению к Владимиру. Но в связи с тем, что татаро-монголы в 1238 году завоевали Владимиро-Суздальские земли, Тверь с 1247 года стала независимой. Тогда здесь правил князь Ярослав Ярославич, родной брат Александра Ярославича «Невского». С 1264 года он стал великим князем Владимирским. Возвышению Твери весьма способствовало учреждение здесь около 1265 года епископии во главе с Симеоном, бывшим епископом Полоцким. Вторым тверским епископом в 1289–1316 годах был Андрей, сын полоцкого князя Герденя.

К числу основных тверских «градов» относились Дорогобуж, Зубцов, Калязин, Кашин, Клин, Кснятин, Микулин, Старица, Телятево и Холм. На стыке границ ВКЛ, Господина Великого Новгорода, Московии и Твери, в верхнем течении Волги, стоял город Ржев, неоднократно переходивший из рук в руки. Определенное время Ржевом одновременно владели и ВКЛ, и Новгород, а жители города делили свою дань поровну между обоими господами.

Столица новой державы не могла обойтись без каменного собора. И в 1285 году его заложили князь Михаил Ярославич, его мать княгиня Аксинья и епископ Симеон. Епископ Андрей в 1290 году освятил новый храм во имя святого Спаса Преображенского (это название созвучно Спасо-Преображенской церкви, построенной в XII веке святой Ефросинией Полоцкой). Храм был кафедральным (т.е. главным) в новом государстве, его духовным центром.

Таким образом, Тверь опередила Москву в области каменного строительства. Храм был воздвигнут из белого камня и украшен резьбой. В XVI–XVII веках храм несколько раз перестраивали. Но в 1935 году большевики снесли его, разрушив до основания.

В 1369 году князь Михаил Александрович укрепил Тверь деревянным кремлем, а в 1372 город окружили земляным валом.

Расцвет Твери пришелся на XIII–XV века, когда он был крупным культурным, ремесленным и торговым центром. Тверские купцы торговали с городами Прибалтики и Кавказа, Ближнего Востока и Средней Азии. Самый известный среди них — Афанасий Никитин, который в 1466–1472 годах первым из европейцев совершил путешествие в Индию. Он был образованным человеком, владел татарским, персидским и арабским языками. Сначала по Волге и Каспию Никитин доплыл до города Дербент (в нынешнем Дагестане), а оттуда в Баку и Персию. Из персидского порта Ормуз (ныне Бендер-Аббас) Никитин морем добрался до Индии. В Индии купец прожил около трех лет. Назад он возвращался через Аравийское море, Персию, Малую Азию. Из Трапезунда Никитин, переплыв Черное море, прибыл в Крым, в город Кафа (ныне Феодосия). Покинув Крым, немного не доехал до дома и осенью 1472 года умер под Смоленском*.

* Научное издание его записок было осуществлено в 1958 году под названием «Хождение за три моря». — *Прим. ред.*

Древняя Тверь

В 1955 году земляки поставили в Твери на гранитном постаменте бронзовый памятник Никитину.

Весьма активно развивалось в Твери изобразительное искусство. Местные художники создали в XIII–XV веках свою живописную школу, прославившуюся иконами и книжными миниатюрами. Известна Тверь и летописями, часть которых сохранилась до наших дней. Самая знаменитая среди них — «Хроника Георгия Амартола».

В первой половине XIV века шла борьба между князьями Твери и Москвы за ярлык хана Золотой Орды на великое Владимирское княжение.

Как отметил один современный русский историк, на стороне тверских князей были права старшинства, личный героизм, юридические и моральные аргументы. На стороне московских — деньги, умение приспосабливаться к обстоятельствам и склонность к предательству.

Все же трем князьям Твери удалось получить заветный титул. Это Михаил Ярославич (великий князь Владимирский в 1305–1317 гг.), его сыновья Дмитрий Михайлович (в 1322–1326 гг.) и Александр Михайлович (в 1326–1328 гг.).

В это же время Тверь установила дружеские отношения с ВКЛ. В 1320 году Мария, дочь великого князя Гедимина, вышла замуж за тверского князя Михаила Александровича, а позже дочь князя Кейстута стала женой его сына Ивана Михайловича. Довольно часто тверские хоругви вместе с литвинскими воевали против крестоносцев.

В борьбе против тверских князей московские правители постоянно опирались на Орду и татарские войска. Так, московский князь Юрий Даниилович предательски убил в Орде князя Михаила Тверского, но и сам 21 ноября 1325 года погиб от руки его сына Дмитрия.

В 1327 году Тверь восстала против Орды. В городе был убит татарский посол, уничтожена его дружина. Тогда Узбег, великий хан Золотой Орды, поручил московскому князю Ивану Калите покарать тверичей. Калита возглавил татарское войско, разгромил повстанцев и полностью разграбил Тверское княжество. За это в 1328 году он получил от хана титул великого князя Владимирского. Именно с этого мерзкого эпизода началось возвышение Московии.

Однако Тверь постепенно возродилась. С помощью литовского великого князя Альгерда, которой в 1347 году вторым браком женился на тверской княжне Ульяне Александровне, она продолжала сражаться с Москвой. Так, в ноябре 1368 года Альгерд поддержал тверичей, пошел вместе с ними на Москву, осадил ее и три дня стоял под стенами города, пока не получил откуп.

В 1370 году московский князь Дмитрий Иванович («Донской») снова напал на Тверь. Тогда Альгерд вторично пошел на Москву и 6 января 1370 года взял ее в осаду. В это же время тверской князь получил в Орде ярлык на Владимирское великое княжение. В 1372 году войска ВКЛ под предводительством Витовта и Кейстута снова вторглись в Московию, чтобы поддержать своего ставленника.

В 1375 году московский князь Дмитрий Иванович организовал своего рода «крестовый поход» против Твери, мобилизовав воинские дружины 19 удельных князей. Князь Михаил мужественно оборонялся. Осада Твери длилась 5 недель, но город выстоял. Тогда захватчики разрушили окрестные города и села. Князь Михаил предложил мир, что и было принято.

В 1385 году тверской князь Василий Михайлович женился на дочери киевского князя Владимира Альгердовича. Таким образом, связь тверичей с литовской династией Гедеминовичей не прерывалась.

В 1430 году великий князь Витовт пригласил на свою коронацию вместе с московским князем Василием Васильевичем и тверского князя Бориса Александровича. Шесть недель множество гостей пировало у Витовта, но коронация не состоялась. По дороге через Польшу корону украли, а 80-летний Витовт вскоре после этого умер. Однако связи тверских князей и Гедеминовичей остались крепкими, так как тверская княжна родила от Альгерда семерых сыновей, в том числе знаменитого Ягайло.

Наибольший расцвет экономики и культуры тверской державы пришелся на первые две трети XV века, когда в Московии шла долгая гражданская война, вследствие чего набеги на Тверь прекратились. В начале этого столетия князь Иван Михайлович стал чеканить свои деньги — тверские пулы. Широкой славой пользовались тверские металлурги: они лили колокола и пушки.

Последний период расцвета Твери наступил при князе Борисе Александровиче, правившем в 1425–1461 годах.

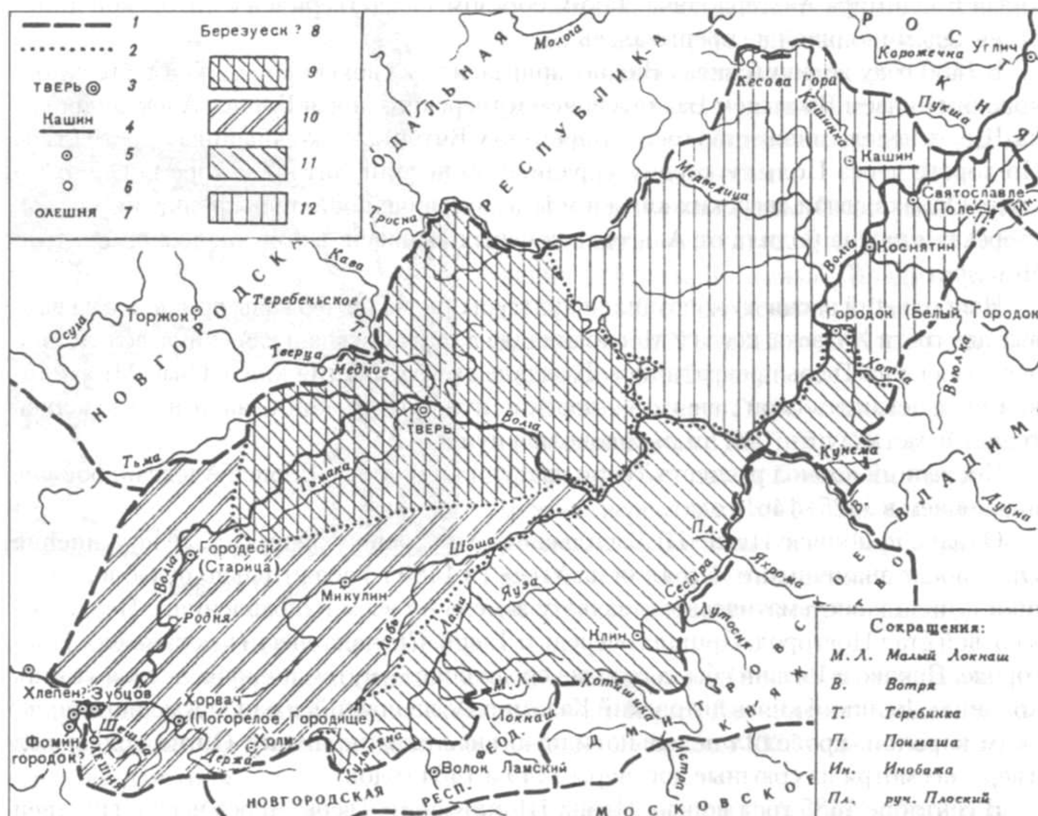
Однако при князе Иване III Васильевиче Московия укрепилась, ее подчинение Орде после знаменитого «стояния на Угре» (в 1480 г.) значительно ослабло, и она приступила к систематическому захвату земель по всем направлениям. Первой ее жертвой стал Новгород. Пришла очередь и Твери. Сначала здесь (как раньше в Новгороде, Пскове и Рязани) была создана среди бояр — путем подкупа — своя «пятая колонна». Великий князь литовский Казимир IV, являвшийся одновременно и польским королем, проводил недальновидную внешнюю политику. Он не поддержал Тверь, несмотря на союзные договоры 1449 и 1484 годов.

В сентябре 1485 года войска Ивана III окружили Тверь. Через несколько дней подкупленные бояре перешли на сторону Москвы. Тверской князь Михаил Борисович с семьей и небольшой дружиной сумел бежать в Литву, тогда как его мать, княгиня Настасья, попала в плен к московитам и была вывезена в Москву. «И так кончилось Великое Княжество Тверское» — печально отметил летописец в Волынской краткой летописи.

Справка: Тверские князья: Ярослав Ярославич (1247–1272) – Святослав Ярославич (1272–1285) – Михаил Ярославич (1285–1318) – Дмитрий Михайлович (1318–1326) – Александр Михайлович (1326–1339, убит в Орде с сыном Федором) – Михаил Александрович (1339–1349) – Василий Михайлович (1349–1368) – Михаил Александрович (1368–1399) – Иван Михайлович (1399–1425) – Александр Иванович (1425, май – октябрь) – Борис Александрович (1425–1461) – Михаил Борисович (1461–1485).

Утратив Тверь – последнего надежного союзника на Востоке, ВКЛ вскоре стало терпеть серьезные поражения от Московии. В 1513 году оно утратило Смоленск. Только победа князя Константина Острожского под Оршей в сентябре 1514 года приостановила московскую агрессию на 50 лет, до Ливонской войны.

Новый московский царь Иван IV Васильевич – внук Ивана III, хорошо знал, что тверичи часто вспоминали былое вольное житье, когда у них были свои собственные князья, породнившиеся с династией Гедиминовичей. В декабре 1569 года войска Ивана Грозного со всех сторон окружили Тверь и стояли тесным кольцом пять дней. А в городе злодействовали опричники. Сначала они ограбили священников, начав с епископа, потом горожан. Затем войска вошли в город и вместе с опричниками уби-

Великое княжество Тверское (1322 г.)

1 — границы княжеств; 2 — границы уделов; 3 — столицы княжеств; 4 — центры уделов; 5 — города; 6 — села; 7 — волости; 8 — населенные пункты: предположительно; 9 — удел великого князя Дмитрия Михайловича; 10 — удел князя Александра Михайловича; 11 — удел князя Константина Михайловича; 12 — удел князя Василия Михайловича.

ли множество простых людей, в том числе женщин и детей. Затем по приказу Ивана взялись за пленных полочан и ливонских немцев. Их всех порубили на куски, останки бросили в проруби на замерзшей Волге. В Твери было уничтожено почти все население, не менее 90 %. Отсюда царские каратели пошли в Торжок и Новгород — истреблять тамошних жителей.

Весь XVII век Тверь пребывала в запустении, и только в XVIII столетии постепенно отстроилась. В 1775 году она стала центром одноименной губернии.

Вопреки столетиям господства московитов, беларуское присутствие в ряде уездов Тверской губернии сохранялось и в XIX веке. Согласно переписи 1897 года, беларусами назвали себя около 125 тысяч человек, живших в Осташковском, Зубцовском и Ржевском уездах. В наибольшей мере сохранили свою этнографическую специфику крестьяне, жившие по берегам реки Туд, впадающей в Волгу. Их язык, мотивы песен, традиционная одежда и пляски были тождественны беларуским. Этих приволжских беларусов называли тудовляне. В 1903 году они насчитывали до 45 тысяч человек. Более того, этнические признаки беларусов местные краеведы зафиксировали у тудовлян даже в середине 1960-х годов!

* * *

В конце своего рассказа о забытой беларуской державе — Великом княжестве Тверском — хочу привести цитату из книги современного российского историка Андрея Буровского:

> «Там, где воюют Москва и Литва, воюют Европа и Азия. Не случайно границу этих частей света с XV века и до этого времени упорно проводят через территорию Руси. И выбор... Твери между Великим Княжеством Литовским и Москвой — это не просто выбор вассала между двумя сюзеренами и не просто решение, в какое более крупное и сильное государство войти. Это выбор между Европой и Азией».

Совершенно верно европейцы на своих картах на месте Московии помещали надпись «Великая Татария».

Чтобы нам снова не оказаться в составе соседнего «евроазиатского» государства — вместе с Чечней, Татарстаном, Башкирией и Тувой, надо хорошо знать свою историю. Далеко не случайно трудно найти сведения о независимой Твери в российских учебниках и энциклопедиях. Тверь и сегодня остается для Москвы тем «Карфагеном, который должен быть разрушен».

Большевики в 1931 году даже изменили древнее название города на Калинин, чтобы ничто не напоминало о былой славе тверичей. Однако СССР рухнул, слово «Тверь» снова появилось на географических картах. Нам следует помнить о беларуском присутствии на берегах Волги и о том, что Волга, которую в России называют великой русской рекой, начинается в кривичской (беларуской) земле — как и Днепр, как и Западная Двина.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Олег Трусов (1954 г.р.) — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси и музееведения Беларуского университета культуры и искусств. Автор дюжины научных монографий и научно-популярных брошюр, свыше 500 статей в научной и периодической печати. С 1999 года возглавляет «Таварыства беларускай мовы імя Францішка Скарыны» (Общество беларуского языка имени Франциска Скорины).

II. ОТ ВКЛ — К БЕЛАРУСИ

ЛИТВА И БЕЛАРУСЬ

Йонас ЛАУРИНАВИЧЮС

«Свою хрупкую идентичность белорусы ищут в прошлом Великого княжества Литовского, его присваивают, объявляя себя настоящими литовцами («литвины»), оставляя для наших предков только роль жемайтов («жмудинов»).

Белорусская «литовскость» нередко антилитовская: гордость за своеобразно понятую историю ВКЛ переплетается с презрением к нынешней Литве».

Т. Баранаускас

Почему «разошлись» наши народы в XX веке? Насколько существенна разница между нами в сравнении с другими соседями?

Альманах «Druvis»

Общая антропология и антропонимия, похожий психологический портрет, весьма близкие концепции «человека социального», целые блоки идентичной этнографии (от народных костюмов до музыки, от национальных орнаментов до народной архитектуры, от мировосприятия до традиционного быта), созвучные языки... Всё это свидетельствует об этнической близости наших народов. Но реально они «разошлись» не в XX веке.

Исследователи давно выяснили, что этнический и, соответственно, геополитический раскол региона начался со времён славянской экспансии в «балтский» мир около полутора тысяч лет назад. Он особенно углубился с принятием христианства – Польшей в 966 и Киевской Русью в 988 гг. – что породило эпоху крестовых походов на «Древнюю Литву» (эпизод из истории Беларуси – битва при Немиге, 1067 год, которую А. Норкунас считает тяжёлым поражением цивилизации балтов). Позднее внешняя угроза от татар и немецких крестоносцев и воля низших (балтских) слоев населения Белой Руси к союзу с родственным по культуре и языку ВКЛ стали основой компромисса между центральной и местной властью «Великого Княжества» по принципу: «старину не трогать, новину не вводить» и причиной быстрого роста Литовского государства.

Именно этим теневым, этно**культурным** балтским фактором Беларуси и определяется её большая роль как в сдерживании вражеской экспансии против государства балтского мира (ВКЛ) с юга и с востока, так и в окончательной победе над крестоносцами на западе. Но, заметим, – при определяющей роли создателя и инициатора ВКЛ – этно**государственной** структуры «Литвы языческой», Lithuania Propria («Литвы Первоначальной», по А. Норкунасу). На протяжении всей истории Княжества только должность в структуре этого монаршего домена означала /одновремен-

Глава XVIII из книги Й. Лауринавичюса «Древняя Литва: цивилизация и государство (Легенды и факты в этническом аспекте)». Минск: БГПУ, 2009, с. 277–292.

но/ и принадлежность к государственной элите, чем и объясняется борьба за равенство прав православных нобилей с католическими, а не наоборот. (В. Носевич).

В конце концов разная конфессиональная и языковая принадлежность сыграла роль этнообразующего фактора. Белорусы ныне — отличный от литовцев народ.

***

Национальное возрождение XIX — начала XX веков актуализировало не интегрированную картину общего прошлого, а его разделение по признаку этнической принадлежности. Что само по себе является, видимо, не результатом исследований истории как науки, а скорее, эпизодом истории политики. К сожалению, весьма болезненным.

Приобретения и колониальной практики, и имперской исторической науки, очевидно, подогрели претензии не только на древний имидж, но и на территорию «Великого Княжества». Не слишком популярной в Литве иллюстрацией чему является требование Третьей уставной грамоты Белорусской Народной Республики от 25 марта 1918 года — объединить в границах БНР в числе «всех этнографических белорусских земель» и почти половину этнических литовских. Кстати, делается это со ссылкой на труды академика Ефима Карского, но не обращая внимания на его призыв к осторожности в этническом вопросе на пограничье двух народов. Заметим, что Уставная грамота появилась уже ***после*** Акта восстановления государственности Литвы, принятого в феврале 1918 г.

Готовить почву для исторических (соответственно, и территориальных) претензий начали ещё идеологи белорусского национального Возрождения конца XIX — начала XX века, а в новое время культивируют их последователи: от любителя Н. Ермоловича до определённой части профессионалов с учеными степенями. На смену стереотипам имперской науки о «русско-литовском» характере ВКЛ (с чем трудно было бы спорить, если бы под «русским» понималось «прусское», а не «славянское» либо «российское» слагаемое) пришли якобы новые, но с той же целью — доказать исконные преимущества «славянства» (в данном случае «белорусского») над «балтством», возвысить заслуги первого в создании ВКП и принизить — второго. Соответственно — и их права на наследие «Великого Княжества».

1) Одни белорусские историки «литву» трактуют как «белорусское» ***племя,*** другие говорят о ***балто-славянском*** характере «Литвы Первоначальной» (Lithuania Prorgia); но те и другие

2) её историческую роль сводят к «объединению белорусских земель»;

3) современных литовцев (по этой терминологии, «летувисов») противопоставляют «литвинам» времён ВКЛ,

4) с потомками этих последних идентифицируют прежде всего современных белорусов — опять же, «славян»;

5) название современной Литвы меняют на «Летуву» (будто бы правопреемницу «Жмуди», вошедшую в ВКЛ позднее Полоцка и других территорий современной Беларуси),

6) в качестве наследника ВКЛ трактуют Беларусь, ибо

7) «Литва Миндовга» находилась якобы где-то «между Молодечно, Новогородком и Слонимом», т.е. на территории современной Беларуси;

8) «славянские земли» (видимо, прежде всего, опять же «современная Беларусь») занимали 9/10 территории государства;

9) «белорусский» язык был «государственным», а

10) белорусская культура «доминировала» в ВКЛ, и т.п.

11) Вся эта концепция концентрированно выражается в оригинальной расшифровке титула «Великое Княжество Литовское, Русское и Жамойтское»: где под Литвой разумеется современная Беларусь, под Русью — Украина, а под Жамойтией (Жмудью) — современная Литва (Летува).

Поскольку такая агрессивность имеет очевидно политическую подоплёку, её нельзя бесконечно замалчивать. Обратимся к аргументам, которые по пунктам даёт история — как древняя, так и современная: политическая и этническая, языковая и культурная.

АРГУМЕНТЫ — О КОЛИЧЕСТВЕ, ВЫВОДЫ — О КАЧЕСТВЕ

«Divide et empera!»
(«Разделяй и властвуй!»)
Принцип Римской империи

(8) Дробь «9/10 славянских территорий» в ВКЛ — прямая цитата из произведения по национальному вопросу главного российского революционера /И.В. Сталина — *ред.*/, который, правда, потом, при определении границ республик СССР, об этих утверждениях словно бы и забыл. Профессор М. Довнар-Запольский и профессор В. Игнатовский называли цифру, втрое, а проф. J. Jurginis — вдвое более «благоприятную» для Литвы: не 1/10, а соответственно 1/3 и 1/5 «балтских» территорий в ВКЛ. К тому же, не «земли», а их этносы определяют ход истории.

По оценке других учёных (М. Любавский, J. Jakubowski, K. Pakstas), плотность населения в литовской части ВКЛ, Lithuania Propria (около 5 чел. на 1 кв. км) даже в конце XV века куда выше, чем в «славянской» (от 2 до 3 чел. на 1 кв. км и менее), поэтому общая его численность достигает половины всего населения государства.

Не нужно также, во-первых, забывать об исконно «балтской» природе этноса ВКЛ, а во-вторых, сбрасывать со счёта прежнего лидера региона ***Пруссию*** как постоянный духовный и ментальный тыл Литвы этнической: и во времена создания государственности, и в дальнейшем. Даже в уже германизированной Восточной Пруссии (Ostpreussen) литовский язык с первой половины XVI и до второй половины XIX века употреблялся наряду с немецким как официальный. Именно там появилась первая литовская книга, первый полный перевод Библии на литовский, первая научная грамматика литовского языка, и, наконец, также впервые — светская литература. В то время плотность населения в Пруссии (15 чел. на кв км) превышала аналогичный показатель Англии (11 чел./кв.км)*.

(7) Хотя история отражает в эпоху крестовых походов против «Древней Литвы» и её многовековой тотальной войны на два фронта, — катастрофическое сужение ареала употребления живых «балтских» наречий, но и с учётом этого, по крайней ме-

* J. Trinkunas. Prusa-baltu kulturos zidinys. В кн.: Potsdamas ir Karaliauciaus krastas. V., 1996, p. 153.

ре до XVI века в окрестностях Минска ещё звучал литовский язык (проф. Z. Zinkevicius). Этнокосмолог J. Vaiskunas на основании изоглоссы «*Сетки*» (от литовского названия созвездия *Sietynas*, греч. *Pleias*, русск. «Плеяды», бел. «Стажары») — границу этнической Литвы времён крещения Белой Руси определяет южнее линии Брест — Минск и восточнее линии Минск — Глубокое. Вспомним и засвидетельствованные Третьим разделом Речи Посполитой границы «Литвы подлинной» (Lithuania Propria) в 1795 году.

Поэтому место нахождения вотчины Миндовга за несколько веков до того (даже если бы его определение было точным, в чём есть сомнения) не даёт оснований говорить о якобы «славянском» этническом характере этой «земли» и не опровергает её принадлежности к прусско-литовской этногосударственной структуре ВКЛ. О чём косвенно свидетельствуют и имена как самого Миндовга, так и большинства названных Н. Ермаловичем нобилей Новгородка, ибо они — балтские, и на основе славянских языков не этимологизируются.

(9) «Государственный» характер восточнославянского языка в ВКЛ оспаривают проф. Chr. Stang, академики АН Литвы профессора K. Jablonskis и Z. Zinkevicius, академик АН Литвы и АН России проф. E. Gudavicius, другие языковеды и историки, считая его «канцелярским», ибо «государственных» языков в современном значении тогда ещё не было. Канцелярия Великого князя пользовалась несколькими языками — ещё и латинским, польским, немецким, татарским, а отражение текстами Статутов традиционного балтского права, наличие в них многочисленных литуанизмов, которые при этом даже не переводятся на «славянский», свидетельствует о том же — о прежде всего прикладном, а не абстрактно «государственном» характере этих документов. Что красноречиво иллюстрируется, в частности, использованием Статута для решения внутренних правовых гражданских дел даже после исчезновения ВКЛ как государства (в составе Российской империи — вплоть до 1840 года).

Проблемным является и вопрос, с какого времени и каким можно считать этот язык. Тексты первых Статутов ВКЛ (1529 и 1566 гг.) проф. Chr. Stang определяет как преимущественно «староукраинские», и только язык Третьего (1588 г.) — он признаёт «старобелорусским». Ко времени издания Третьего Статута, заметим, Украина вышла уже из-под юрисдикции ВКЛ «под Корону», а Великое Княжество окончательно утратило независимый статус. Борясь уже только за автономные права в Польско-Литовском государстве — Речи Посполитой.

В диалектике отношений власти к избранному ею для делопроизводства языку отражается дуализм социальной ситуации в ВКЛ. С одной стороны — **военное** доминирование «балтов» с конца XII и по крайней мере до середины XVI века (см., например, перепись личного состава конницы ВКЛ 1528 года с преобладанием всадников из уездов Lithuania Propria (М. Любавский, J. Jakubowski), а с другой — **письменная** славяноязычная: ***административная*** (ср. *Русскую правду* XI–XIII вв., *Судебник Казимира*, 1468 г.) и ***литературная* традиция** со времён Киевской Руси.

Хотя силовое преимущество балтского элемента гарантирует и внешнюю обороноспособность, и внутриполитическую стабильность (подавление мятежей Свидригайлы и М. Глинского), но угрожающая полонизация уже с конца XIV века принуждает Витовта использовать фактор славяноязычного летописания ВКЛ (доктор исторических наук Н. Улащик называл его «литовско-белорусским») в качестве оружия цивилизационной самозащиты. Противоречивость этих факторов очевидна.

Во-первых, с одной стороны, заказчиком произведений как средневекового права, так и средневековой литературы выступает двор властителя ВКЛ, и поэтому для самого двора (а канцлеры, от А. Гаштольда до Л. Сапеги — его функционеры) язык исполнения приказа, вне зависимости от того, с каким акцентом — «украинским» или «белорусским» он оглашается, является скорее, инструментом реализации его воли, чем следствием «доминирования» одного якобы «государственного») языка над «негосударственными».

С другой, однако, не следовало бы игнорировать и самодовлеющую роль упомянутого выбора для дальнейших судеб культуры в государстве. Глядя с точки зрения этнической Литвы, молох чужой письменности пожирает саму возможность появления собственной, литовской /письменности/ на раннем этапе государственности, выстилая тем самым путь для дальнейшей полонизации. Понадобилось несколько поколений, чтобы в литовской среде утвердилось осознание необходимости письменной культуры и на своём языке.

Во-вторых, поскольку наличие парадигмы «украинизмов» — «белорусизмов» в текстах Статутов отражает скорее канву, чем основу восточнославянского языка (иначе переход от одной его разновидности к другой в исторически кратчайшие сроки, от Статутов 1529 и 1566 гг. к Статуту 1588 г., не был бы столь безболезненным), то даже претендовать на якобы «господствующее» положение белорусского (либо украинского) языка можно только с оговоркой на общее гуманитарное наследие Киевской Руси. В то же время, убедительным, хотя и косвенным свидетельством того, что канцелярские и литературные нужды приблизили ко двору славяноязычную элиту, является, например, ориентация именно на её языковую практику и на литовских татар, со времён Витовта традиционно находящихся в орбите великокняжеского окружения. Характерно, что так называемые «аль-китабы», рукописные книги арабским письмом, но уже по-старобелорусски, появляются в том же XVI веке, когда татарская этническая группа уже утратила свой родной язык.

В-третьих, параллельно наблюдается и иной процесс консолидации государственной элиты (а лишь она считалась в ту эпоху народом!) — на основе латинского языка, ибо магнаты Литвы, в соответствии с традицией летописания ВКЛ, считают себя потомками римских патрициев, а потому родной литовский язык трактуют как *«испорченную* латынь», ставя целью вернуть страну к латыни *истинной* как к родному языку. Поэтому имеющие европейскую известность авторы XVI–XVII вв. пишут на латыни, независимо от этнической принадлежности — M. Hussovianus /Гусовский/, M. Lithuanus, A. Rotundus, M. Sarbievius...

Литовская династия Гедиминовичей с очевидностью оценивает всех подданных как население своей «вотчины» и, видимо, ни на миг не упускает из виду социальный опыт христианских соседей — как на Востоке, так и на Западе (обратим внимание на то, что якобы закоснелый язычник Гедимин назвал одну из своих дочерей римским именем «Айгуста», т. е. латинским *Augusta* («священная»), а общепризнанный нашей историографией «борец за веру» Кейстут своего сына — *Патриком,* т. е. латинским «патрицием»!). Не отсюда ли и ориентация на один из атрибутов христианства — восточнославянскую письменную традицию?

С другой стороны, нет сомнения, что эта династия хорошо знает и помнит этническую историю региона: в этом смысле показательны требования Ольгерда и Кейстута на переговорах с королём Венгрии Людвиком (1358 г.) о границах своей «вот-

чины» *от Балтики до Москвы, от Алны до Даугавы,* которые удивительным образом, но вряд ли случайно совпадают с ареалом балтской топонимии, а также, по сути подобную же логику рассуждений в «Задонщине» Андрея и Дмитрия Ольгердовичей (потомков *Сколоменда,* литов. *Skalmantas)* — о необходимости защищать эту «вотчину» от татар Золотой Орды как врагов её цивилизации.

Акцентирую, возможно, принципиально новую мысль, что и властители, и элита «Литвы первоначальной» (иначе говоря, идеологи ВКЛ) к языкам и культурам обеих частей «древней Литвы» изначально относятся как к атрибутам одного народа, высказывание Витовта (1420 г.) относительно жемайтов и аукштайтов — что это *«и народ один, и язык один»* — гипотетически может расцениваться как редуцированная форма более широкого определения, имеющего и другую сторону: что и «балты», и «русины» ВКЛ — исторически также *«народ один»,* хотя уже и *разноязычный.* Позднее Ф. Скорина определит его по-своему — как *«люд посполитый.* Русские летописи назовут его *«людьми литовскими»,* что адекватно политониму *«литвины».* Этот последний производен от литовского этнонима lietuviai и омонимичен ему. Ср. польск. *litwin* = лит. *lietuvnikas* (ныне историзм), Litwa = *Lietuva. (K. Sirwid, 1620).*

Только широкий взгляд в состоянии приблизить нас к пониманию уникальной ситуации, в которой оказалась наша родина на изломе эпох и в зоне противостояния цивилизаций. Само появление тут **западного** проповедника Брунона (1009 г.) накануне начала крестовых походов с **Востока** знаменует собой намечающееся соперничество между Римом и Византией за Литву как якобы «ничейную землю». Дальнейший ход истории выявляет возможные альтернативы в историческом выборе Литвы. Очевидно, что её элита уже на самом раннем этапе государственности решает вопрос будущего общественного устройства, который по форме воспринимался как выбор конфессиональный.

«Язычники» — нальшане (*Nalsia* — часть исторической Литвы, Lituania Prоргіа), выпестованные, по словам монахов-францисканцев, «христианками-кормилицами», уже готовы принять новую веру. Но какую? Властитель Литвы Миндовг (Mindaugas) выбирает католицизм, а его сын Войшелк (Vaiselga, Vaisvilkas, Vaisvila), — православие, однако черту в их споре подводит уже воинственный апологет традиционной «литовской» веры Тройден (Traidenis). Двойственность эпохи подчёркивается и двойными именами князей даже в окрещённом за столетия до того регионе (и христианское, и «языческое», обычно балтское. Классический пример — родословная полоцкого князя Герденя (Girdenis) в XIII веке: он **сын** *Давида Ростиславича,* т.е. **внук** *Ростислава!).*

Тот же бинарный код характерен и для эпохи Реформации: *северная* ветвь магнатского рода Радзивиллов-Радвилов (с городами Биржай, Кедайняй, Радвилишкис) отдаёт приоритет развитию **литовского** языка (в XVII веке, во время разгула полонизации, на нём разговаривал великий гетман Я. Радзивилл, *J. Radvila), а южная* из Несвижа и Слуцка) — **русинского** (финансируя деятельность С. Будного, В. Тяпинского и других просветителей). Примечательно, что несмотря на такую языковую (и мировоззренческую!) поляризацию, оба якобы разных народа «Великого Княжества» столетиями живут в этническом мире.

Нужно иметь в виду также, что и «высокая» культура княжеской, воинской и жреческой элиты «древней Литвы», и «низкая», традиционно связанная с верованиями общинников, интенсивно культивировались веками, что и объясняет уро-

вень развития языка этого культа. По свидетельству этнологов, его уникальность — в сохранении первичных антиномий бытия — небытия *(gyveti — geibti)*, расцвета — увядания *(nokti — nykti)*, рождения — смерти *(gimti — migti)* и т.п. в рамках одной лексемы (A. Patackas, A. Zarskus), отражающих не только чрезвычайную архаичность этого языка, но и, очевидно, давнюю традицию абстрактного словоупотребления, продиктованную как раз потребностями культа.

J. Basanavicius даже утверждает, что грамматически совершенные категории литовского языка (который к середине XIX века сохранился, заметим, уже почти исключительно под крестьянской крышей) могут объясняться только традицией его употребления в прежние времена именно как языка письменного.

Не исключено, что глубокой цивилизационной традицией балтов объясняется и уважительное отношение к культуре соседей. Не этот ли давний её потенциал, по крайней мере в бывших культовых центрах, несмотря на уничтожение христианством, на давление иноязычной, прежде всего сакральной терминологии (C. Gedgaudas отмечает, что после крещения из литовского языка вытесняются многие абстрактные понятия), позволил, однако, сохранить жизнеспособность этой культуре и в ВКЛ, и в соседней Пруссии.

Адепты славянских языка и культуры как «доминирующих» в ВКЛ неким удивительным образом «забывают» о мощном цивилизационном факторе и фоне всего бытия в пространстве, во времени, а значит, и в истории региона — языке балтов! В. Корбут, вслед за В. Топоровым, утверждает, что невозможно отделить балтизмы от основного состава восточнославянских языков — настолько органичной его частью они стали. Имена богов, героев и исторических личностей как «Древней Литвы», так и ВКЛ, архаический пласт гидро- и топонимии, названия государств и военных союзов всей северной части Средней Европы *(Scandinavia* <прусск. *Skandiia, Suomii* <прусск. *Semme, Karjala-Карелия <литов. Karja, Rasa-Русь* и *Lietuva, Prusai* и *Zemaiciai, Dainava* и *Suduva, Nalsia* и *Sela, Galinda* и *Ziemgala, Latgala* и *Eesti*, возможно, и термины-кальки *Белая Русь <Berzas*, и *Украина <Galinda)*, целых народов *(rasai-rusai, lietuviai, kriviai, zemaiciai, ziemgaliai, gudai, jotvingiai, latviai, galindai, estai)*, социальных сословий — от легендарных «витязей» до «баронов»: barti «бранить», «оборонять», «биться» (ср. прусск. этноним *bartai*, фамилии лат. *Barons*, лит. *Baronas*, бел. *Баран*, город *Баранавічы*, лит. *Barys(-as)*, польск. *Borys*, бел. *Барэйка, Барэйша, Барыпа*, литов. *Daubaras, Sedbaras, Vizbaras, Bariunas)*, до конкретных правовых категорий *«койминцы», «велдамы»* Статутов ВКЛ... Возможно, особняком стоит *zynys* «жрец», «судья», ошибочно воспринятый переписчиком, а за ними белорусской культурной традицией как *зніч* «святой огонь», о чём критически отзывался ещё K. Buga).

Не менее знаковые и ссылки Гедимина на полученное им в наследство традиционное (устное? письменное?) право «осудить и помиловать» (1323 г.). Кстати, о специфике «литовских» правовых традиций в сравнений с «русскими» наилучшим образом свидетельствуют позднейшие Статуты ВКЛ, с одной стороны, и более ранняя «Русская правда» — с другой.

В конце концов в XIX веке именно литовский язык как самый архаичный из живых в Европе стал объектом пристального интереса к нему со стороны учёных многих стран, что, соответственно, придало дополнительные импульсы национальному Возрождению.

КУЛЬТУРА «ТРАДИЦИОННАЯ» И «ВЫСОКАЯ»

«Литовский язык нужно сохранить,
ибо он таит в себе ключ от секретов
не только филологии, но и развития наций».

Иммануил Кант

(10) Музыкологи, этнографы и даже некоторые историки в самой Беларуси и поныне признают чрезвычайную близость традиционной «белорусской культуры» с культурами её балтских соседей — литовцев и латышей, особенно в регионе к северу от линии Орша — Минск — Брест. «Межнациональные» отличия тут порой меньшие, чем «внутринациональные» по отношению к южным районам Беларуси. Да и отмеченная уже насыщенность балтской топонимией всей населённой белорусами территории, опять же, не оставляет сомнений в спекулятивности идеологем вроде «господства» в ВКЛ одной культуры над другими.

NB: «культура» производна от «культа». А культ с эпохи крещения кривичей у предков нынешних литовцев и белорусов — разный. Выбор католицизма властителями Литвы также имел целью сохранить этническую идентичность народа-создателя ВКЛ (В. Носевич). Поэтому реально было бы говорить об активном сожительстве этносов и культур в государстве — при очевидно разных внешних нагрузках на отдельные сегменты социума. Что в конце концов и определило направление и динамику процессов ассимиляции.

Пример из сферы «высокой» культуры: коллегия, первое среднее учебное заведение в Вильне и в ВКЛ, — прообраз будущей высшей школы — была создана в 1539 году как раз активным кружком учёных из этнической Литвы (Lithuania Propria). Когда их изгнала контрреформация, они под патронажем герцога Пруссии, Ягеллона по линии матери — Альбрехта Гогенцоллерна (Albrecht Hogenzollern) создали протестантский университет в Кёнигсберге (1544 г.): S. Rapolionis (лат. Raphagellaus) возглавил ведущую кафедру теологии, A. Kulvietis (лат. A. Kulvensis) –древнегреческого и древнееврейского языков. С 1546 года тут обучались и студенты из Литвы, в их числе — будущий первопечатник M. Mazvydas.

С основанием университета и в Вильне — уже иезуитского (1579 г.), потомки «Древней Литвы» получили наивысший для Европы того времени уровень научного образования в обеих его ипостасях — реформатской и католической, что и определило в конце концов эпохальный цивилизационный и культурный вклад Литвы этнической в развитие новой Европы.

***

Те, кто (5) ничтоже сумняшеся ставит знак равенства между «Жмудью» (от польск. *Zmudz, = Жамойть* литовских летописей, лит. *Zemaitija,* русск. Жемайтия) и нынешней Литвой («Летувой»), — возможно, искренне не подозревают об отличиях и диалектов Жемайтии (этнографический регион Западной Литвы) от общего литературного языка (в основе своей аукштайтского), и самобытного образа жизни этого края (вспомним особый статус его как Староства в составе ВКЛ). Не говоря уже об исконном **культовом** противопоставлении в связке *Zemaicai — Aukstaiciai.*

Уже цитированное утверждение Витовта, что Жемайтия и Аукштайтия — *«и народ один, и язык один»,* **политически** подтверждается Ипатьевской летописью под

1219 годом о договоре «князей Литвы» (в том числе и жемайтских) с Волынью, а **лингвистически** — языковедами начиная с А. Баранаускаса (XIX век). Однако не следует всё же смешивать два эти понятия.

Кстати, литовская письменность с XVI вплоть до середины XIX века развивается параллельно в двух ипостасях — жемайтской* (традиция от М. Мажвидаса до С. Даукантаса и М. Валанчюса) и собственно литовской (начиная с Й. Бреткунаса в Малой Литве и М. Даукши — в Литве Великой, и до наших дней, — но лишь национальное Возрождение XIX века утверждает эту разновидность в качестве литературной). Характерно, что M. Mazvydas, обращаясь к читателю в 1547 году, трактует понятия «литовцев» и «жемайтов» *(Lietuvinikump ir Zemaiciump)* как две части одного народа. Трёхъязычный польско-латинско-литовский словарь профессора Виленского университета К. Сирвида (K. Sirvydas) в 1620 году также различает термины «Жемайтия» и «Литва»: *Zemaiciai* и *Lietuva*. То же — и в современном литовском языке. За почти 400 лет не изменилась номинация этих понятий и по-польски — и ныне они звучат соответственно как *Zmudz* и как *Litwa*.

* * *

В попытках (4) выдать политоним «Литва» за этноним «белорусов» таится очевидная подмена логического термина. Уже сказано, что исторически **балтский** сегмент современной белорусской нации (и только он!) имеет прямое отношение к «Древней Литве» — нашей общей античной цивилизации. В этом же качестве потомков этно**культурной** структуры Белой Руси, предки белорусов участвуют в расширении и укреплении балтского же государства, ВКЛ, которое создано, однако, прежде всего этно**государственной** элитой Литвы и Пруссии. О чём свидетельствует, кроме приведённых аргументов, и терминология из языков соседей. Латышская, например, с очевидностью различает исторические понятия литовца *leitis* (ср. однокоренные польск. *litwin*, русск. *литовец, нем. Litauer*, совр. лит. *lietuvis*, историзм *lietuvnikas*, - M. Mazvydas, 1547, K. Sirvydas, 1620) и славянина *krievs* (ср. бел. *крывіч)*. Ятвяги также обособляют себя от славян: для них они *дреговичи* — *drygi* (Z. Zinkevicius).

«Славянская» же составляющая социума Белой Руси едва ли не на протяжении всей истории ВКЛ проявляла себя как отдельный сегмент (её рук дело — препятствия, скажем, Гедимину в принятии католичества, позднее — борьба за права православного нобилитета и православной церкви, участие в заговоре против Великого князя Жигимонта Кейстутовича), была либо объектом манипулирования извне (мятеж М. Глинского), либо сама инициировала диссидентскую эмиграцию в Московию (один из ярких примеров: писатель и религиозный деятель Симеон Полоцкий при царском дворе воспитывает будущего императора Петра I). В конце концов, в сочетании с церковной идеологической доктриной восточного обряда, этот сегмент становится ядром своей собственной этносоциальной структуры — белорусского народа. Который претендовать на этноним «литовский» не может, хотя когда-то пользовался омонимическим ему политонимом.

---

* Опять же, и тут следует отметить многозначность термина: то, что историческая традиция называет «жемайтским» языком литовской литературы, по мнению профессора З. Зинкевичюса с точки зрения лингвистической является западно-аукштайтским диалектом. Однако это тем более не дает никаких оснований считать современных литовцев историческим жемайтами (или жмудинами).

(1, 5) Попытка сыграть на разнице звучания терминов — литовского *Lietuva* («Летува») и славянского *Литва, литва* вынуждает напомнить давно определенные лингвистами закономерности чередования звуков в родственных и чрезвычайно близких между собой балтских и славянских языках. Название нашей страны изменялось вместе с эпохальными изменениями в литовском языке, по его имманентным законам *{Leitava — Lietava — Lietuva)*, а славянами воспринято как «Литва», видимо, ещё на первой его стадии. Ибо «балтский» дифтонг -ei- в славянских языках закономерно переходит в монофтонг –i-, а гласная в «балтском» форманте — *(a)va, -(u)va* соответствует древнеславянскому ъ (с нулевым звуковым значением). Таким образом, из литовского термина Leitava получается славянский Литъва, Литва — по аналогии с чередованием звуков в парах *veidas* «лицо»: русск. «вид», *eiti* — русск. «итти», беларус. «ісці», kreivas «кривой» и т. п.).

(3, 4, 6) Следовательно, пары понятий *Lietuva* и производное от него *lietuvis, с* одной стороны, и русск. *«Литва» — «литовец»,* польск. *«Liwa» — «litwin»,* с другой, относятся каждая к терминологическим полям своих языков (соответственно — литовского и славянских), а их смешение ведёт к слому всей логической системы: перенос литовской формы понятия (названия) *Lietuva* «Литва» в другой язык для обозначения якобы нового понятия (уже не «Литва» как таковая, а только её *современная* ипостась!?), таит в себе попытку узурпировать её только что похищенное *историческое* содержание.

Однако в таком случае в литовской терминологической системе координат остаётся пустота. *Что,* отдав часть своего содержания другому языку, означала бы *Lietuva* по-литовски? Только современное государство, как предлагают исторические революционеры? Но это не соответствует данным ни истории, ни лингвистики, ибо письменная традиция на всех языках региона — и литовском и соседних народов, в том числе и старобелорусском, всегда эту страну называла так, как и сегодня: *Lettonia, Letowia* (в источниках, более близких к балтской среде — от лит. *Leitava, Lietuva)* и *Litua, Lithuania, Litauen* — от слав. *Litwa, Литва* (ср. лит. *Lietuva* = польск. *Litwa,* K. Sirwydas, 1620). Кстати, в науке вплоть до XX века (применительно к литовцам и латышам) активно употреблялся и универсальный для обеих традиций термин — *«летто-литовские»* (народы). Поэтому менять давнюю и достойную номинацию Литвы нет никаких научных оснований. Хотя приходится констатировать политически мотивированное желание этого на протяжении последнего столетия.

***

(2) Целью создания Литвы как государства, которое началось с «Литвы подлинной» (Lituania Propria) было не объединение «белорусских» (или, по старой имперской традиции, «славянских») земель, а сохранение адекватной балтскому миру цивилизации. Благодаря чему поныне живы балтские языки литовцев и латышей (в отличие от уже погибших прусского и ятвяжского), а культурный генофонд наших уже иноязычных братьев — белорусов и украинцев не выварился в общем восточнославянском котле.

В конце концов, (1) бросается в глаза последовательное низведение имперской традицией статуса балтских народов до уровня неких «племён» даже там, где с очевидностью уже с X века существуют их государственные или, по крайней мере, про-

тогосударственные структуры (свидетельства миссионеров из окружения Адальберта в Пруссии, Брунона в Литве).

Между тем, наличие в именах нобилитета, по крайней мере с времён Миндовга, форманта Taut — (от лит. tauta «народ», совр. «нация», в отличие от *gentis* «племя»), к тому же учитывая, что, по общему мнению исследователей, это имена «говорящие», ибо отражают функциональную и общественную принадлежность их владельца: *Tautvilas* (Товтивил, XIII век), *Viltautas* (прусск. Wiltaute, 1315), *Butautas (Bwtold, Buthowdus, Butaut,* XIV век), *Vytautas* (Витовт, Vytold, XIV–X века), *Mantautas* (Montolt, XV век), *Gostautas, Guostautas* (Гаштольд, XVI век), — свидетельствует о качественно ином уровне самоидентификации их носителей — как представителей суверенного *народа.*

***

(11) Для ответа на вопрос, *что* имеется в виду под *русской* составляющей номинации ВКП, достаточно, думается, привести несколько цитат из «Хроники Литовской и Жмойтской»*:

«Витеня, великий князь литовский, жмойски *и руский»* (с. 35, *Vytenis,* 1295–1316, под властью которого Украина ещё *не* находилась); «гды юже пришли над Вилию реку... и, сами в справных полках, на *рускую* сторону перебывши» (с. 19); «А гды перешли Немен, нашли... гору красную вынеслую, на которой первей был замок *сталечный Новъгородок* княжати *руского...»* (там же); «Лаврентий, чернец, зобравши всё войско литовское и *русь новгородскую»* (т.е., новогрудскую, с. 33); «В Кернове, *месте столичным* князства Великого *Литовского»* (с. 39 — *Литва* как понятие этнополитическое); Литв*а, прусы и жомойды... в* землю Добрыньскую вторгли...» (с. 34. — тут речь о действиях *балтов* в исторической Пруссии); «Полоцкое князство до *Литовского* привернул» (с. 33. — прямое свидетельство того, что Полоцк — это *не* Литва); «а литва *руснаков* (это о войсках, коими руководили «Станислав, князь киевский», «Олег, князь переславский», «Роман бранский» и «Лев луцкий»), аж до ночи гонили, били, секли и имали» (с. 38). Скирмонт и Гинвил... обычаем *поганским* отцу своему князю Мекгалови усыпали костем его курган велики... а Гинвил... окрестился *в рускую* веру» (с. 21. — однозначное противопоставление *литовского* язычества *русской* вере) и т. д.

Таким образом, в номинации «Великое Княжество Литовское, Русское и Жмойтскае» первое и третье слагаемые — языческие балтские (как мы уже видели — изначально противопоставленные культово: Аукштайтия и Жемайтия), а второе — православное «русское» (первоначально тоже балтское).

***

Что касается терминов *Белая Русь* и *белорусы,* вызывающих отрицательную реакцию части возрожденцев Беларуси, в том числе и по мотиву близости к обозначению современных *русских (т.е. россиян)* и их государства *России* и к *«(западно)русскости»,* которую империя от века навязывает белорусам, — то, во-первых, стоит напомнить, что корни названия Русь таятся, как уже сказано, в истории не Московии (она его лишь узурпировала), а «Древней Литвы», к которой «балтские» предки белорусов имеют прямое отношение.

* Хроника Литовская и Жмойтская. ПСРЛ, том XXXII. М.: «Наука», 1975.

Во-вторых, как теория, так и практика засвидетельствовали самостоятельность хоронима *Белая Русь*. В свете концепции антиномий Ж. Дюмезиля гипотетически можно утверждать, что Белая Русь, одновременно имея отношение и к «балтскому» пространству (тут она сотносима с Русью *Чёрной* как с частью этого мира), и к славянскому с его неотъемлемым атрибутом Галицко-Волынской *Червоной* Русью), противопоставленная и одновременно сопоставленная с каждым из них. Чем умозрительно можно объяснить и конфронтацию с Южной Русью в далёком прошлом, и нынешние различия между «восточниками» и «западниками» в самой Беларуси.

В-третьих, для национальной самоидентификации не менее проблемна в сравнении с названием страны — и разделённость этноса и земель Белой Руси (исторической Кривии) между двумя современными государствами, Беларусью и Россией. Что подспудно — этнически и геополитически препятствует адекватному самоопределению. Именно по этой причине не кажется точным предложенный В. Ластовским термин «Кривия» для номинации Беларуси, ибо это государство охватывает только юго-западную (и очевидно меньшую) часть исторических земель кривичей. И, вместе с тем, включает в себя ещё в недавнем прошлом «балтские» земли «Чёрной Руси» и Полесья.

В любом случае, история этой страны (Беларуси) и её народа достойна уважения такой, какова она есть.

***

Довелось слышать, как кое-кто из белорусских историков всерьёз призывал и коллег-поляков к новой терминологии — для обозначения «современных» литовцев в отличие от «давешних»! Между тем, и без агитации поляки издавна различают комплекс понятий *Rus, rusini, ruski* («Русь», «русины», «русский») от парадигмы *Rosja, rosjanie, rosyjski* («Россия», «россияне», «российский»).

И косвенные, и прямые данные о языковой и этнической принадлежности классиков обеих наших культур свидетельствуют о спекулятивности потуг модернизировать прошлое. Полочанин Ф. Скорина, как известно, свой «стародрук» (1517 г.), назвал «Библия руска». Всего через 30 лет уроженец Великой Литвы M. Mazvydas в своей книге обратится через границу к родине, ВКЛ: *«Счастливая отчизна великих властителей, знаменитая Литва»*, и пригласит народ петь псалмы по литовски *(lietuviskai)*.

J. Bretkunas полный перевод Библии М. Лютера (1591) в Малой Литве декларирует как литовский *(«lietuviskai perguldyta»)*. Язык его, кстати, мало в чём отличается от современного литературного. Вскоре (1595 г.) с призывом уважать родную литовскую речь выступит и M. Dauksa — уже в Литве, Великой. Никто из названных авторов не ставит под сомнение «литовскость» ВКЛ и не противопоставляет её «русскости» — это продукт позднейших манипуляций.

Сегодня игра ведётся по крупному имперскому счёту, и в неё включены большие силы. Чего стоит одно издательство *«Вече»* со своими десантниками интеллектуального спецназа, которые в русле евразийской стратегии А. Дугина специализируются на так называемой «новой хронологии». Смысл этой доктрины в том, что, не имея собственной древней истории, Москва пытается свести и всю мировую историю к нескольким последним векам, объявляя то, что было до XVII века — ложью и блефом. Ведь именно тогда, с захватом и разорением Вильны, Кремлю удалось реализовать концепцию «Третьего Рима».

В региональном аспекте этой политики вспомним и географический атлас московского производства *(Ширяев Е. «Беларусь: Русь Белая, Русь Чёрная и Литва в картах», М., 2000)*, и сравнительно недавние обещания высоких чинов из Минска — использовать наработки историков во внешней политике Республики Беларусь.

Соответствует ли это статусу национальной идеологии и политики зрелого народа, — решать, конечно, самим белорусам. Как и то, не воспрепятствуют ли фантомы вроде претензий на историю и «на Вильню» решению национальных задач возрождения, ставя их в зависимость от трактовки прошлого и от межгосударственных отношений, в том числе и с Литвой.

Что касается Литвы, то её непрерывная историческая, культурная и языковая традиция является наилучшим доказательством того, что она, по крайней мере на протяжении последнего тысячелетия, имела и имеет **своё** имя и потому всегда была и остаётся сама собой. Большая или меньшая в размерах, с союзниками или без них.

***

От осознанной ответственности научной и политической элиты зависит, как скоро объективная история становится мировоззренческой опорой суверенной нации. Похоже, положительных примеров становится больше. В двухтомнике истории Беларуси (Минск, 2001), пожалуй, впервые для широкого читателя помещена карта ареала балтской гидронимии в Восточной Европе. Заметим, что современная Республика Беларусь находится в самом его центре! Но именно её народ был изолирован от цивилизационной проблематики «древней Литвы» на протяжении столетий. В таком контексте слова профессора Г. Штыхова на IV съезде белорусов мира (Минск, 2005): *«Нам нужно смотреть на литовцев как на своих этнических братьев»* — представляются знаком времени.

Не рой яму другому, ибо можешь упасть в неё сам. Здравый смысл и чувство самосохранения формулируют цель: превратить линию вечного геополитического разлома в надёжный культурный и цивилизационный тыл, прекратить тысячелетний крестовый поход на Литву. Искоренить предрассудки чужой пропаганды в наших мировоззренческих и практических взаимоотношениях. В этом видится рациональная задача современного поколения интеллигенции, призванной перед лицом глобализации и регионального гегемонизма выковать оружие цивилизационной самозащиты. Ибо потом может быть уже поздно.

Мы должны быть сильными — и во взаимных отношениях (а это без принципиального и точного определения позиций невозможно), и особенно в отношении к внешнему миру. Сильного и справедливого партнёра всегда хочется видеть союзником. С другой стороны, пора избавиться от навязанного извне стереотипа, будто бы возможно быть сильными *за счёт* друг друга, а не в *системе* интересов друг друга.

Проф. истории Z. Ivinskis, находясь в вынужденной эмиграции, ещё в 1954 году написал, что Литве не иметь прочной независимости до тех пор, пока будет зависимой соседняя Гудия (= Беларусь). Этот же принцип утверждает и нынешняя внешняя политика Литвы. К сожалению, в Беларуси призыв историка профессора Г. Штыхова «считать литовцев нашими этническими братьями» в кругах возрожденцев если и услышан, то пока ещё только осмысливается.

ЛИТВА-БЕЛАРУСЬ И ЖМУДЬ-ЛЕТУВА (Ответ Лауринавичюсу)

Вадим ДЕРУЖИНСКИЙ

Современная республика Летува (Lietuva) имеет примерно такое же отношение к Великому Княжеству Литовскому (ВКЛ), как современная республика Македония к империи Александра Македонского, т.е. является мизерной частью некогда огромного государства. Территория ВКЛ в середине XV века превышала 800 тыс. кв. км, тогда как у нынешней Летувы она составляет 65 тыс. кв. км (менее 8,2 % от площади ВКЛ периода его расцвета). В состав ВКЛ входили тогда не только все земли нынешней Беларуси и Летувы, но также ряд областей Латвии, России, Украины, Польши и даже Молдавии.

ЖМУДЬ И ЛИТВА

Новейшую аргументацию притязаний летувисов (бывших жемайтов) на наследие исторической Литвы недавно изложил Йонас Лауринавичюс в своей книге «Древняя Литва: цивилизация и государство (Легенды и факты в этническом аспекте)». Глава XVIII этой книги целиком посвящена рассмотрению тезиса о том, что, дескать, Беларусь никогда не была Литвой.

Странным представляется его заявление уже в первом абзаце, где он как постулат выдвигает мысль о том, что беларусы и жемайты якобы «одной культуры».

На самом деле предки нынешних летувисов во время создания ВКЛ (в XIII веке) были крайне отсталыми племенами (достаточно сказать, что они оставались язычниками и не имели своей письменности). Даже гончарный круг они узнали впервые от литвинов, когда вошли в состав ВКЛ. Оружие жемайтов было примитивным, наряду с железными образцами широко использовались каменные! С ними невозможно было вести «правильную войну», потому что они жили в лесах, и при появлении вражеских войск отступали в самые дебри, на болота, где оказывали отчаянное сопротивление. Немцам проще было их вырезать, чем крестить.

На этом фоне выглядят ненаучной фантастикой заявления нынешних летувисских историков о том, что Жемайтия — «родина Литвы». В XIII веке на территории Жемайтии не было не только подходящего города для столицы государства, но и вообще городов как таковых. А вот Новогородок — первая столица Литвы до 1323 года — был основан еще в 1044 году. В нем жило немало ремесленников (ювелиры, оружейники, кузнецы, ткачи, кожевники...), имелась библиотека и даже алхимическая лаборатория.

Во втором абзаце своего текста автор выдвигает еще один абсолютно неверный тезис:

> «Исследователи давно выяснили, что этнический и, соответственно, геополитический раскол региона /на жемайтов и беларусов — *Ред.*/ начался со времён славянской экспансии в «балтский» мир около полутора тысяч лет назад».

---

* Специально для дайджеста «Деды».

Это заявление не соответствует историческим фактам.

Во-первых, 1500 лет назад никаких жемайтов еще не было. Они отпочковались от предков латышей (латгалов, земгалов, селов и куршей) и заселили территорию Жемайтии (нынешней Летувы без Виленской области) только в VIII–IX веках. Соответственно, являясь «отпочкованием» от этих восточных балтов, жемайты не могут быть прямой родней беларусам, произошедшим от западных балтов.

Во-вторых, славянизация беларусов не могла начаться 1500 лет назад, ибо тогда никаких славян тоже не было. Славяне сформировались в регионе между Вислой и Лабой (Эльбой), побережьем Балтики и Карпатами путем смешения готов, западных балтов и ряда более мелких народов в значительно более позднюю эпоху, в IV–V веках после Р.Х.

Славянизация кривичей началась с VIII века — так как они проживали на пути «из варяг в греки», славянизация ятвягов и дайновы (литвинов «летописной» Литвы) — вообще только в XIV–XVI веках. И не вследствие «славянской экспансии», как утверждает Лауринавичюс, ссылаясь на работы ряда российских и беларуских ученых, а в связи с распространением славянского языка и христианства, которые несли словены Новгорода (арианство), русины Киева (греческое православие) и ляхи Кракова (католичество).

Далее автор заявляет:

> «В конце концов разная конфессиональная и языковая принадлежность сыграла в истории роль этнообразующего фактора. Белорусы ныне — это отличный от литовцев народ».

Опять неверно. Находить основу для этнических различий между беларусами и жемайтами в разных конфессиях — значит принципиально заблуждаться. Например, в конце XVIII века на территории Беларуси 39% населения было униатами, 38% католиками, 10% иудеями, 6,5% православными (см. «Атлас истории Беларуси XVI–XVIII вв.», 2005 г.). И сегодня население Западной и Центральной Беларуси преимущественно католическое. Но, независимо от конфессий, все они — беларусы. Кстати говоря, беларусов-католиков у нас традиционно называли «поляками», а не «литовцами» или «жмудинами». Уже по одной только этой причине несостоятельна ссылка на конфессии как нечто «этнообразующее» для беларусов.

Это для жемайтов католическая религия в самом деле явилась этнообразующим фактором. Они так долго и упорно сопротивлялись попыткам сделать их христианами (это удалось только к середине XV века), что им разрешили вести службу в храмах на своем языке. Польский костёл не позволял литвинам (предкам беларусов) ничего подобного вплоть до второй половины XX века. Именно по этой причине наши католики считались «поляками», но отнюдь не «жемайтами».

Реальным «этнообразующим» фактором в Российской империи выступал режим абсолютной монархии (самодержавия). В частности, с целью обоснования захвата ВКЛ идеологи царизма придумали концепцию о «трех ветвях древнерусского народа» — ныне разоблаченную наукой, но яростно отстаиваемую политиками России и Русской православной церковью, а также их «пятой колонной» в Беларуси и Украине. Царизм, конечно, не создавал «новых этносов», зато изменял их названия, тем самым указывая исторические псевдоориентиры для своих приверженцев в колониях.

Начало такой практике положила царица Екатерина II в конце XVIII века. В книге исторических драм «Здрапежаная зямля» беларуского писателя, кандидата исторических наук А.Л. Петрашкевича приведена литературно обработанная выдержка из указа Екатерины II (стр. 251):

«Отныне Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское именовать Белой Русью, а население — белоруссами, чтоб навеки привязать к России. За Жемойтией же и жемойтами пусть себе остаются названия Литва, литовцы...»

Было это в 1796 году, после подавления восстания Тадеуша Костюшко.

А после восстания 1863–64 гг., охватившего земли четырех современных государств — Польши, Летувы, Беларуси и Украины, термины «Белоруссия» и «белорусы» были официально заменены на «Северо-Западный край» и «западные русские».

Идеологи Российской империи (в первую очередь историки, такие как К.А. Гаворский, М.О. Коялович, М.Ф. Владимирский-Буданов, М.К. Любавский и им подобные) упорно внедряли лживую концепцию, согласно которой «историческая Литва» — это якобы Жмудь (Жемайтия), хотя она не состояла в ВКЛ именно тогда, когда Великое Княжество стремительно расширялось на юг и восток.

Понятно, что жемайты с радостью приняли столь щедрый подарок — считать самих себя Литвой, а не Жмудью и колонией Литвы. Отсюда их упорное нежелание расставаться сегодня с этим мифом. Тем более, что великорусские историки одновременно ввели в обиход басню о том, что, дескать, у беларусов никогда не было своей государственности (которую ликвидировала Россия в конце XVIII века) и что они якобы изнывали в ВКЛ под игом жемайтов.

Однако, согласно всем официальным и неофициальным документам ВКЛ, именно жмудины (жемайты) находились в вассальной зависимости от литвинов (беларусов) и те правили ими, а не наоборот. (Непонятно, как вообще жмудины могли угнетать наших предков, если они сами долгое время находились под властью немцев). Согласно Переписям Войска ВКЛ, в XVI веке шляхта на территории нынешней Летувы на 60–80 % состояла из литвинов с фамилиями на «-вич», которые владели крестьянами жемайтами и аукштайтами. Так что скорее надо говорить о «беларуском иге» над предками летувисов.

Кстати, знает ли сам Лауринавичюс, что его фамилия — беларуская? Точнее, литвинская, западнобалтская. Изначально она звучала как Лаўрыновіч, но после 1918 года, когда жемайты занялись массовым переименованием всех названий в своей стране, а также изменением фамилий, ей добавили восточнобалтское «-юс». Фактически «-ич» и «-юс» — одно и то же (морфемы на «-ич» западнобалтские, не славянские, они аналогичны латинской притяжательной морфеме «-is», сохранившейся у жемайтов по причине их самоизоляции от окружающих народов).

А вот у славян фамилия как указатель принадлежности к конкретному роду была заимствована от готов (славянское «-оу» от готского «-он»). Обращаю внимание, что у литвинов в Переписи Войска ВКЛ 1528 года (это 98% фамилий в Переписи) — исключительно фамилии на «-ич» (практически даже на «-вич»), нет ни одной фамилии со славянским окончанием «-ов», «оу» или просто «о» — с редукцией «в». То есть, если судить исключительно по фамилиям, то оказывается, что ни одного славянина в XVI веке среди литвинской шляхты не было (славянские фамилии в Переписях Войска встречаются лишь у шляхты с Волыни, Подолии, Галиции).

О «СЛАВЯНАХ-БЕЛАРУСАХ»

Лауринавичюс пишет:

«Готовить почву для исторических (соответственно, и территориальных) претензий начали ещё идеологи белорусского национального Возрождения конца XIX – начала XX века, а в новое время культивируют их последователи: от любителя Н. Ермоловича до определённой части профессионалов с учеными степенями. На смену стереотипам имперской науки о «русско-литовском» характере ВКЛ (с чем трудно было бы спорить, если бы под «русским» понималось «прусское», а не «славянское» либо «российское» слагаемое) пришли якобы новые, но с той же целью – доказать исконные преимущества «славянства» (в данном случае «белорусского») над «балтством», возвысить заслуги первого в создании ВКЛ и принизить – второго. Соответственно – и их права на наследие «Великого Княжества»».

Здесь я отчасти соглашусь с ним. Действительно, это просто позор – повальное увлечение беларуских историков лживым постулатом царских времен, согласно которому беларусы – якобы «восточные славяне». Ведь именно на этом ненаучном мифе основывается вся «концепция» пресловутого «западнорусизма», придуманная в XIX веке (мол, беларусы – «западная ветвь древнерусского народа»). Причем концепция трижды лживая, так как славянами не являются не только беларусы, но и славяноязычные потомки сарматов (украинцы), а также потомки угро-финнов и тюрок (русские). Если эту изначальную басню о «славянах-беларусах», «славянах-украинцах» и «славянах-русских» убрать из концепции «западнорусизма», то от нее ничего не останется!

Ученые установили, что беларусы антропологически и генетически неизменны как минимум 3500 лет*. А славяне появились только в IV–VI веках. Поэтому, даже если согласиться с мнением некоторых российских ученых, утверждающих, что праславянский этнос образовался примерно на тысячу лет раньше этих веков, то все равно даты не сходятся.

Профессор И.Н. Данилевский в курсе лекций «Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.)» (Москва, 1998) попытался «разрешить» эту проблему следующим образом:

«На территории Белоруссии выявляется третий антропологический тип восточного славянства – долихокранный широколицый. Имеются все основания полагать, что этот тип в Верхнем Поднепровье и в бассейне Западной Двины – результат ассимиляции местных балтов славянами. Формирование же долихокранного широколицего антропологического типа в Восточной Европе восходит к весьма отдаленному периоду – культуре боевых топоров эпохи бронзы».

Простите, но если черепа у беларусов остаются неизменными со времен «культуры боевых топоров эпохи бронзы» (это 2-е тысячелетие до н.э.), то в чем же тогда заключалась славянизация? Почему они вдруг стали «славянами»? Неужели лишь оттого, что постепенно перешли на околославянский язык? Так ведь генетически и антропологически они абсолютно не изменились. Не изменились также традиции их материальной и духовной культуры.

* См., например, книгу беларуского генетика А.И. Микулича «Беларусы в генетическом пространстве: Антропология этноса» (2005 г.).

Вызывает смех якобы «научный метод» Данилевского: видите ли, он изволит полагать, что черепа беларусов X века, совершенно идентичные черепам их предков, живших на 2500 лет раньше, вдруг стали черепами не просто западных балтов, а «славянизированных» и потому уже относятся к «восточным славянам». Это где же на черепе западного балта видны следы того, что его обладатель говорил на славянском койне?

Беларусы никогда славянами не были, и сегодня ими тоже не являются. Черепами не удались, менталитет — балтский, в языке — до 25% архаичной лексики, либо западнобалтской (ошибочно именуемой «прусской»), либо заимствованной от нем-

Вильня — столица ВКЛ (с гравюры XV века). Она никогда не была Вильнюсом

цев во времена попеременной борьбы и дружбы с Орденом, плюс к тому особенности фонетики, чуждые славянам (например, «дзеканье», «цеканье», «гэканье»).

Иллюзию «близости со славянами» создает то обстоятельство, что сами славяне появились путем слияния готов с частью западных балтов, ушедших вместе с ними «воевать Европу». Но это слияние происходило вовсе не на нашей территории, а где-то между побережьем Балтики и Карпатами. Наши же предки как были западными балтами, так ими и остались.

Поэтому я согласен с Лауринавичюсом, когда он называет исторической карикатурой попытки ряда беларуских историков представлять историю летописной Литвы как якобы «славянского образования».

Какую книгу ни открой — везде «славянские племена кривичей, дреговичей, радимичей». А куда же делись ятвяги и дайнова — исконное население Западной и Центральной Беларуси, на базе которого возникли литвины? Они нарочно забы-

ты, потому что «не укладываются» в басню о «славянском происхождении беларусов». Хотя те же кривичи тоже не славяне, но балты.

Под «славянами» в «Повести временных лет» (она была составлена в Киеве в 1220-е годы) понимались вовсе не представители славянского этноса, а племена, научившиеся от варягов понимать славянскую речь. Вот что пишет в этой связи российский историк А.А. Бычков в своей книге «Киевская Русь: страна, которой никогда не было?»:

> «Население территории вокруг Киева в VIII–IX веках — сплошь балтское, о чем свидетельствует топонимика Правобережья Днепра. Эти балты, которых историки называют **древлянами**, были народом грамотным. Найден горшочек для краски с надписью: «Ускатзимис». Это — слово языка западных балтов, которое схоже с жемайтским восточнобалтским «ужкайтимас» (киноварь).
>
> Точно так не были «славянами» **северяне** — «это народ ясский, говоривший в то время по-осетински, вероисповедание — мусульмане, проживали от Днепра до Дона. Северянами их прозвали славяне, сами себя они называли саварсами — черными аорсами, черными асами.
>
> ...Название племени **«радимичи»** происходит от иранского «пратамас» — «первые», они жили севернее остальных иранских племен. **«Вятичи»** — от «йетек» — «люди вождя». Вятичи были племенем, смешанным из асов и местной мордвы, проживавшей в верховьях Дона».

Как видим, кривичи и древляне — это западные балты, радимичи и северяне — сарматы, вятичи — смесь сарматов и финнов. Никаких «восточных славян» никогда не было!

Пока беларуские историки будут повторять сказку о том, что «литвины были славянами» или что «Литва была славянским образованием», — у жемайтов всегда будет повод аргументировано опровергать этот вымысел. И, соответственно, противопоставлять ему свою выдумку о том, что якобы Жмудь и была летописной Литвой.

Лауринавичюс фактически спорит только с концепцией беларуских историков о «славянском происхождении литвинов». Ибо если эту концепцию убрать — то вырисовывается уже совсем иная история Литвы-Беларуси. И спорить тогда летувисам, собственно говоря, нет о чем.

Средневековые литвины ВКЛ (образовавшиеся в результате смешения ятвягов и дайнова с пришельцами из Пруссии и Поморья, тоже западными балтами) жили на территории Гродненской области, части Брестской и Минской областей, на Виленщине и Белосточчине*.

Хочу также обратить внимание читателей на то, что в прошлом литвинов-беларусов было значительно больше чем жемайтов-летувисов не только в абсолютных цифрах, но и в пропорциональном соотношении. Однако в ходе крайне жестокой войны Московии против ВКЛ в 1654–1667 гг. численность этноса литвинов сократилась вдвое. При этом в пограничных с Московией областях потери населения составили 75–80%, в Центральной Беларуси — до 40–50%, в Западной Беларуси — около 20%. Зато Жемайтии война практически не коснулась.

А в 1700–1721 годах, в результате Северной войны, территория нынешней Беларуси потеряла треть своих жителей!

---

* Подробно этот вопрос рассмотрен в моей книге «Тайны беларуской истории», только что вышедшей из печати в минском издательстве «ФУАинформ». — *Авт.*

По подсчетам демографов, если бы не те две войны, то население Беларуси сегодня составляло бы не менее 25 миллионов человек!

Своей прежней величины (по состоянию на 1650 год) литвинский этнос достиг только в 1771 году — через 120 лет! А вот численность жемайтов в то время непрерывно возрастала. Территорию будущей Летувы почти сразу заняли шведские войска, полномасштабных боевых действий там не было. Именно катастрофа ВКЛ в XVII веке оградила жемайтов от полной ассимиляции литвинами-беларусами.

***

Летувисский историк Т. Баранаускас заявил:

> «Свою хрупкую идентичность белорусы ищут в прошлом Великого Княжества Литовского, его присваивают, объявляя себя настоящими литовцами («литвины»), оставляя для наших предков только роль жемайтов («жмудинов»). Белорусская «литовскость» нередко антилитовская: гордость за своеобразно понятую историю ВКЛ переплетается с презрением к нынешней Литве».

Удивительные слова! Они наглядно показывают, что летувисы (бывшие жемайты) сами презирают свою Жмудь, ибо отказались от ее традиционного названия. В ВКЛ территория нынешней Летувы именовалась «староством Жемайтским», в царской России — княжеством Самогитским (Самогития — Жемайтия по латыни).

Литвинский шляхтич
конца XIV — начала XV вв.
Реконструкция Ф. Михеева

То, что эта область не являлась всем государством, прекрасно видно по титулу правителей: великие князья Литовские, Русские и Жамойтские. Самый знаменитый среди них — Витовт — четыре раза (в 1384, 1390, 1398 и 1404 гг.) официально, по договорам, отдавал Жемайтию Тевтонскому ордену! Это значит, что ее территория была всего лишь разменной монетой в политической борьбе того времени.

Согласно административному делению ВКЛ, страна состояла из трех основных областей: Литвы (нынешняя Западная и Центральная Беларусь, плюс Виленщина, плюс ныне польский регион Сувалки — Белосток — Дарагичин), Руси (нынешняя восточная часть Беларуси плюс северная половина Украины) и Жемайтии (нынешняя Республика Летува, но без Виленщины).

Фактически, такое же административное деление сохранилось в Российской империи после разделов Речи Посполитой. Российский император именовался князем Витебским (в отношении Витебской и Могилевской областей), князем Самогитским (в отношении нынешней Летувы без Виленщины) и Великим князем Литовским (в отношении территории Западной и Центральной Беларуси, плюс Виленщина).

Гербом всех этих земель осталась наша «Погоня», размещенная ниже российской короны, тогда как гербом Самогитии всегда был «Медведь» (Локис), исторический герб Жмуди. (Попутно обращаю внимание на то, что в титуле царя отсутствовал фантастический термин «князь Белорусский».)

В ноябре 1918 года летувисы провозгласили на территории Жемайтии-Самогитии Республику Летува и заодно присвоили беларускую «Погоню». Но ведь они до конца XIV века оставались язычниками, откуда у них на гербе мог появиться крест? Утверждения о том, что его взяли после перехода жемайтов из язычников в католики (реально в 1410–1420 годы) несостоятельны. Зачем католикам греческий шестиконечный крест? Единственной обладательницей этого символа во всем регионе была варяжская династия Изяславичей — князей Полоцка.

Так почему княжество Самогития, оставаясь в своих прежних границах, вдруг сменило название на «Литву», а герб Самогитии (повторяю: это слово Жмудь по-латыни) «Медведь» — на «Погоню», символ другого княжества? Тем более, что первоначально Летува была объявлена монархией, и только через несколько месяцев — республикой. Видимо, исключительно потому, что жемайты хотели «примазаться» к истории ВКЛ, но теперь лицемерно обвиняют в этом беларусов!

Кстати говоря, в 1935 году премьер-министр Летувы Тубалис официально заявил в сойме (парламенте) о «нелитовском» (то есть не жемайтском) происхождении «Погони» и сказал, что начата работа по созданию оригинального герба Республики Летува, на основе исторического герба Жемайтии «Медведь». Эта работа обязательно была бы завершена, но помешало начало Второй мировой войны.

О ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКЕ

На каком языке разговаривали, писали указы, чеканили монету великие князья Литвы? Летувисы говорят, что на литовском. Это правда. Однако требуется очень важное уточнение — какой язык в данном случае считать литовским. Тот, который называют литовским сегодня в Летуве, впервые встречается только в документах XVI века. Напомню, что к концу XVI столетия ВКЛ уже вошло в состав Речи Посполитой.

Художественная литература, написанная на нынешнем литовском языке, появилась ещё позже — в XIX веке, во времена Адама Мицкевича. Документов, написанных на «литовском» языке — в нынешнем понимании — просто не существует.

Например, великий князь Литовский — Ягайло, ставший в 1386 году польским королем, в указе о назначении наместником Полоцка своего брата — Скиргайло, продолжал писать «по-литовски». Для того, чтобы прочитать этот документ, не нужно брать в руки словарь современного летувисского языка. Все понятно и так.

Князь Витовт, когда-то беспощадно уничтожавший язычников-жемайтов, теперь стал национальным героем республики Летува — «Витаутасом». Между тем, нет в архивах ни одного документа, где было бы сказано «Я, Витаутас...», зато есть тексты, написанные на языке, понять который наш читатель способен без переводчиков. Современные специалисты называют его «старобеларуским». Для литовских князей этот язык был современным, они называли его «русским». Сохранились грамоты Витовта, написанные и на старонемецком языке. В одной из них он сам назвал язык, на котором писал свое предыдущее послание — «русским».

В 1919-м году, став независимыми, летувисы потребовали от России вернуть им «старинные литовские летописи». Правительство РСФСР «пошло навстречу» и предложило критерий отбора: все документы на литовском языке будут непременно возвращены. В результате летувисы остались ни с чем, так как среди более чем 500 томов метрики ВКЛ таких текстов нет ни одного! Абсолютное большинство документов ВКЛ написано на старобеларуском, часть — на польском или латыни.

Между тем, Лауринавичюс пишет:

> «Даже в уже германизированной Восточной Пруссии (Ostpreussen) литовский язык с первой половины XVI и до второй половины XIX века употреблялся наряду с немецким как официальный. Именно там появилась первая литовская книга, первый полный перевод Библии на литовский, первая научная грамматика литовского языка, и, наконец, также впервые — светская литература».

В действительности речь идет о жемайтском языке. Об этом, в частности, ясно заявил Домас Каунас в рускоязычном журнале «Вильнюс» в статье «Мартинас Мажвидас и первая литовская книга» (см. стр. 134 в номере журнала за июль-октябрь 1997 г.). Жемайт по происхождению, священник по профессии, Мажвидас специально для своего «Катехизиса» разработал алфавит на основе латинского. Издан этот «Катехизис» в 1547 году в Кёнигсберге.

В Средние Века «литовским языком» был язык литвинов (беларусов), поэтому он считался славянским. А то, о чем говорит Лауринавичюс, — это жемайтский язык, не литовский. В Статутах ВКЛ перечислены все этносы страны — никаких «беларусов» там нет. В Переписях Войска ВКЛ у всех литвинов фамилии на «-ич», тогда как все жемайты и аукштайты названы именно жемайтами и аукштайтами, а не «литовцами» (само слово «литовец» — русское слово XIX века, аналогичное словам «дагестанец», «азербайджанец»). Неужели могло быть так, что беларусы именовались литвинами, но их язык почему-то не считался литовским?

Название языка происходит от названия этноса, не наоборот. Язык жемайтов — это язык восточных балтов, родственный латышскому. А вот литовский язык литвинов — язык западных балтов, близкий праславянскому. Ятвяги и дайнова в 1220-е годы утратили свои прежние этнонимы и стали называться литвинами. Поскольку это западные балты, родственные мазурам и кривичам, вполне понятно, почему средневековые лингвисты дружно считали литовский язык славянским. Сегодня потомки тех ятвягов и дайнова и есть коренное население Западной и Центральной Беларуси, а также Виленщины и Белосточчины.

Однако летувисские историки напрочь игнорируют сам факт существования ятвягов и дайнова — предков нынешних беларусов. Вместо них они видят себя — в роли пресловутых «летописных литвинов». Лауринавичюс пишет:

> «То, что историческая традиция называет «жемайтским» языком литовской литературы, по мнению профессора З. Зинкевичюса с точки зрения лингвистической является западно-аукштайтским диалектом. Однако это тем более не дает никаких оснований считать современных литовцев историческими жемайтами (или жмудинами)».

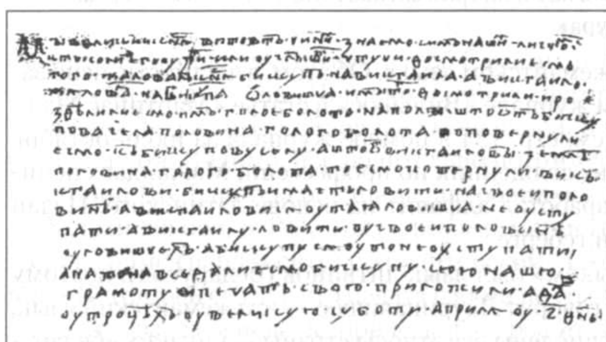
Еще бы! Он не может заставить нас называть жемайтов литовцами, но ему этого очень хочется. А уж «летописная Литва» это, по его мнению (и прочих летувисских теоретиков), однозначно «alma mater» современной Летувы. Даже термин специальный придумали — «Lithuania Propria». Мол, наши предки жили в «истинной Литве»,

где-то между Вильнюсом и Каунасом, тогда как прочие (имеются в виду беларусы) пытаются к ней «примазаться».

Лауринавичюс утверждает:

«Попытка сыграть на разнице звучания терминов — литовского Lietuva («Летува») и славянского Литва (литва), вынуждает напомнить давно определенные лингвистами закономерности чередования звуков в родственных и чрезвычайно близких между собой балтских и славянских языках».

С точки зрения лингвистики он сам себе противоречит фразой «литовского Lietuva». Он должен был бы написать «летувисского Lietuva», но не может потому, что никакой «Летувы» история не знает, она знает только Литву.

Грамота Витовта на старобеларуском языке

А что касается его тезиса о балтских и славянских языках, то он «забыл», что это для западных балтов слово «Литва» — родное. В ряду самоназваний западнобалтских этносов находятся Галиндва (галинды), Дайнова (дайновы), Крива (кривичи), Литва (литвины), Мазова (мазуры), Ятва (ятвяги)... Все на «-ва». Славяне тут, как говорится, «ни с какого бока». В языке летувисов таких названий нет, а должны быть Галиндвас, Дайновас (или Дайновиас), Криевас, Мазовас (или Мазойвас), Ятвас.

Вот что писал академик-историк Валентин Седов о переименовании рек на территории современной Летувы:

«Одним из наиболее убедительных аргументов для разграничения западнобалтских и восточнобалтских групп являются названия, содержащие в себе элементы «-аре» и «-upe». Гидронимы с «-аре» (прусское «-аре» — «река») характерны для западнобалтского мира, в то время как речные названия с «-upe» (летувисское «-упе» — «река», латышское — то же) широко распространены в области расселения восточных балтов.

Среди названий с компонентом «-upe» в современной Летуве имеется много гидронимов позднего происхождения. Не удивительно в связи с этим, что только в летувисском Занеманье, где пребывание ятвяжского населения в древности бесспорно, насчитывается свыше 300 (!) названий подобного типа (т.е. свыше 300 рек с названиями, содержащими «-аре», были переименованы). Не является неожиданным большое число гидронимов с элементом «-upe» и в междуречье Вилии и Немана. Ведь в этой области в течение нескольких последних столетий население говорит на летувисском языке. Этому населению и принадлежат названия с «-upe».

/Седов В.В. Ятвяжские древности в Литве. /Труды АН Лит. ССР, серия А, общественные науки, 1968, № 1 (26), с. 179./

Ни один населенный пункт на территории современной Летувы во времена ВКЛ не имел названия в восточнобалтской транскрипции. Достаточно сравнить названия населенных пунктов в Летуве в начале XVI века, когда ее территория входила в состав ВКЛ, с названиями тех же населенных пунктов сейчас:

По этому поводу беларуский историк Виктор Верас писал:

«Какова «преемственность» в Летуве названий «городов русских», помещенных в Новгородской «первой летописи» и датируемых исследователями концом XIV века, вы можете судить сами:

Бержаны — Бярженай; Бетигольцы — Бятигола; Биржаняны — Биржувенай; Бирштаны — Бирштонас; Велена — Вялюона; Вешвена — Вяшвенай; Вилькомиры — Укмярге; Вильня — Вильнюс; Вешвене — Вяшвенай; Высокий Двор — Аукштадварис; Дирваны — Дирвоненай; Дорсунишки — Дарсунишкис; Ейшишки — Эйшишкес; Жижморы — Жежмаряй; Жораны — Жаренай; Кгедройти — Гедрайчай; Кгондинга — Гандинга; Кернов — Кярнове; Ковно — Каунас; Корклянe — Каркленай; Коршово — Каршува; Крожи — Крайжай; Куркли — Куркляй; Лепуны — Лепонис; Мединкгоны — Медингенай; Медники — Мядининкай; Мемиж — Нямижис; Меречь — Мяркине; Мойшагола — Майшягала; Неменчин — Нямянчине; Оникшты — Аникшчяй; Перелоя — Перлоя; Потумши — Патумлияй; Поэре — Поэрис; Росейни — Расейняй; Сямилишки — Сямилишкес; Тельши — Тяльшяй; Товянцы — Тауенай; Тондягола — Тянджогала; Троки — Трокай; Ужвента — Ужвентис; Утена — Утяна; Ясвойни — Йосвайняй.

Из множества названий неизменными остались только три — Гольшаны, Крево и Пуня, и то лишь потому, что ныне Гольшаны и Крево находятся на территории Беларуси. То есть, произошло 99-процентное изменение названий старинных городов и селений, находящихся на территории современной Летувы».

Налицо тотальное переименование западнобалтских названий в восточнобалтские. Но Лауринавичюс прячет этот факт, выдавая западных балтов (литвинов) то за «восточных балтов», то за «славян» — в зависимости от того, что ему более выгодно. Жонглирует, как хочет. Такое жонглирование противоречит понятию «научная методология».

Заодно обращаю внимание на то обстоятельство, что советская историческая наука еще в СССР изучала наследие ятвягов как этнографической основы «летописной» Литвы (см. например, работы В.В. Седова), а сегодня в Республике Летува эта тема стала «табу». О ятвягах Лауринавичюс в своей книге вообще не упоминает, как будто их никогда не было (лишь в одном месте говорит о ятвяжском языке, погибшем вместе с прусским). Мол, ятвяги исчезли неизвестно куда и неизвестно когда, в Литве же имелись в наличии только жемайты и аукштайты...

ПРУССЫ И БАЛТЫ БЫЛИ РАЗНЫЕ...

А еще Лауринавичюс пишет:

«Место нахождения вотчины Миндовга ...не даёт оснований говорить о якобы «славянском» этническом характере этой «земли» и не опровергает её принадлежности к прусско-литовской этногосударственной структуре ВКЛ. О чём косвенно свидетельствуют и имена как самого Миндовга, так и большинства названных Н. Ермоловичем нобилей Новогородка, ибо они — балтские, и на основе славянских языков не этимологизируются».

Балты были разные. Так, жемайты и аукштайты — это позднее отпочкование от предков латышей (в VIII веке). А вот ятвяги, пруссы, мазуры, дайнова, кривичи, днепровские балты, голядь — это балты западные, с другим языком.

Кстати, Пруссия вовсе не являлась «однородным восточнобалтским образованием» — вопреки заявлениям Лауринавичюса. Самую западную часть Пруссии (Пору-

Ни Гедемин, ни Ягайло, ни Витовт не были жемайтами, хотя летувисы упорно твердят об этом

сья) — Помезанию (Помазовье) колонизировали русины-ободриты из Полабской Руси, она имела второе название «Русь» (немцы именовали ее «Рейсен» или «Рисен»), у городов Помезании были славянские названия.

Далее на восток находилась Погезания, где правил Рингольд, а затем его сын Миндовг.

Помезания, Погезания, Галиндия, земля Сассов, Судовия — это западнобалтские области Пруссии, с населением, родственным ятвягам, мазурам, кривичам. А вот северо-восточные области (Вармия, Бартия, Натангия, Самбия, Скаловия и Надровия) — это земли восточнобалтских племен, родственных жемайтам.

Наконец, к западу от Помезании (самой западной части Пруссии) находилось Поморье. Там немалую часть населения составляли западные балты лютичи, которые позже мигрировали на территорию Ятвы и создали здесь «новую Лютву», или «Литву».

Польский историк Ежи Довят сообщает:

«Богуслав I, князь Западного Поморья, титуловался princeps Liuticorum»*.

До 1220 года Литва находилась в Западном Поморье. Уже там ее гербом была «Погоня». В комментариях к «Хронике земли Прусской» Петра из Дусбурга читаем:

«Святополк — первый поморский князь, получивший титул «dux», что означало одновременно суверенную власть и независимость. Эту идею отражала символика герба Святополка: рыцарь на коне со щитом и знаменем**.

Но историки Летувы настолько «зациклились» на мифе о «жемайтском происхождении Литвы» и на его противопоставлении аналогичному мифу «западнорусизма» о «славянской старине Беларуси», что категорически не желают ничего слышать о появлении Литвы из Пруссии и Поморья. Конечно, им крайне трудно признать, что Миндовг и его Погезания не были этнически родственны жемайтам, но зато родственны ятвягам, к которым Миндовг и ушел (вовсе не в Жемайтию).

Игнорирование этого факта приводит к заблуждениям, вот типичное: Лауринавичюс (как и все летувисы) называет Миндовга «Mindaugas». Однако в Погезании Миндовга население было западнобалтским, поэтому имена собственные не могли там иметь восточнобалтского «-as».

* Dowiat Jerzy. Pochodzenie dinastii zachodnio-pomorskiej i ukształtowanie sie terytorium ksiestwa Zachodnio-Pomorskiego. /Przeglad historyczny. Tom XLV. Zeszyt 2–3. Warszawa, 1954.

** Czaplewski P. Tytulatura ksiazat pomorskich do poczatku XIV w. /Zapiski TNT 1949. Tom 15, s. 59–61.

Ни в одной летописи имя «Миндаугас» не фигурирует. Хотя если Миндовг был восточным балтом, то странным было бы тотальное переименованием его всеми старинными авторами из «Миндаугаса» в какого-то «Миндовга». Разве, например, в царской России кто-то искажал фамилию художника Николая (Миколаюса) Чюрлёниса в «Чюрленова»? А в Переписях Войска ВКЛ XVI века по Жемайтии и Аукштайтии четко записаны имена и фамилии летувисов с сохранением и «-с».

Наконец, ни у жемайтов, ни аукштайтов никогда не было таких имен, как Альгерд, Витень, Витовт, Гердень, Гедимин, Кейстут, Миндовг, Рингольд, Ягайло и им подобных. Это языческие западнобалтские имена ятвягов, дайнова, мазуров, погезан, помезан.

Для сравнения приведу подлинные имена жемайтов и аукштайтов из Переписи Войска ВКЛ 1528 года:

> Билюс Монконтович, Будрис Кримштойтис, Буткус Монтвидойтис, Венцкус Липнайтис, Войчус Совкговдис, Довгутис Петрашевич, Доркгис Минконтойтис, Липнюс Талевич, Микутис Монкайтис, Сактос Судмонтойтис, Станис Мортейкович, Талюшис Наркойтис, Шим Балсайтис и т.д.

Современные историки Летувы придумали в этой связи удивительную «байку» о том, что якобы старобеларуский язык (он же литвинский) был в ВКЛ «канцелярским», и потому общепринятым, а вот разговаривали жемайты и аукштайты на своем родном, ничего общего с канцелярским не имевшим. Что ж, рассмотрим и эту выдумку.

О ГОСУДАРСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ ВКЛ

Одним из важных аргументов, по мнению историков Летувы в пользу тезиса, что основателями ВКЛ и его правителями были представители этноса жемайтов, является утверждение, что в современной Беларуси не используются имена древних литвинов (в том числе великих князей), тогда как в Летуве — достаточно часто. Причем написание имен великих князей и других имен древних литвинов, по их же мнению, искажено славянскими (т.е. беларускими) писарями*.

Вот что пишет летувисский ученый о языке делопроизводства в ВКЛ:

> «На основании большинства дел, даже по одному тому, как исковерканы на старобелорусский лад летувисские фамилии, можно утверждать, что большинство децких, писарей, и других урядников суда летувисского языка не знало, и не только все делопроизводство, но и сам судебный процесс, т.е. претензии сторон, показания свидетелей и тем более допрос, велся на старобелорусском языке.
>
> Стало быть, как и многие источники, дела данной «книги» подтверждают тот неоспоримый факт, что за 200 лет язык стал не только официальным канцелярским языком литовского государства (что не вызывает сомнения), но и в известной мере языком публичного общения. Его знали и на нем говорили в общественных местах паны, рядовая шляхта, мещане и, по-видимому, даже некоторые крестьяне»**.

---

* Для анализа этой проблемы можно использовать массу документов из книг Литовской метрики. В них приведены имена и фамилии многих жителей ВКЛ периода XIV – XVI веков. Особенно интересны в этом плане переписи сословий. Ныне переизданы четыре таких документа. Это переписи войска ВКЛ в 1528, 1565 и 1567 гг., а также перепись жемайтских волостей 1537–1538 гг.

** Andris Mackavicius. Перепис жемойтских волостей 1527–1538 гг. Vilnius, 2003.

Итак, на всей территории ВКЛ, включая Аукштайтию и Жемайтию, «официальным канцелярским языком» и «в известной мере языком публичного общения» в середине XV столетия был старобеларуский. Этот факт признают сами летувисы. Но тогда возникает вопрос: почему в этом государстве использовался старобеларуский язык и что он собой представлял? Почему «большинство децких, писарей, и других урядников суда летувисского языка не знало»?

Разве можно сейчас устроиться на работу в любое государственное учреждение Летувы, Украины, России, Германии и других стран (кроме Беларуси), не зная государственного языка этой страны? Конечно, нет. Почему же в ВКЛ можно было это делать, причем не отдельным лицам, а «большинству» чиновников? И почему после 200 лет существования ВКЛ «официального языка» государства не знало «большинство децких, писарей, и других урядников суда»! Кто же его тогда знал?

Если чиновники (как поветовые, так и высшие — воеводские и великокняжеские) — не знали государственного языка своей страны, то должны были существовать переводчики (толмачи) с «официального» языка (летувисского) на «канцелярский» (старобеларуский) и обратно. Почему нигде нет ни единого упоминания о таких переводчиках?

А вот имена татарских толмачей встречаются в книгах Литовской метрики достаточно часто. Они переводили с татарского языка на старобеларуский и наоборот. Почему же не было толмачей-посредников между носителями старобеларуского языка (якобы канцелярского) и жемайтского (якобы официального государственного)? Не слишком ли сложная конструкция для средневекового государства — наличие канцелярского и официального языков?

Значительно правдоподобнее другое объяснение. Словосочетание «канцелярский язык» сравнительно недавно (как и многое другое) придумали ученые Летувы.

Если везде господствовал «канцелярский язык» (даже среди поголовно безграмотных крестьян!), то куда прятался «официальный государственный»? Почему о нем нигде нет никаких упоминаний? Кто им пользовался? Ведь большинство жителей ВКЛ (90 %) не являлось восточными балтами. И если даже чиновники не знали официального языка, то простой люд тем более. Несомненно, никакого другого государственного языка, кроме старобеларуского, в ВКЛ никогда не существовало!

Если же следовать логике ученых Летувы, утверждающих, что ВКЛ основали восточные балты, то выходит, что весь этнос, образовавший новое государство, от крестьян до великого князя, выучил язык покоренного народа, т.е. старобеларуский. И стал использовать его даже в повседневной общественной жизни. А родной язык, надо полагать, использовал только в семейном кругу. Понятно, что все это дикая чушь!

Никогда и нигде победители не отказывались от своего языка в угоду побежденным. Вы только представьте: все жемайты, от великого князя до простых крестьян, после присоединения земель нынешней Беларуси усиленно учат старобеларуский язык, а на своем собственном языке разговаривают только «на кухне». Нормальному человеку такое даже не приснится! Однако ученые Летувы усиленно пропагандируют именно эту ахинею.

Может быть, монголо-татары в XIII веке, захватив Китай, перешли на китайский язык и стали писать китайскими иероглифами? Или после покорения славянских территорий они заговорили на славянском языке? История утверждает обратное: это

покоренные народы принимают язык победителей. Например, вся Западная Европа от Средиземного моря до Рейна и Дуная в начале первого тысячелетия после Р.Х. разговаривала на латинском языке римлян. Этот язык продолжал оказывать сильнейшее влияние на жизнь людей во многих государствах даже тогда, когда Римская империя исчезла*.

В современной Индии основным государственным языком является английский, обладающий преимуществом перед хинди, урду и бенгали. Англичане в течение нескольких веков были хозяевами этой земли. Индусы, обретя свою независимость в 1950 году, оставили язык бывших господ в качестве государственного. Так что факты — упрямая вещь.

После заключения Люблинской унии польский язык стал государственным языком в ВКЛ вместо старобеларуского. Язык жемайтов никогда не был государственным. Хоругвь ополчения Гродненского повета (1588–1795 гг.)

Наш первый академик Ефим Карский установил, что на старобеларуском языке говорили все Ягайловичи (Ягелоны), хотя и были королями Польскими — начиная от самого Ягайло, ставшего королем в 1386 году до Сигизмунда Августа, севшего на престол в 1529 году. Почему же не на «родном» восточнобалтском? Зачем надо было Ягайловичам более 140 лет передавать из поколения в поколение «чужой» («канцелярский») язык, т.е. старобеларуский? Несомненно, лишь потому, что он был для них не чужим, а родным.

Что же представлял собой старобеларуский язык?

С 1982 года беларуские ученые издают серию книг под названием «Гістарычны слоўнік беларускай мовы». В 2006 году издан уже 26-й том, начинающийся па букву «П». В книгах серии собрано огромное количество слов, которыми пользовались литвины-беларусы в XIII — XVIII веках.

По сути дела, «Гістарычны слоўнік беларускай мовы» — это словарь литературного старобеларуского языка, где приведена вся его лексика, с переводом ее на современный беларуский язык, с указанием источников и времени их появления. Источниками являются жалованные грамоты, официальные договоры, литературные произведения — от художественных до перевода Библии. Составители серии условно делят памятники старобеларуского языка на три группы: юридическо-деловая, светско-художественная и религиозная литература.

---

* Напомним, что в результате смешения латинского языка с наречиями варварских племен возникли все романские языки — галисийский, далматинский, испанский, итальянский, каталонский, молдавский, окситанский, португальский, рето-романский, румынский, сардинский и французский. — *Прим. ред.*

По этому словарю видно, что старобеларуский язык (если не вдаваться в детали) был синтезом славянского языка, на котором говорили мазовшане, дреговичи, кривичи, радимичи, волыняне, и балтского языка, на котором общались, в первую очередь, летописные литвины (возникшие, напомню, на основе ятвягов и дайновы).

Вот примеры слов с балтскими корнями, использовавшихся в старобеларуском языке (в скобках указаны даты использованных источников):

вилк, вилча (1625) — vilkas — волк;
вилчастый (1283, 1567) — волчьей масти;
вилчий (1691, 1700) — волчий;
вильчура (1637) — бурка из волчьих шкур, вывернутых шерстью на внешнюю сторону;
байдак, бойдак (1577, 1630, 1711) — bajdokas — барка, речное судно;
башта, бакшта (1568, 1579) — bokьtos — оборонная башня;
борг, боркг (1511, 1529, 1598) — bargos — кредит;
барта, барда (1664) — bortos — топор (как оружие);
ботвинье (1588, 1607) — batvinis — свекольный лист;
бурта — burtas — чары, волшебство, колдовство, суеверие;
буч — bučinas — приспособление для ловли рыбы;

В диалектах современного беларуского языка, особенно западных, а иногда и в современном литературном беларуском языке, многие балтские слова старого языка используются по сей день. Вот некоторые из них:

байбак, байбас, байбус — верзила; baibokas — юноша;
баланда — малокалорийная, «пустая» похлебка; balanda — лебеда;
балбатун — болтун; balbatunas — болтун;
баландзіць — болтать, пустословить; balanduoti — болтать;
балас — слабый голос, баласить; balsas — голос;
балдавешка — длинный шест, которым загоняют рыбу в сеть; baldas — то же;
бална — животное с белой шерстью; balna — белая;
барбуліць — бурчать, ругаться; barbulioti — то же;
барта — плотничий топор; bortos — топор (как оружие);
барулі — кожух, покрытый сукном; burulis — баран;
басалыга — неловкий человек, увалень; baisele — то же;
біза — (презрительно) бедный человек; bisas — голь, бедняк;
біргела — вид овода; birzgele — то же;
блаўкіня — лодырь, пустомеля; bliaukininkas — пустомеля;
брандук — зерно ореха; brandulas — то же;
бронкт, брункт — валёк; branktas — то же;
бумбы — кисти (как украшение); bambaliuoti — висеть, мотаться.

По Карскому, в современном беларуском языке примерно 80 % слов имеют балтские корни. Попутно отмечу, что балтские слова, используемые в старобеларуском языке, а иные и в современном, имеют славянские форманты — суффиксы и окончания. Иногда используются балтские приставки, но со славянскими корнями, суффиксами и окончаниями. А летувисы не только не используют беларуский язык в современной жизни, но еще в XVI века отказались даже от его алфавита.

ВЫВОДЫ

Заканчивая свои размышления, Лауринавичюс делает вывод, что беларусы лишь «примазываются» к истории Литвы и ВКЛ, тогда как Жмудь якобы и была всегда Литвой:

> «Что касается Литвы /Жмуди/, то её непрерывная историческая, культурная и языковая традиция является наилучшим доказательством того, что она, по крайней мере на протяжении последнего тысячелетия, имела и имеет своё имя и потому всегда была и остаётся сама собой».

Это наглая ложь! Жемайтия как раз никогда Литвой не была. Во всех летописях и документах ВКЛ, а также на всех древних картах она фигурирует как страна, пограничная с Литвой. По мнению же Лауринавичюса, название «Великое Княжество Литовское, Русское и Жемайтское» следует расшифровывать так: «Жемайтское» — это и есть «Литовское»,«Литовское» — это «Аукштайтское» (какая-то «тавтология Литвы» выходит), а «Русское» — это украинское и беларуское. Такая расшифровка просто абсурдна, ее политическая подоплека видна невооруженным глазом.

Во-первых, если Жемайтия это и есть «Литва», то почему она в названии ВКЛ упоминается отдельно, наравне с «русской частью»? И если Лауринавичюс считает, что Жемайтия — тоже «Литва», то почему равно не считает «Литвой» и «Русь»? Где логика?

Во-вторых, весьма некорректно разграничивать этнически идентичные Жемайтию и Аукштайтию («Литву») как якобы разные страны (многие историки вообще не признают существования «Аукштайтии» и «аукштайтов»), но при этом соединять в одно княжество совершенно разные этносы беларусов (литвинов-балтов) и украинцев (русинов-сарматов).

Тем более, что в названии ВКЛ представлены не этносы, но административное деление. Русью управляли русские князья, являвшиеся потомками князей Киевской Руси, а Литвой правили князья литовские. Никаких «беларуских» князей никогда не было и быть не могло, потому что до 1840 года наш народ именовался литвинами.

При этом более чем существенно то, что и Жемайтией правили литвинские князья, а не жемайтские. Но жемайтское население, естественно, никогда себя литвинами не именовало. Вплоть до XX века там все именовали себя либо жемайтами, либо аукштайтами.

Вся эта надуманная «концепция» летувисских историков опровергается, кроме всего прочего, двумя важными фактами, которые они скрывают.

1. Во всех документах ВКЛ (Статутах, Метриках, Переписях войска и прочих) в порядке перечисления фигурируют два разных этноса: «литвины» и «жмудины». Если, по мнению Лауринавичюса или Баранаускаса «жемайты» — «другое название литовцев», тогда как «аукштайты» — «истинное название литовцев», то кто же в документах ВКЛ именуется «литвинами»? Какой-то третий восточнобалтский этнос?

Между тем, достаточно взглянуть на документы ВКЛ, чтобы увидеть: все упоминаемые там «литвины» имеют фамилии на «-ич», то есть это предки нынешних беларусов, а слова «беларус» нет ни в одном документе ВКЛ за всю его историю.

Да, жители Полоцка, Витебска, Могилева, Орши, Гомеля по вере называли себя «русинами» — но только по русской вере Киева. Тот же Скорина, издав «Библию Ру-

ску», в Падуе четко указал: по вере я — русин, но этнически — литвин из Полоцка. Утверждать, будто бы признание Скорины касалось «не этноса, а государственной принадлежности», значит заниматься подтасовкой. Ведь ни один киевлянин или жемайт не называл себя «литвином», хотя все они точно так же были подданными великих князей Литвы.

Лауринавичюс считает, что «русины ВКЛ — это и есть нынешние беларусы». Увы, общая тотальная беда летувисских авторов состоит в том, что они плохо знакомы с документами ВКЛ, где русины однозначно трактуются как предки нынешних украинцев со своими характерными фамилиями, а не с нашими на «-ич».

Вообще говоря, перед нами Театр Абсурда: летувисы в сотнях статей и десятках книг оперируют пространными цитатами, взятыми исключительно у средневековых немецких авторов (для которых что Жмудь, что Ятва, что Литва — все едино), но никогда не обращаются к документам ВКЛ. Отчего столь удивительная однобокость и странное игнорирование главной исторической фактуры? А вот отчего.

2. Нет ни одного документа ВКЛ, написанного на языке жемайтов и аукштайтов (выдаваемом ими сегодня за «литовский»). Даже Статуты ВКЛ как не были переведены на их язык в прошлом, так и не переведены до сих пор.

Что же это за «Литва» такая, если ее главный Закон — Статут — никогда не переводился на язык летувисов? Забавно: при переиздании Статута в Варшаве (после создания Речи Посполитой) в нем было указано — «перевод с литовского языка». Однако под «литовским языком» тогда понимался беларуский язык.

Как можно претендовать на «этническое лидерство жемайтов и аукштайтов в Литве», если все государственные документы ВКЛ были написаны на языке наших предков, но не предков нынешних летувисов? Один только этот факт ясно указывает на то, кто являлся титульным народом в ВКЛ.

А ведь «загадка» — почему Статуты ВКЛ не переведены на язык летувисов — решается очень просто. Достаточно открыть Переписи Войска ВКЛ, где приведены списки местной шляхты, обязанной в случае мобилизации дать солдат из селян. По Жемайтии и Аукштайтии в Переписи Войска ВКЛ 1528 года мы видим: литвинская шляхта (с беларускими именами и с фамилиями на «-ич») составляет около 80%, тогда как шляхта жемайтов и аукштайтов — 20%. В Переписи войска ВКЛ 1567 года соотношение 60% против 40%.

Показательно, что половина из этих 20–40% шляхты жемайтов и аукштайтов имела свои «родные» этнические имена (типа Будрис, Венцкус, Липнюс), но беларуские (литвинские) фамилии на «-ич». Этот факт отражал бурный процесс литвинизации (беларусизации) Жемайтии и Аукштайтии, прерванный войной 1654–1667 гг. Если бы он тогда не прервался, то ассимилированная малочисленная (в сравнении с литвинской) местная шляхта неизбежно стала бы проводником ассимиляции «своего» сельского населения. К нашему времени жемайты и аукштайты неизбежно растворились бы в литвинской среде словно сахар в кипятке.

Так вот, «разгадка» состоит в том, что обязательным условием обретения дворянства (шляхетства) для жемайтов и аукштайтов было знание литвинского языка. Именно по этой причине Статуты и прочие документы ВКЛ не требовали перевода на их язык.

До 1500 года литвинская шляхта составляла на территории нынешней Летувы около 95%. Одно только это полностью опровергает все мифы летувисов о какой-то

их «причастности» к «возвышению Литвы и ВКЛ». Согласно Переписям ВКЛ, в 1528 году литвинская шляхта составляла до 80%, в 1567 году — около 60%, и даже в XVII веке примерно половина местной шляхты было литвинского (беларуского) происхождения. И все пресловутые «нобили» (магнаты), на которых ссылается Лауринавичюс (такие как Радзивиллы, Сапеги, Пацы, Гаштольды, Монтвиды и прочие) были литвинами, иногда даже немцами, но не жемайтами!

***

Лауринавичюс обижается, что мы «считаем Жмудь Жмудью, а не Литвой», как это придумали жемайты. Но это ли повод для обид? Нас гораздо больше обижают распространяемые в Летуве сказки о том, что жмудины (жемайты) в ВКЛ якобы «владели всей Беларусью» и «беларусы им ноги мыли». Например, как нам относиться к тому, что в Летуве организуют туристические автобусные маршруты по Беларуси — «Поездки в земли нашей старой колонии», а в автобусах гиды-летувисы рассказывают своим землякам сказки, будто бы «наши рыцари-предки мечом и огнем захватывали беларуские земли»! И показывают рукой на наши замки — Гольшанский, Несвижский, Мирский: мол, «отсюда наши предки-жемайты управляли беларусами».

Это кто кого захватывал? Безграмотные язычники, без стальных мечей и стальных кольчуг? Да еще так «захватили», что в 1500 году 95% шляхты в Жемайтии составляли предки беларусов?

Именно потому «золотой век» для «историков» Летувы, о котором они дружно ностальгируют, вовсе не эпоха ВКЛ. На самом деле, это времена Российской империи и Советского Союза, когда Муравьевы-вешатели, Апухтины-идеологи, Кояловичи-историки, а также инструкторы ЦК КПСС запрещали беларусам даже мечтать об объективном взгляде на свою дороссийскую историю. Они «передали» Литву и ВКЛ в «полную собственность» жемайтам.

С 1992 года мы впервые за два последних века получили возможность заниматься изучением истоков нашей государственности и нашего народа. Но тут же историки Летувы (вместе с великодержавными историками Москвы) объявили нас «фальсификаторами истории». На самом деле они яростно защищают фальшивую версию царизма, созданную в XIX веке с целью подавления национального самосознания беларусов.

Да, сегодня нам приходится преодолевать завалы лжи, которые нагородили царизм, ЦК КПСС и активисты национального движения Летувы. Но ничего, скоро мы во всем разберемся. Время пришло...

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Вадим Владимирович Деружинский (1965 г.р.) — редактор и соиздатель газеты «Секретные исследования». По образованию филолог, по профессии — журналист, по интересам — историк. Автор нескольких книг, среди которых «Энциклопедия аномальных явлений» (Москва, 2008) «Теория заговора» (Москва, 2009), а также «Тайны беларуской истории», на днях вышедшая из печати в Минске.

КАК РАЗГРАНИЧИТЬ ЛИТВУ И РУСЬ?

Алесь БЕЛЫЙ

ПРЕАМБУЛА

В историографии поныне отсутствуют обобщающие работы, которые исследуют разграничение Литвы и Руси (не в этническом, а в историко-географическом смысле), с точной фиксацией границы и объяснением критериев раздела.

Сам факт деления ВКЛ на разные историко-географические регионы, прежде всего на Литву и Русь, достаточно ясно осознавался и местным населением, и многими иностранцами. Такой раздел оставался в целом почти неизменным до конца XIX – начала XX веков, оказывая большое влияние на геополитику (стоит напомнить границы разделов Речи Посполитой, границы губерний и генерал-губернаторств Российской империи, планы деятелей литовского национального движения относительно границ будущей независимой Литвы и т.д.).

Историография XIX века в целом адекватно представляла традиционные исторические границы исторических Литвы и Руси, опираясь на традицию непосредственного, «интуитивного» их восприятия. Но к концу столетия большинство объективных критериев такого разграничения были уже размыты. Историография же XX века, находясь в рамках нового представления об этничности, оперировала терминами «/Бела/Русь» и «Литва» исходя из значений, вложенных в них этнографией и национальными движениями.

«Этнографическое» представление о разделе «Северно-Западного края» на Литву и Беларусь по языковому принципу к началу 1890-х годов стало доминирующим не только в национальных движениях (кроме польского), но и в официальной науке Российской империи. Не случайно вопрос о конкретном значение терминов Литва и Русь – как названий историко-географических регионов («областей») ВКЛ – впервые в научной историографии поставил именно в то время М.К. Любавский (1892). То есть тогда, когда традиция «интуитивного» деления на Литву и Русь была уже в значительной степени утрачена и для ее фиксации потребовалось формальное описание.

По мнению Любавского (1), «Литовско-Русское государство» (ВКЛ) образовалось в результате объединения: а) собственно Литовской земли»; б) «русских» земель – Полоцкой, Витебской, Смоленской, Киевской, Волыни, Подляшья, «Литовского Полесья»; в) «Литовской Руси в частном смысле» – группы волостей по среднему Днепру, Березине и Сожу (Бобруйской, Борисовской, Кричевской, Любанской, Минской, Мстиславльской, Пропойской, Речицкой, Свислочской и некоторых других), входивших в Виленское и Трокское воеводства ВКЛ. Взгляды Любавского поддержал польский историк С. Кутшеба (2).

---

* «Arche», № 61 (№ 10/2007). Перевел А.Е. Тарас. Автор использовал 55 источников (указаны в тексте номерами в круглых скобках). С целью экономии места список источников был снят. Тем, кому они нужны, следует использовать журнал «Arche».

Однако с ними не согласился О. Халецкий, считавший, что вся территория Виленского и Трокского воеводств до административной реформы 1565 года, включая поднепровские и подвинские волости, считалась современниками Литвой. Под Русью же или «Русью Литовской» понимались только автономные земли (Полоцк, Киев, Волынь и др. — «аннексы» по определению О. Халецкого), «федеративный» статус которых определялся великокняжескими привилеями (3).

Интерпретация Халецкого исходила из тех источников, на которые он опирался, преимущественно законодательных актов, с игнорированием многочисленных случаев употребления терминов Русь и Литва в менее «статусных» документах публичного и частного характера (хозяйственных, судебных, дневниках, частной переписке и т.д.). Ошибочность его взглядов легко доказывается хотя бы привилеем, выданным Ягайло в 1387 году своему брату Скиргайло на Полоцк, а также на Минск и другие волости «на Русской стороне» — Свислочь, Бобруйск, Пропойск, Речицу, Любеч, Игумен и другие (4), известные позже как поднепровские волости ВКЛ.

Кстати, владения Скиргайло (добившегося права сохранить православное вероисповедание при заключении Кревской унии) в конце его жизни, в 1393–1396 гг. — когда при содействии Ягайло и Витовта он получил Витебск, Киев, Овруч, Житомир, — вместе примерно и составляли Русь, в отличие от Литвы, где после Островского соглашения 1392 года правил Витовт.

В современной Литве (Летуве – *ред.*), точнее, в послевоенной диаспоре эмигрантов, исторической южной и восточной границей интересовались К. Пакштас и Б. Квиклис. По их мнению, мотивированному политическими соображениями, восточная граница «Lithuania Proрria» совпадала с этнической границей расселения литовцев (летувисов – *ред.*).

При этом в состав последней они безосновательно включили значительную часть Волковысского, Слонимского и Новогрудского поветов, целиком Лидский и Гродненский поветы, значительную часть Подляшья – до реки Нарев. Зато южная часть Lithuania Proрria, до реки Ясельды ошибочно осталась за пределами границ Литвы. Очевидно, что такой подход диктовался «этнографическими» представлениями, доминировавшими в эпоху становления национального государства. Но именно он, запечатленный в эмигрантской «Литовской энциклопедии», долгое время нераздельно господствовал в литовской исторической науке.

Линия былого раздела ВКЛ на Литву и Русь (XIV–XVI вв.) целиком проходит по территории современной Беларуси. Возможно, что именно поэтому до сих пор отсутствуют сравнительные исследования, сопоставляющие основные параметры развития этих двух регионов ВКЛ (этнокультурного, аграрного, конфессионального и пр.) и последовательно выявляющие исторические различия Литвы и Руси. Современная Литовская Республика является намного более «исторически однородной» (даже с учетом самобытности в развития Жемайтии), чем Беларусь, а в Беларуси с 1939 года и по сей день не приветствуются исследования различий между двумя частями страны.

После Халецкого и Кутшебы, по политическим причинам, конкретное содержание терминов Русь и Литва — в их взаимосвязи и противопоставлении — не интересовало историков Беларуси, России и Польши в течение почти 60 лет, до 1980-х годов. Сначала вопрос восточной границы Lithuania Proрria затронул Е. Охманьский в работы, посвященной эволюции восточной этнической границы Литвы (6). Позже

этот вопрос стал предметом ненаучных спекуляций и мистификаций беларуских историков-любителей (Н. Ермолович, В. Чаропка, П. Урбан и др.). Кроме Охманьского, ряд исследований балто-славянской этнической границы обобщил беларуский исследователь А. Кравцевич (7).

Согласно с ними, в древнерусские времена эта граница проходила примерно по линии: озеро Освейское – Дисна – Плиса – Будслав – Заславль – Рубежевичи – Деревная – Белица – Слоним – Волковыск. К XIV веку она передвинулась с левого на правый берег Немана и проходила примерно параллельно руслу этой реки – так называемая «линия Сафаревича» (граница концентрации поселений с названиями на «–ишки») (8). Однако ни этническая граница, ни граница преобладания католического и православного вероисповеданий в Виленской губернии не совпадают с границей исторического региона Литвы*.

Большую работу по анализу использования терминов Русь и Литва на территории современной Беларуси в XVI веке провели беларуские историки М. Спиридонов и В. Носевич. Спиридонов накопил и систематизировал значительный фактический материал в процессе работы над фундаментальным исследованием «Закрепощение крестьянства Беларуси» (Минск, 1993), «побочным продуктом» которого стало создание картотеки населенных пунктов ВКЛ XVI века с атрибутами административно-территориальной принадлежности, собственности и другими. Несколько позже она послужила основным источником для создания карт административного раздела ВКЛ до и после административной реформы 1565 г.

В сотрудничестве с Носевичем, на основе анализа различных официальных государственных и частных актов (завещаний, жалоб, инвентарей, инструкций, приказов, писем, сеймовых одобрений, «Уставы на волоки» 1557 г., Переписи Войска ВКЛ 1567 г. и других), Спиридонов локализовал в Руси (в узком смысле термина) более 130 населенных пунктов. Это позволяет довольно точно определить границу между Русью и Литвой в ВКЛ середины XVI века, равно как и критерии для разграничения этих двух основных историко-географических регионов ВКЛ.

Однако поныне термины Литва и Русь (Литовская) не стали общепризнанными, ими практически не пользуются для обозначения различий между этими регионами (в структуре землевладения, этническом и конфессиональном составе населения и т.д.). Сказываются и инерция мышления, и штампы идеологии, и политические риски, проистекающие из употребления таких терминов.

Основные выводы Спиридонова и Носевича (11) сводятся к тому, что граница между Русью и Литвой не совпадала ни с этнической (в современном понимании), ни с административной границей (воеводств и поветов).

Одним из основных признаков разграничения в середине XVI века была господствующая в соответствующих регионах система повинностей зависимых крестьян. В Литве это преимущественно барщина, на Руси – традиционная натуральная и денежная дань, которая с середины XVI века частично приобрела форму оброка. Это особенно ярко проявляется при анализе собственности феодалов, имевших земельные владения как в «литовской», так и в «русской» частях ВКЛ. С этими выводами согласился беларуский историк из Белостока О. Латышонок, который, как и автор данной статьи, отметил, что именно за регионом Русь ВКЛ начиная с 1580-х гг.

---

* См. работы П. Климаса (9) и М. Гринблата (10).

ВКЛ в XV веке

закрепился хороним «Белая Русь» (12) Эти выводы в целом принял и А. Кравцевич, который, однако, настаивает на изначально якобы биэтническом содержании хоронима Литва (Lithuania Propria) (13).

Согласно гипотезе, выдвинутой Носевичем (15), ВКЛ на начальном этапе формирования включала три основные «земли»: Литву (64 тыс. кв. км), Жемайтию (27 тыс. кв. км) и Новогрудчину (23 тыс. кв. км), при этом чисто балтская, или «нерусская», территория занимала 80 % государства.

Носевич предложил применительно к ним пользоваться термином «политическая Литва» - в отличие от «этнической Литвы». Такая терминология позволяет различать основную смысловую нагрузку понятия «Литва»: а) как территории, населенной этническими литовцами (и родственными им балтскими народностями) и б) как политического ядра ВКЛ, где литовцы (и другие балты) были численно доминирующим, но не единственным этническим элементом.

«Политическая Литва» (аналог латинского термина Lithuania Propria), кроме «этнической», с XIII века включала также смежные с юга и востока территории с преобладающим или значительным восточнославянским населением, в основном, в Верхнем Понемонье. Эти территории историки с XVII века называют искусственным термином «Черная Русь», а беларуские историки-любители настойчиво пытаются именно их выдать за «первичную», или «летописную» Литву).

Однако такого критерия, как доминирующая система повинностей крестьян (Спиридонов, Носевич) явно недостаточно для адекватного представления содержания понятия «Литва» в умах образованных людей XVI–XVIII веков (как и понятия Русь в узком смысле историко-географического региона ВКЛ). В данной работе автору хотел очертить основные пути исследований вопроса, которые должны более полно раскрыть соотношение Литвы и Руси.

СТРУКТУРА ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В РУСИ И ЛИТВЕ

Разница в структуре земельной собственности в двух регионах отчетливо проявилась в середине XVI века, во время проведения аграрной реформы, о чем свидетельствует множество документов, составляющих основную фактическую базу Спиридонова и Носевича. Из упомянутой выше книги Спиридонова, его и Носевича статей следует, что особенности структуры «земельного кадастра» складывались

в результате пожалований великого князя, основная масса которых была сосредоточена именно в «политической Литве»:

> «Основным районом пожалований была... особенно западная и центральная части /территории Беларуси/, которые в XV–XVI вв. в связи с военным поражением Тевтонского Ордена почти не узнали опустошения и находились в бассейнах сплавных рек Западный Буг и Неман. По этим причинам в указанных регионах фонд господарских владений в результате пожалований сокращался, а земельная собственность, главным образом литовских католических князей и панов, а также католической церкви, расширялась значительно интенсивнее, чем в восточной Беларуси».

Спиридонов ссылается также на предыдущие работы Охманьского, который пришел к аналогичным выводам (17). Составленные Носевичем на основании картотеки Спиридонова карты поветов ВКЛ для белорусских энциклопедий прекрасно это иллюстрируют: в литовских поветах уже к середине XVI века преобладали частные владения, при большей доли владений католической церкви, в русских доля государственных владений по-прежнему оставалась большой. Как отметил Спиридонов, хозяйские владения даже назывались по-разному: на востоке современной Беларуси (в Руси) — волостями, на западе (в Литве) — как правило, «державами». (18) Он также обращает внимание на следующее:

> «До середины XV века земельные отношения между русскими боярами регулировалась главным образом теми нормами, что сложились еще в период Древней Руси. В конце XIV века эти нормы в общей форме были подтверждены в «привилеях» (грамотах) великого князя Витовта /пожалованных/ Витебской, Полоцкой и некоторым другим русским землям ВКЛ».

Право частной собственности западноевропейского образца изначально было введено (привилеями 1387 и 1413 гг.) только для литовских феодалов, принявших католицизм, а на православных постепенно распространено привилеями 1432, 1434, 1447, 1563 гг. (19). Формирование землевладения наиболее привилегированного слоя литовского боярства, оформившегося по Городельскому привилею 1413 года, подробно рассмотрел В. Семкович (20). Из его работы очевидно, что преимущественное большинство владений «городельского» боярства было локализовано в «политической Литве».

ПОНЯТИЕ «СТАРИНЫ» И РУССКИЕ ВОЛОСТИ

Культурное и хозяйственное своеобразие поднепровских и подвинских «волостей русских» в контексте «валочнай памеры» исследовал беларуский историк В. Голубев (21). Он отметил важность понятия «старины» как определенной идеализированной традиции обычного права. Она, в частности, определяла принципы распределения повинностей между общинниками патриархальной общины и т.д.

Голубев осознает серьезные испытания, которым подверглась «старина» во время реализации в «волостях русских» аграрной реформы, начиная с 1560 года. Но, как и другие исследователи, он не задавался вопросом, насколько последовательно «старина» как принцип распространялась на другие сферы материальной и духовной жизни этого региона ВКЛ. И прежде всего, насколько тесно он был связан с господством православия в русской части ВКЛ и соответствующего ему мировоззрения, в том числе в правовом сознании.

Во многом это объясняется мизерностью доступных нам источников, которые бы описывали повседневную жизнь русинов, а также самой православно-византийской культурной традицией, намного меньше, чем латинская, склонной к документальной фиксации общественных и природных явлений. Однако можно полагать, что «старина» сыграла значительную роль в формирования границы между Литвой и Русью, не имевшей формально зафиксированного статуса, но, тем не менее, признававшейся обеими сторонами.

Русскую волость как «элементарную единицу дробления городов-земель, общин (грамад), что сформировались на территории Верхнего Поднепровья и Подвинья в древнерусский период», исследовали также М. Довнар-Запольский и А. Дворниченко (22).

Голубев отметил, что к 1558 году ревизия «памеры» на основании «Уставы на волоки» 1557 года была завершена (в государственных владениях) в Берестейском, Браславском, Виленском, Волковысском, Городенском, Лидском, Менском, Новогрудском, Ошмянском и Пинском поветах — то есть во всех западных поветах сегодняшней Беларуси. (46-я статья «Уставы» была посвящена положению «русских волостей» в Поднепровье и Подвинье, где аграрная реформа начала проводиться с 1560 года на основе отдельных инструкций). Однако это утверждение требует уточнения: ведь границы поветов были установлены во время административной реформы 1565 года — на 7 лет позже.

Неизвестно, какими формальными критериями руководствовались администраторы, разрабатывавшие методику и очередность действий во время проведения аграрной реформы. Стоило бы проверить на широкой статистической базе: не был ли регион «валочнай памеры» 1557–1558 гг. полностью идентичен «политической Литве»? С одной стороны, невозможно отрицать, что проведение реформы в столь краткие сроки свидетельствовало о достаточно высоком уровне административной культуры, который предполагал, в том числе, строгую территориальную очерченность мероприятий «валочнай померы». С другой стороны, в нашем распоряжении нет документов, которые географически точно определяют территорию «памеры» 1557–1558 гг. Можно предполагать, что она проводилась в конкретных волостях, державах и «поветах», однозначно понимаемых современниками как «литовские», и которые имели общую внешнюю границу. Она и воспринималась как граница Литвы с Русью, хотя не совпадала с границей Виленского и Трокского воеводств.

Попытку глубокого семантического анализа понятия «старины» сделал петербургский историк М. Кром (23). Культ старины, по его мнению, охватывал все сферы жизни ВКЛ: землевладение, налоги и повинности, пошлины, внешнюю политику. Причем «язык старины, язык обычного права закрепился на всей территории Литовского государства». Ценным наблюдением Крома надо признать факт концентрации употребления формулы «мы старины не рушим, а новины не вводим» на небольшом временном отрезке с конца XV до первой четверти XVI века. Однако примеры, которые иллюстрируют «старину», Кром взял исключительно из русской части ВКЛ, по умолчанию относя их ко всему Великому Княжеству, что вряд ли корректно.

Нам представляется, что детальный территориальный анализ выявил бы намного большую концентрацию ссылок на старину в Руси, чем в Литве. Исследователь сам признает, что время наибольшего культа старины совпало с динамичным разви-

тием общественного строя ВКЛ – введением Магдебургского права, формированием шляхетского сословия, исчезновением остатков уделов. Однако он не замечает, что эти преобразования наиболее интенсивно велись именно в «политической Литве» и что конфликт «старина» — «новина», по сути, был также конфликтом между двумя цивилизациями и странами, которые их предоставляли. Понятие «старины», по нашему мнению, следует уточнить, добавив к нему очень важную коннотацию: «русская старина», это идеализированная русская идентичность как противовес «латинской» изменчивости.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР

Границам Литвы как историко-географического региона ВКЛ, скорее всего, соответствуют государственные границы всего ВКЛ в ранний период, примерно конца XIII – начала XIV веков (возможно, времен княжения Тройдена), и отмечают собой определенную веху в истории территориальной экспансии ВКЛ*. До достижения этой границы Литва делала ставку на военную силу и существенно реорганизовывала систему государственного управления и права на подчиненных территориях. Позже она перешла к более гибкой системе втягивания удельных русских княжеств в свою политическую систему: это и династические браки (особенно с последними представительницами княжеских родов, не имевшими наследников по мужской линии), это и переход литовских князей в православие, что обеспечивало легитимность литовских династий в глазах местного населения.

Осторожность, с которой действовали Гедимин и Альгерд, вероятно, объясняется тем, что русские княжества, в которых столь успешно удавалось закрепляться литовской династии, оставались данниками ордынских ханов. И, по крайней мере с точки зрения ханов, смена династии еще не делала эти княжества частью Литовского государства. И. Морзолюк отметил, что даже в XVI веке ханские ярлыки выдавались великим князьям литовским на все русские земли в границах, которые отчасти совпадали с исследованной нами границей Руси и Литвы, как, например, ярлык Сагип-Гирея 1529 года, выданный на Киев, Луцк, Смоленск «со тьмами и землями и водами» (24)**. Вероятно, определенная «условность», непрочность литовской власти над Русью, на которую всегда имелись другие претенденты (сначала Орда, затем Московское государство), постоянно осознавалась ведущими кругами Литвы, а позже и Речи Посполитой.

Хотя с этой непрочностью не мирились, пытались найти способы ее преодоления, тем не менее, в своей внутренней политике на территории Руси власти ВКЛ всегда были вынуждены считаться как с настроениями местного населения, так и с восточными соседями, готовыми сыграть на этих настроениях. Отсюда лояльное отношение к русской «старине», которую стремились не нарушать вплоть до середины 1560-х гг., когда утратила смысл всякая корректность применительно к восточному соседу, агрессивно заявившему о своих претензиях.

Возможно, устойчивая граница Литвы была установлена во время великого похода татар и Галицко-Волынского княжества в 1275 году (согласно Ипатьевской ле-

* Тройден правил примерно в 1270–1282 гг. — *Прим. ред.*

** Неточность источника. В 1523–1532 г. ханом Крымской Орды был Саадет Гирей, а Сагиб Гирей правил в Бахчисарае с 1532 по 1551 гг. — *Прим. ред.*

Жамойтия, Литва и Русь на карте Мартина Кромера (1577 г.)

тописи) или серии аналогичных походов того времени, которые оставили заметный след в преданиях о битвах под Койдановом, Могильном и других. В результате этих столкновений татары отказались от попыток подчинить Литву. Литва, вероятно, взяла на себя обязательство не претендовать на Русь, которая целиком считалась законным владением татар, и в дальнейшем распространении своей власти была вынуждена действовать более гибкими способами. Расселение на юге «политической Литвы» беглецов из Пруссии после подавления там последнего крупного восстания (25) вероятно, было призвано закрепить границу, достигнутую к середине 1270-х гг.

Договоры между ВКЛ и Московским государством XV–XVI веков формально не содержат письменных обязанностей Литвы уважать «старину» Руси (26). Однако можно полагать, например, что обязательства, взятые при заключении брака Александра Казимировича с Еленой Ивановной, дочерью Ивана III (1495 г.), неформально могли трактоваться более широко, чем требование уважать вероисповедание самой Елены.

Польский писатель XVII века Шимон Старовольский назвал «Белую Русь» (этот термин сменил «Русь Литовскую» в конце XVI века) «смежной» (adjacetque) и «подвластной» (subjacet) Великому Княжеству Литовском (27). В Могилевской хронике под 1695 годом отмечалась, что «поможье литовское» проходило рядом с Менском и Слуцком (возможно, имелась в виду восточная граница Менского и Новогрудского поветов) (28).

Во второй половине XVII века характеристики состояния общества, которые разделяли Литву и Русь в середине XVI века, уже не столь существенно различались в обеих частях государства. Хотя Русь оставалась славянской страной, с преимущественно восточным обрядом католицизма /униатством/, который заменил православие. Здесь практически отсутствовал литовский этнический элемент, к тому времени ассимилированный даже в небольших анклавах типа Обольцев. Однако память о прежнем разделе сохранилась.

При этом граница Литвы отодвинулась ещё дальше на восток. Видимо, административная реформа 1565 года специально провела границы Менского и Новогрудского поветов по Березине и Птичи, которые и считались с того времени границей Литвы. Меры по ликвидации остатков «русской старины» планировалась начать

с восточных частей этих двух поветов, но Люблинская уния 1569 года сделала этот план неактуальным. Упомянутый процесс, начиная с правления Стефана Батория, и особенно с начала XVII века, охватил Полоцкое, Витебское и Мстиславское воеводства, а также Мозырский и Речицкий поветы Менского воеводства. Эта территория (всего 6 поветов), начиная с 1565 года, возможно, и считалась Русью (позже — Белой Русью). На короткое время, с 1611 по 1654 годы, к ним присоединилось Смоленское воеводство.

Представления о границе между Литвой и Русью по Березине проанализировал Охманьский. Он нашел первое упоминание об этой границе у польского хрониста Яна Длугоша. А в 1549 году на границу Полоцка и Витебска (якобы давних вотчин великого князя московского) с Литвой по Березине, ссылались в Москве в ходе переговоров с послами ВКЛ. По мнению Охманьского, Березина действительно разграничивала Менское и Витебское княжества в древнерусский период (29).

Детальное исследование границы Руси с Литвой по Березине в последнее время осуществил В. Воронин (30). Он пришел к выводу, что эта граница прослеживается, начиная с 1480-х гг., в документах о территориальных претензиях к ВКЛ, заявленных великим князем московским Иваном III и поддержанных его наследниками. Строго говоря, граница по Березине далеко не всегда фигурирует в документах именно как граница Руси и Литвы, но скорее как предполагаемая западная граница Смоленского княжества (вотчины Рюриковичей и якобы «законного владения» Москвы). На более западные земли ВКЛ до определенного времени претензии Москвы не распространялись, но это не означает, что в Кремле их не считали тоже безусловно «русскими».

Однако вряд ли эта граница была исторически обоснованной границей Литвы. Скорее всего, установление условной границы в середине XVI века по Березине было связано с осознанием опасности московской экспансии и стремлением расширить территорию действия реформ. Это унифицировало правовое устройство основной части русских территорий (собственно Белой Руси) с центральной частью государства.

ПОЛОЖЕНИЕ КАТОЛИЧЕСКОГО КОСТЕЛА В ЛИТВЕ И РУСИ

Большая часть территории современной Беларуси (как Литва, так и Русь) относилась к Виленской диоцезии римско-католической церкви. Исключение составлял крайний юго-запад, который всегда «тянулся» к Волыни, с 1374 года входил в склад Луцкой диоцезии, а в 1565 году был выделен в Берестейское воеводство. Также крайний юго-восток, в границах Мозырского повета, который до Люблинской унии 1569 года был частью Киевского воеводства и (номинально) Киевской диоцезии, хотя костёлов на этой территории не было до середины XVII века.

Характерно, что на Литву и Русь (в узком смысле) разделяли, как правило, именно Виленскую диоцезию, ибо Жемайтия составляла отдельную диоцезию, а Берестейское воеводство чаще всего фигурировало как Полесье, которое в политико-географическом аспекте до XVIII века было «поглощено» скорее Литвой, чем Русью. Охманьский в своих работах, посвященных формированию Виленской диоцезии, проследил динамику роста сети приходов, из которой отчетливо видна крайняя неравномерность их распределения по территории диоцезии.

На востоке, на Руси, даже во владениях Виленской диоцезии (Стрешин и другие) долгое время не было костёлов. Например, в Корене, престимониальном поместье Виленского капитула с 1395 года (31), который находился в непосредственной близости к границе Литвы, решение об основании католической парафии /прихода/ было принято только в 1572 году. То есть, после Люблинской унии и смерти последнего монарха из династии Ягайловичей (в документе 1576 года специально отмечалось, что приход основан «в том краю Руском»), причем в 1596 году она была ликвидирована из-за недостатка средств на ее содержание. Такая же картина характерна для всего востока и центра современной Беларуси, где долгое время не существовало объективных условий (как материальных, так и психологических) для устойчивого развития католицизма. По Охманьскому (32) до середины XVI века в Виленской диоцезии существовало уже около 259 костелов, из них только 4 в «русской» ее части (Обольцы, Витебск, Полоцк, Слуцк). Менск в то время, по данным Носевича и Спиридонова, массовое сознание относило уже к Литве (33).

Только в 1602 году, в связи с повторной канонизацией Св. Казимира и усиленным распространением его культа, поддержанным государством, костёлы стали массово основываться на востоке благодаря пожертвованиям крупных государственных сановников. Например, в Могилеве в 1602 году костел Св. Казимира был основан на личные средства самого короля Сигизмунда Вазы, а в Лепеле, под тем же названием, — Льва Сапеги. Кореньская парафия была восстановлена в 1605 году.

Вероятно, какое-то время власти Речи Посполитой рассчитывали на быстрый эффект от Брестской унии 1596 года. Но после того как она за первые десять лет не привела к единству ценностей во всем государстве, они перешли к политике активного распространения католицизма латинского обряда. До того времени существовал негласный «мораторий» на попытки распространения католицизм в «русской» части ВКЛ, которая молчаливо признавалась в определенном смысле «коллективной вотчиной» русинов.

Для уточнения границы Литвы и Руси в XVII веке можно также исследовать границы Беларуской архидиаконии (суфрагании) в Обольцах, а также границы церковно-административных единиц других конфессий (православной Беларуской епархии, кальвинистского Беларуского дистрикта) (34).

ФОРМИРОВАНИЕ «ПОЛИТИЧЕСКОГО НАРОДА ЛИТВЫ»

Ежи Охманьский очень точно подметил, что до середины XV века в абсолютном большинстве случаев костёлы основывали великие князья (28 из 34 приходов Виленской диоцезии, имевшихся в 1440 году). Только при великом князе Казимире /правил в 1440–1492 гг./ ситуация коренным образом изменилась. Высшие слои литовского боярства — Гаштовты, Гедигольдовичи, Монвиды, Саковичи и другие — осознав важность католицизма для сохранения своего привилегированного положения по отношению и к русским боярам, и к зависимым селянам, независимо от этнической принадлежности стали выступать фундаторами костёлов (35).

---

* «Политическим народом» принято называть привилегированные слои тогдашнего общества, фактически определявшие внутреннюю и внешнюю политику государства — магнатов, шляхту и духовенство. — *Прим. ред.*

Впрочем, одномерная трактовка мотивации фундаторов как стремления к привилегированному материальному положению не совсем обоснована. Более корректно говорить о слиянии имущественных мотивов с самоидентификацией. В дальнейшие столетия содержание костёлов преимущественно оставалось делом частных лиц, даже после утраты католиками привилегированного положения и самой государственности. До самого начала XX века эти фундации служили одним из способов манифестации принадлежности к католическому этноконфессиональному сообществу.

Вывод Охманьского о времени изменения отношения литовской знати к распространению католицизма путем личного финансирования (середина XV века) хорошо совпадает с данными исследований формирования «политического народа» Литвы, например, Ежи Сухоцкого. Он отмечает, что рост самосознания «политического народа» отмечается с середины 1450-х в наиболее привилегированном слое литовской знати (Гаштовты, Гедигольдовичи, Монвиды, Кезгайлы, Монтгирдовичи, Радзивиллы и др.). То же самое происходило среди Гедройцев и Гольшанских, уступавшим магнатам первой величины в имущественном статусе, но бывших более образованными и интенсивно контактировавшими с Западной Европой. Это осознание личной ответственности за положение костёла на подвластных землях выражало возросшее самосознание литовской элиты (36).

Вторым аспектом различий между «политическими народами» Литвы и Руси представляется их отношение к воинской повинности, источником для изучения которого являются в первую очередь «Пописы» (переписи) Войска ВКЛ. Очевидный дисбаланс между числом всадников, выставленных с Литвы и Руси, особенно по Переписи 1528 года (37), еще не получил исчерпывающего объяснения. Кони, выставленные боярами клецкими, городецкими, рогачевскими, землями Полоцкой, Витебской и Мстиславской, составляли незначительную долю общего числа коней, что особенно хорошо видно на составленной Спиридоновым карте (приложении к беларускому изданию Переписи 1528 г.).

Даже с учетом «поглощения» владений в «русских волостях» общей оценкой собственности крупных землевладельцев (паны-рады, наиболее значительная шляхта, князья, вдовы крупных сановников — воевод, старост, князей), выставлявших определенное число всадников совместно «со всих именеи своих», как «литовских», так и «русских»; относительную редкость частного землевладения в Руси в 1528 году (там преобладала государственная собственность), диспропорция между Литвой и Русью очевидна.

Х. Ловмяньский, сравнивая процент неохваченных земской службой дымов в «Беларуси и Литве» (хотя в контексте его работы речь идет скорее о Руси и Литве), пришел к выводу, что даже через 50 лет после Переписи 1528 года эта диспропорция оставалась существенной: 30 % и 16 % соответственно (38). Можно полагать, что в 1528 году разница была намного большей. Налицо массовое уклонение феодалов именно русской части ВКЛ от земской (военной) службы, с которым центральная власть не могла совладать, и которое еще не стало предметом серьезного внимания исследователей. Например, А. Грицкевич интересовался в первую очередь этническим происхождением феодалов по Переписям, стремясь доказать, что феодалы «беларуского» (в современной терминологии) происхождения составляли большинство (почти 80 %, 1634 из 2083 человек) в современных границах Беларуси (39).

По данным Ловмяньского, подтвержденным Охманьским, в «этнически беларуских» поветах Литвы — Новогрудском, Слонимском, Волковысском и Городенском — знать с литовской или католической антропонимикой, по Переписи 1528 года составляла явное меньшинство в сравнении с православными русскими боярами — 28 % в 1528 году, хотя к 1567 году доля ее немного увеличилась — 35 % (40). Однако для политической власти и экономической мощи более важным было число служб и «дымов», которыми располагали католические феодалы, и в этом отношении они преобладали, в том числе в тех частях Литвы, где составляли меньшинство. Грицкевич отмечает преобладание литовцев среди магнатов и намного большее

Жамойтия, Литва и Русь на карте Шимона Старовольского (около 1642 г.)

число «дымов», приходившихся в среднем на одного феодала литовского происхождения, а также гораздо большую концентрацию последних на северо-западе Беларуси. Но сам факт глубокого раздела «политических народов» и, соответственно, регионов их преобладания, существенной разницы в отношении к земской службе, при таких исходных установках ускользнул от его внимания.

Впрочем, большинство литовских и польских исследователей тоже не склонны замечать факта длительного сосуществования в ВКЛ двух, а не одного, «политических народов». Работы Е. Сухоцкого (41) задали преобладающую ныне в историографии тенденцию рассматривать эволюцию политического народа ВКЛ исходя из заранее известного результата этого процесса — поглощения политическими литвинами верхушки русинов. Так, Р.Р. Тримонене считает, что уже эпизод 1494 года, когда против проекта раздела ВКЛ на два государства, с выделением для Сигизмунда Старого «русской» части со столицей в Киеве, единодушно выступили все радные паны ВКЛ, в том числе и русины, свидетельствует о достижении определенной степени единства «политического народа Литвы» (42).

Однако более глубокий анализ как моделей социального поведения литвинов и русинов, так и их представленности в органах государственного управления вряд ли подтверждает обоснованность такого вывода. Характерно, что в привилее 1563 года были гарантированы права «стану рыцерского и шляхетского, яко Литовского так и Руского народу...», чтобы «всих вольностей стан рыцерский шляхетский обоего народу, так Литовского яко и Руского, уживали и с того ся веселили» (43).

Межконфессиональная борьба первой половины XVII века, которая велась на всех уровнях общественной жизни, включая сейм, церковные братства, полемическую печать, не позволяет говорить о быстром исчезновении «политического народа Руси» (русинов) — скорее, об его постепенной социальной деградации. Приходится сожалеть об отсутствии современных исследований структуры и жизненных стереотипов элиты «русской» части ВКЛ, аналогичных исследованию элиты Жемайтии, проведеному Е. Савищевым в его докторской диссертации (44) или в монографии Р. Пятраускаса об элите Литвы конца XIV–XV вв. (45)

ГЕОГРАФИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ МАГДЕБУРГСКОГО ПРАВА

Достаточно широкая историография развития Магдебургского права в ВКЛ уделяет сравнительно мало внимания выявлению устойчивых региональных различий в динамике распространения и внутреннем содержании этого института. Как исключение можно отметить работу Ю. Бардаха, обратившего внимание на значительную разницу в темпах распространения магдебургского права между западной и восточной частями ВКЛ, но не сопоставившего эту разницу с разделением на Литву и Русь.

Значительно более редкая сеть городов с Магдебургским правом на востоке (включая украинское Поднепровье, которое тоже относилось к Руси), Бардах объясняет сопротивлением части правящей верхушки самих русских городов, неразрывно связанных с волостями. Эту тесную связь поддерживали также господарские наместники и державцы, для которых власть над городами была источником и доходов, и силы. Конкретные случаи такого сопротивления ранее собрал и обобщил А.С. Грушевский (48).

Бардах также заметил, что изначально Магдебургское право распространялось лишь на католиков, а православные русины тех же городов оставались под властью великокняжеской администрации. Это хорошо видимо на примере городов Подляшья. Например, в Бельске Магдебургское право было введено в 1430 году лишь для католиков, и только в 1495 году было распространено на все население города. Схожее распространение юрисдикции специально обусловливалось при выдаче Магдебургских привилеев Дрогичину (1498 г.) и Мельнику (1501 г.).

Магдебургское право городам ВКЛ давалось только после основания костёла. Это хорошо видно на примере Луцка (перенос римско-католической кафедры из Владимира и наделение ее значительными земельными владениями — в 1428 г., первичное дарование Магдебургского права — в 1432 г.), Слуцка (костёл с 1440 года, ограниченное Магдебургское право — с 1441 г.), Киева (костёл существовал с начала XV века, Магдебургское право с 1494–1497 гг.), Полоцка (получил Магдебургское право в 1498 году одновременно с основанием костёла), Менска (Магдебургское право с 1499, костёл, видимо, существовал значительно раньше).

Возможно, что Магдебургское право, заимствованное в ВКЛ еще в 1370-е гг. (Каменец), когда католицизм не был государственной религией, считалось легитимным только при наличии сакрального обоснования. Самое раннее исключение представляют Мозырь и Могилев, получившие Магдебургское право в 1577 году, когда в этих городах еще не было костёлов.

С начала XVI века центральная власть стремилась поддерживать равноправие католиков и православных в магистратах, но, возможно, сам институт магдебургии воспринимался значительной частью населения Руси как «латинский» и потому чужеродный. Именно так расценивал его советский историк С.Д. Отамановский. По его мнению, магдебургия ограничивала имущественные и политические права западнорусских мещан, юридическому сознанию которых «всегда были чужды нормы средневеково-католического Магдебургского права» (49).

Характерные различия между магдебургией в Руси и Литве еще ждут своего исследователя, как и вообще различия между литовсим и русским обычным правом. Между тем, четко сформулированные, эти различия позволили бы гораздо надежнее локализовать раздел на Литву и Русь, чем языковые, этнографические и конфессиональные признаки. Пока же стандартная формулировка магдебургских привилегий «то место нашо Менск с права Литовского и Руского и которое коли будет там перьво держано, в право Немецкое, которое зоветься Майтборское, переменяем на вечныи часы» (50) остается не совсем нам понятной: имелось ли ввиду общее «Литовское и Русское» право или речь шла о двух близких, но не тождественных правовых системах?

Как одну из черт, отличающих «немецкое» право в его восточнобеларуском варианте от классической магдебургии, З. Копыский отмечает сохранение в качества лавников магистратов русских сотников и десятников, а также иной конфессиональный календарь, который определял ритм праздников (51). А. Дворниченко (основываясь на материале только «русской» части ВКЛ) анализирует (52) предпосылки введения Магдебургского права и приходит к выводу, что характерной особенностью русских городов была их тесная связь с волостью и что разрушение этой связи, которому сопротивлялась верхушка традиционной земельной аристократии, было одним из признаков исчезновения «старины».

ЕВРЕИ

Имеющаяся литература по истории еврейства ВКЛ и Речи Посполитой обращает мало внимания на региональный раздел ВКЛ и его влияние на расселение евреев, особенно в XIV–XVII веках. Следует обратить внимание на хронологию распространения еврейских общин в ВКЛ: например, в 1563 году они существовали в Бресте, Гродно, Троках, Тыкоцине, Ляховичах, Клецке, Новогрудке, Пинске.

К моменту заключения Люблинской унии в русской части ВКЛ не было ни одной еврейской общины. Например, в Могилеве, традиционно являясь откупщиками трактиров, евреи до конца XVI века не имели постоянного проживания, будучи «прописанными» либо в Тыкоцине, либо в Бресте. Центральная власть долгое время с пониманием относилась к нежеланию местных русинов узаконить проживание евреев в своих городах. В 1585 году по просьбе могилевских мещан Сигизмунд Ваза официально запретил евреям приобретать «оседлости» в городе, и по инвентарю 1604 года в Могилеве был только один еврей-домовладелец. В Витебске первая синагога появилась только в 1627 году.

Возможно, отсутствие постоянного еврейского населения тоже долгое время было особенностью Руси Литовской. Не было ли это отсутствие негласно понимаемой частью «старины»? В каком-то смысле, двухвековой опыт еврейской «черты оседлости» в ВКЛ, ограниченной исторической Литвой (конец XIV — конец XVI вв.), предшествовал аналогичным мерам Российской империи, основанным на том же исходном понимании (глубоко укорененном в культуре), что на Руси евреи не могут иметь постоянного места проживания.

Позже, после массового проникновения евреев на территорию Руси, в XVIII веке был создан и отдельный Беларуский областной еврейский ваад, или «Беларуская синагога», подчиненный Литовскому вааду (55), подобно тому, как католическая Беларуская суфрагания была частью Виленской диоцезии.

ВЫВОДЫ

Подытоживая обзор историографии вынесенного в заголовок вопроса, следует отметить необходимость его дальнейшей разработки с максимальным учетом всех значимых критериев раздела, а также с использованием современных методов обработки статистической информации, которые позволили бы построить математико-демографическую модель раздела ВКЛ на Литву и Русь в ее динамическом развитии.

По имеющимся источникам и исследованиям, «политическая Литва» середины XVI века, будучи неоднородной в этническом и конфессиональном отношении (существенная часть православного русинского населения на юго-востоке), предстает существенно отличной от Руси в следующих правовых аспектах:

- здесь значительно более развито частное землевладение, старые волости в значительной степени разрушены;
- преобладающее большинство частных земельных владений принадлежит привилегированному сословию — шляхте католического вероисповедания и почти полностью литовского этнического происхождения (среди мелких землевладельцев до-

ля католиков более низкая, и она еще ниже среди феодально-зависимого населения, что объясняет различия между этнической и политической границами);

- отличается система повинностей феодально зависимого населения, по крайней мере, после проведения аграрной реформы 1550-х гг. (в Литве это преимущественно барщина, в Руси – традиционная натуральная и денежная дань, позже также чинш, т.е. оброк), и, возможно, обычное право, которое регулировало жизнь крестьянских «грамад»;
- на всей территории «политической Литвы» интенсивно развивается сеть католических приходов, включая периферийные районы с преобладанием православного населения, в то время как в соседней Руси костёлы основываются чрезвычайно редко и только в крупных городах, где имеются экстерриториальные общины католиков;
- преобладание католицизма облегчает рецепцию западноевропейских правовых норм, в первую очередь — Магдебургского права в городах и местечках Литвы, которое в Руси распространяется только в нескольких крупных городах;
- во многих городах Литвы имеются легально оформленные еврейские общины;
- на территории Литвы ни правительство, ни подданные не апеллируют к принципам русской «старины»;
- вся территория Литвы свободна от любых формальных обязанностей по отношению к Орде и Московскому государству.

Эти достаточно резкие отличия Литвы от Руси не ставились под сомнение до начала Ливонской войны, в ходе которой обозначилась острая угроза потери Руси в пользу Московского государства.

Война принудила правительство ВКЛ, а затем Речи Посполитой отказаться от политики сохранения русской «старины» и приступить к активному распространению перечисленных принципов социального устройства на всю территорию ВКЛ, что в целом и было достигнуто до конца XVII века. В этом смысле можно говорить, что все ВКЛ до конца существования государства стало «Литвой» (хотя смысл данного понятия существенное изменился по сравнению с XIII–XVI веками). Основным выражением этого стало поглощение «политическим народам Литвы» православной русинской шляхты, которая не выдвинула никакой альтернативной программы, кроме рефлекторного сохранения «старины».

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Александр Валерьянович Белый (1968 г.р.) — доктор истории (ученая степень присвоена Институтом истории Академии Наук Республики Летува). Автор книг «Хроника Белой Руси» (2000 г.) и «Наша страва» (2009 г.), а также многих статей в научных изданиях Беларуси, Летувы, Польши и других стран.

III. БУРНЫЕ 1920-Е...

ВОЙНА 1920 ГОДА: ОСВОБОЖДЕНИЕ ИЛИ ОККУПАЦИЯ БЕЛАРУСИ?

Кирилл МАЛЬ

ОБЩАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

В 1917 году развалилась Российская империя. Это событие дало беларускому народу шанс на создание своего национального государства. Однако два соседних государства — Россия (РСФСР) и Польша — считали Беларусь частью своей территории. Они провозгласили себя «освободителями» беларуских земель, хотя в действительности стремились оккупировать их и установить здесь свою власть.

Благодаря работам советских историков хорошо известно, как жители Беларуси встретили польских оккупантов. Многое написано о партизанском и подпольном движении на занятых поляками территориях. Но очень мало известно о сопротивлении большевистскому оккупационному режиму, который был гораздо более жестоким, чем польский. Если советские историки и обращали внимание на это антибольшевистское движение, то всегда рисовали его в черных красках, а причины видели в «происках польской шляхты и мирового империализма», или во «влиянии эсеров и кулаков на несознательную часть крестьянства».

На самом деле «крестьянская масса» неплохо ориентировалась в «текущем моменте». Например, вот что сообщил в январе 1919 года в своем докладе «начальству» партийный инструктор Г. Шевкун, побывавший на крестьянском собрании в деревне Боровое, в районе Койданово (ныне Дзержинск):

> «Некоторые крестьяне стали заявлять, что в России все дорого стало от того, что стали вводить коммуну, и что благодаря последней все становятся лентяями и не хотят работать».

Шевкун пытался доказать им, что главные причины голода в России — война, контрреволюция, империалисты, которые ее поддерживают, а также кулаки и спекулянты. Но крестьяне с ним не согласились:

> «По окончании разъяснения вновь посыпались возражения, в коих главным образом указывалось, что мол воевали 4 года и теперь еще приходится воевать, что с Россией другие державы не хотят считаться, потому что в ней нет ответственного лица, которое стояло бы во главе государства, например, президента. А потому надлежало бы созвать Учредительное Собрание».

Оказалось, что крестьян не видят нужды не только в коммуне, но и в советской власти:

По статьям в журнале «Беларускі гістарычны агляд»: том 4, сшытак 1–2 (1997), с. 61–70; том 6, сшытак 1–2 (1999), с. 49–71.

«Незадолго до закрытия собрания я предложил крестьянам принять резолюцию о поддержании советской власти всеми силами и материальными средствами. Резолюция была выслушана с недоверием, поднялись споры, посыпались протесты, в результате коих резолюция принята не была из боязни, что если, мол, примут, то тогда погонят всех их на войну и заберут весь хлеб, скот и проч. имущество. Я объяснил, что значит резолюция и т.д., но несмотря ни на что крестьяне упорно отстаивали свои позиции и резолюцию не приняли. Мало того, когда я спросил, желают ли они вообще советскую власть и дать ответ на это поднятием рук, никто не поднял руки».

Конечно, не все беларуские крестьяне были настолько политически грамотными, как жители деревни Боровое, но все же этот пример весьма показателен. Тем более, что ни о каком «кулацком влиянии» в данном случае не могло быть и речи. Шевкун писал:

«Одновременно с этим должен отметить, что д. Боровое сравнительно небогата. Кулаков почти нет. Почти все крестьяне владеют незначительными участками земли, в размере от одной до пяти десятин» (1).

***

Весной 1920 года гражданская война в европейской части России в основном завершилась. Войска барона Врангеля, заблокированные в Крыму, не представляли серьезной угрозы большевистскому режиму. Относительная стабилизация внутреннего положения позволила большевикам вернуться к проекту классовой войны против империализма, впервые возникшему в связи с немецкой революцией в конце 1918 — начале 1919 года. Польша, которая, по словам Сталина, была «контрреволюционным барьером между революционным Западом и социалистической Россией», стала врагом номер один для РСФСР. Именно через ее «труп» должна была пройти Красная Армия, чтобы принести на своих штыках «мир» и «счастье» народам Европы (слова из приказа командующего Западным фронтом М.Н. Тухачевского).

Являлось ли стремление «осчастливить» Европу искренним, или же за ним, как за ширмой, скрывались другие, более прагматические планы? Ответ на этот вопрос можно найти в работе В.И. Ленина, где он касался событий Французской революции XVIII века. Вождь российских большевиков писал, что «из национальных французских войн получились империалистические, породившие в свою очередь национально-освободительные войны против Наполеона» (2).

Примерно такую же эволюцию можно увидеть во внешней политике советской России. Стремясь распространить «власть советов» на всю Европу, большевики объективно создавали основы для тоталитарной имперской системы. Реально, «война за независимость России, за её союз с социалистической Польшей и с пролетариями Европы и всего мира» (3) стала началом имперской экспансии России на Запад, так же, как когда-то началом имперской экспансии Франции стал поход в Италию тогда еще революционного генерала Наполеона Бонапарта.

Однако международная ситуация была не столь благоприятной для большевиков, как для французских революционеров, которым противостояли одряхлевшие европейские монархии. Идея мировой социалистической революции не вызывала восторга среди пролетариев Запада. А полководцев, столь гениальных как Бонопарт, у большевиков не было. В результате Россия потерпела поражение в первой же серьезной битве «за Европу».

События войны между Россией и Польшей в 1919–1920 годах, как утверждал польский писатель и публицист Збигнев Залуский, «...создали новую реальность бытия России, Беларуси и Украины, а в определенной степени и Польши» (4). Не случайно эта война всегда вызывала интерес историков*. Однако советская историография всегда изображала ее как «борьбу за освобождение беларуского и украинского народов от польской оккупации». Действительно ли это было так?

В грандиозных планах ЦК РКП(б) и созданной им международной подрывной организации Коминтерн «освобождение» Беларуси не являлось ни главной целью, ни второстепенной. Советская Беларусь, провозглашенная большевиками в январе 1919 года, а потом как бы забытая в связи с отступлением под натиском поляков, и вторично созданная в июле 1920 года, автоматически входила в будущую социалистическую Европу. А пока эта новая Европа еще не возникла, большевики планировали использовать Беларусь в своих стратегических интересах.

Прежде всего, военно-политическое руководство РСФСР рассматривало Беларусь как плацдарм для операций против Польши. По планам большевиков, беларуские земли должны были стать главным театром военных действий, ибо ее местность и дороги более способствовали наступлению на Варшаву, чем в Украине (5).

Правда, поначалу у них вызывала некоторое беспокойство позиция Литвы, которая могла угрожать правому флангу наступающих войск. Но большевики решили эту проблему, купив нейтралитет Литовской республики частью беларуских земель. По условиям мирного договора, подписанного между РСФСР и Литвой в июле 1920 года, к последней должна была отойти почти вся северно-западная часть нынешней Беларуси, включая Сморгонь, Ошмяны, Лиду и Гродно. Более того, большевики обязались заплатить Литве 3 миллиона рублей золотом (6).

Впрочем, беларуских крестьян (80% населения) вопросы «высокой политики» не интересовали. А в буржуазной Литве никто не мешал крестьянам заниматься хозяйством и торговлей. Недоверие и враждебность нашего крестьянства к большевикам было вызвано в первую очередь действиями последних. Можно указать три наиболее характерные особенности «власти советов», ставшие причинами враждебного настроения к ней весьма значительной части беларусов — это массовый террор, ограбление сельского населения и принудительная мобилизация в армию.

КРАСНЫЙ ТЕРРОР

«Красный террор» большевики развязали в советской Беларуси с первых дней ее существования. Но своего апогея он достиг в марионеточном псевдогосударстве — Литовско-Белорусской ССР (Лит-Бел), созданной в марте 1919 года.

Формы и методы террора были разные, начиная с принудительных работ и заключения в концентрационные лагеря до смертной казни. Чрезвычайная комиссия Лит-Бел (ЧК), орган внесудебной расправы, жестоко карала как виновных в «контрреволюционной деятельности», так и безвинных. Это были вынуждены признать даже сами большевики, причем занимавшие высокие посты в правительстве Лит-Бел.

* Принято называть ее «советско-польской», но Советского Союза тогда еще не было. Война шла именно между «красной» Россией и «белой» Польшей, но на территории формально независимых Беларуской и Украинской республик. — *Прим. ред.*

Ясное представление о сущности «красного террора» дает письмо председателя ЦК компартии Лит-Бел Викентия Мицкевича (Капсускаса) и председателя ЦИК Казимира Циховского, направленное ими в августе 1919 года председателю ВЧК РСФСР Ф.Э. Дзержинскому:

Председателю ВЧК

Тов. Дзержинскому

...Для иллюстрации бесконтрольного поведения ЧК Литбел считаем нужным привести ряд фактов, о которых известно широким кругам партийных товарищей Литбел.

Еще раньше мы сообщали о расстреле в Минске без уведомления организации двух польских коммунистов: т. Квека и т. Занко, относительно виновности которых нам ничего не могли сказать представители ЧК Литбел. С их делом до сих пор нам не дали возможности познакомиться, несмотря на наше неоднократное обращение.

Расстрел этих двух коммунистов — это только наглядный пример того, как работала наша ЧК и как выполнялись там смертные приговоры. Относительно последнего у нас имеются некоторые сведения. Случайно член ЦК Мицкевич был один раз на заседании «Тройки» (т. Тарашкевич и два тт. из Особого Отдела Запфронта), где выносились смертные приговоры. При этом совершенно не рассматривались дела приговариваемых, не было их дел даже на столе, а по памяти выносились приговоры. Были случаи, когда никто из присутствующих не знал, в чем обвиняется такой-то. Тогда спрашивали об этом одного или другого сотрудника и заносили фамилию арестованного в список подлежащих расстрелу. Мицкевич сначала думал, что это какое-нибудь предварительное совещание, но потом выяснилось, что это было официальное заседание «Тройки». Было ли и больше таких заседаний, нам не известно.

Однако со слов сотрудников ЧК известно, что иногда члены «Тройки» и представители Особого Отдела прямо-таки заходили в камеру, опрашивали арестованных, в чем они обвиняются, и тут же отводили одних направо, других налево. Одна из этих партий немедленно отводилась на расстрел. Некоторые спасались тем, что скрывались за дверью. Между прочим, это имело место в Минской ЧК в ночь с 28 на 29 июля /1919 г./. Подлежащие расстрелу иногда тут же в камере разувались и раздевались. Потом служащие ЧК в присутствии арестованных шумно делили между собой их имущество.

Был случай, когда отправляемого на расстрел шофера случайно опознали сотрудники Особого Отдела, засвидетельствовали его непричастность к контрреволюции, и он был освобожден и, кажется, стал работать в Особом Отделе. (Подробные сведения у тов. Дронгошевского из Особого Отдела ЧК).

Сколько было таких расстрелов, где какая-нибудь случайность не могла спасти жизни ни в чем не виновных, трудно сказать, но, судя по приемам «Тройки» и по расстрелу упомянутых коммунистов, можно утверждать, что это были не единственные случаи.

Приговоренные к расстрелу иногда могли выкупаться. Это делалось официальным путем. Назначалась определенная сумма — в 40 или сколько там тысяч. В случае взноса — освобождался, в случае невзноса — расстреливался. Так был расстрелян некий Футер, за которого был назначен выкуп в 40 или 60 тысяч, но эта сумма своевременно не была внесена.

В Минске упорно циркулировали слухи, что на почве выкупа образовалась «спекуляция». Рабочие возмущались, что таким образом спекулянты могут освобождаться, а бедные подлежат расстрелу.

Заложники брались направо и налево без всякого толка. Среди них есть много дряхлых старух и молодых девушек, никакой цены как заложники не представляющих. Часто арестованные, к которым нельзя применить никаких обвинений, без всякого разбо-

ра зачисляются в число заложников. Их больше сотни находится в Смоленской тюрьме. Проконтролировать заложников ЧК Литбел нам не дала возможности.

При обысках отнимались без разбора ценные вещи, платье, одежда, продукты, деньги без установления определенных норм. Все это не сдавалось согласно состоявшемуся решению в продком и народный банк, а хранилось в ЧК, причем имущество хранилось в беспорядочном состоянии.

При эвакуации ЧК больше, чем другие учреждения, поддавалась панике. В Минске еще в первых числах июля она погрузилась и лишь усилиями Совета Обороны Литбел была часть ее снята с колес и опять водворена на свое место.

/Обратите внимание на указываемую дату попытки бегства чекистов: «первые числа июля». Авангард конницы Пилсудского появился в окрестностях города 5 августа, а Минск был оккупирован лишь 8 августа 1919 г. — *Прим. ред.*/

В Бобруйске случилось то же самое. Когда был дан приказ о том, чтобы учреждения в течение 24 часов эвакуировали свое ценное имущество и дела, ЧК поспешила вся бежать из города на вокзал. При этом отдельные сотрудники ЧК выскакивали на улицу с револьверами в руках и насильно, без всякого разбора, забирали для себя лошадей и подводы (таким образом была задержана лошадь, на которой ехал и. об. Минского Губвоенкома Совобороны Бобруйского узла т. Муклович). Несмотря на категорическое запрещение Центра и на неоднократный протест местных органов, заведующих эвакуацией, ЧК все-таки вывозила мебель, кровати и проч. Председатель ЧК т. Тарашкевич вместе с представителями Особого Отдела Запфронта и большинством сотрудников сейчас же уехал, меньшинство осталось на колесах и этим создало паническое настроение и среди некоторых других учреждений. Это сделало ЧК, несмотря на то, что ЦК Литбел, Президиум Губревкома, Совет Обороны Бобруйского узла и другие советские органы остались в городе и продолжали работать.

Очевидно, в паническом состоянии перед своим бегством председатель ЧК Литбел вместе с представителем Особого Отдела Запфронта Антоновым, как утверждали некоторые сотрудники ЧК, в пьяном виде произвели безобразную экзекуцию над приговоренными к расстрелу. Прежде чем расстрелять их, они издевались над ними настолько, что некоторые сотрудники по этому поводу даже выразили протест перед ЦК Литбел. Когда ничего не удалось выпытать, семь человек были расстреляны; в живых оставлен только Глуховский, мать и отец которого на его глазах были расстреляны. Трупы расстрелянных были оставлены на дворе ЧК, в подвале, не зарытыми в землю. Вся ЧК уехала на вокзал. Если бы на следующий день пришли легионеры, они нашли бы эти обезображенные трупы. Так как среди расстрелянных были видные члены польской организации, польские контрреволюционеры использовали бы превосходно эти трупы в своих целях и на всю Европу кричали бы о «новом зверстве» как доказательстве морального растления большевиков.

/А разве не так? Так поступают бандиты и садисты, отнюдь не люди «с холодной головой и чистыми руками». — *Прим. ред.*/

Учитывая это, ЦК Литбел поручил Мицкевичу добиться, чтобы трупы были похоронены. Об этом Мицкевич говорил с т. Эйдукевичем, временным заместителем Тарашкевича, и в следующую ночь трупы были вывезены за город и зарыты.

По пути в Смоленск 10 человек арестованных бежало. В ответ на это было расстреляно на различных вокзалах на глазах публики 7 человек. Расстреливались без разбора. В числе расстрелянных имеется агроном Жаба, о котором ЦК Литбел слышал очень хорошие отзывы. Расстрелы эти вызывали большое возмущение видевших это наших товарищей.

Потом Тарашкевич с удовлетворением заявил, что им расстреляно у нас 167 человек. Это должно служить доказательством того, что таким образом искоренена в Белоруссии

контрреволюция. На самом деле бессистемными расстрелами направо и налево при той обстановке, какую мы видели, было лишь усилено враждебное отношение населения к советской власти, и не только среди буржуазии, но и среди рабочих. До глубины души были возмущены поведением ЧК даже многие партийные товарищи.

Нам стоило немалых усилий, чтобы успокоить Минский Рабочий Полк, который готов был разнести ЧК.

...Копию доклада направляем в ЦК РКП с просьбою рассмотреть затронутые вопросы.

По поручению ЦК КП Литвы и Белоруссии
В. Мицкевич-Капсукас, К. Циховский
Москва 21.VIII.1919» (7).

ОГРАБЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

Другим значительным фактором, влиявшим на отношение беларусов к большевикам, была политика продразвёрстки, с помощью которой они стремились обеспечить продовольствием свои войска. Крестьяне, чье хозяйство сильно пострадало во время мировой войны, не могли понять, отчего они должны отдать последнее и умереть от голода. О том, что на деле так и было, свидетельствуют многочисленные документы, в том числе опубликованные в советский период. Например, описывая положение в Серокаротнянской волости представитель Витебского ревкома в феврале 1920 года говорил в докладе:

«Экономическое положение волости самое критическое. О каких либо излишках хлеба не может быть и речи, а у многих граждан уже нет хлеба на ежедневное пропитание, в чем удостоверился присланный агент упродкома» (8).

Помимо продразвёрстки — то есть, принудительного безвозмездного изъятия якобы «излишков продовольствия» уполномоченными на то лицами, получили широкое распространение самочинные реквизиции воинских частей. Разумеется, это вызывало возмущение крестьян. Так, командир дивизии В.К. Путна отметил в своих мемуарах:

«Ярко ощущавшиеся в Минском районе симпатии населения к красным, в районах ближе к Бугу начинали тускнеть. Немало этому способствовало и то обстоятельство, что мы, оторванные от баз, не имея подвоза для армии по железным дорогам, использовали несметное количество крестьянских подвод. Крестьянин считал, что проповедуемое нами освобождение от ига помещиков — дело хорошее, но все это — пока вещь гадательная, а вот что он вынужден неделями мотаться с подводами, когда хлеба переспевают в поле, это плохо, это вещь более ощутительная и реальная» (9).

Однако дело не только в недовольстве крестьян необходимостью «мотаться с конями и подводами». Симпатии к советской власти, о которых писал Путна, успели «потускнеть» значительно раньше, чем его дивизия появилась в Беларуси. Проходя через беларуские земли, красные части отбирали у крестьян последнее продовольствие, которое они уберегли от продотрядов. Уже в 1919 — начале 1920 года представители советской власти констатировали:

Взаимоотношения между частями войск, населением и волревкомами в некоторых местах враждебные ввиду бестактных реквизиций, требований подвод для личных поездок, вымогательства непосильных угощений, грубых обращений красноармейцев» (10).

Своего апогея ограбление крестьянства достигло во время наступления Западного фронта в летом 1920 года. Большевики рассматривали и без того сильно пострадавшие беларуские земли в качестве базы для обеспечения своих войск не только продовольствием и фуражом, но и гужевым транспортом. Военные «мобилизовали» свыше 48 тысяч лошадей с телегами*. Командующий 4-й армией Е.С. Сергеев писал позже о тыловых службах:

> «Любые их переброски не особенно стесняли войска, возложившие все свои упования почти исключительно на местные средства» (11).

Сбором продуктов для Красной Армии занимались специальные органы — опродкомы. Обычно они требовали от той или иной волости выполнения определенных норм по поставке хлеба, реквизируемого для армии. Сроки их выполнения были весьма жесткие, а если деревня или волость запаздывали, то опродкомы реквизировали все:

> «100 % без учёта каких-либо остатков по нормам; в случае же сознательного скрытия излишков наряду с продуктами конфискуется весь скот и лошади» (12).

Но и в том случае, если местные жители выполняли нормы опродкомов в указанный им срок, или по разверстке, они все равно не были застрахованы от повторного посещения реквизиционных отрядов. Опродкомы могли провести реквизиции даже в тех деревнях, где уже проводилась продразверстка. Деятельность опродкомов быстро вышла из-под всякого контроля. Организованное ограбление стало неорганизованным и достигло таких размеров, что командование красных было вынужденно констатировать в специальном приказе:

> «Красноармейцы, прикомандированные к опродкомам и агентам последних, чинят над населением безобразные насилия и забывают дисциплину, обязательную для каждого солдата Красной Армии» (13).

Активно грабили местное население и обычные армейские части. В свое время об этом писали даже командиры Красной Армии, правда, они называли грабеж более мягко — «самоснабжением». Особенно отличались в этом отношении красные конники:

> «Они вели войну несколько по заветам средних веков, чередуя лихие удары по противнику с излишне внимательным отношением к пожиткам местного населения» (14).

Новоиспеченные советские хозяйства (совхозы) тоже не избежали разгрома, как, например, в Лепельском уезде Витебской губернии (15). Но больше всего не повезло бывшим поместьям. Сергеев писал:

> «Трудная задача предстояла агитаторам, убедить батрацкие группы принять в свои руки помещичьи хозяйства, от которых часто оставались одни головешки и рога убитого на мясо «животного инвентаря». (16)

Кто-то может сказать, что «самоснабжение» войск — явление вполне обычное для случаев, когда централизованное обеспечение продуктами недостаточно, или вообще отсутствует. Но красные занимались грабежом вовсе не по причине тяжелого по-

* По данным А.П. Грицкевича, 4-я армия мобилизовала у населения свыше 8 тысяч подвод, 15-я и 3-я армии — около 15 тысяч каждая, 16-я армия — более 10 тысяч. В основном, это были одноконные телеги, способные везти не более 300–400 кг. Они часто ломались, загнанные лошади падали. Приходилось снова «мобилизовать» лошадей и повозки в ближайших к дорогам деревнях, что вызывало негодование крестьян. — *Прим. ред.*

ложения с питанием. Опродкомы хорошо делали свое дело и поставляли войскам даже больше, чем того требовалось. По данным штаба Красной Армии, во время летних операций 1920 года 707.700 человек личного состава войск Западного фронта были обеспечены: мясом и рыбой — на 137,8 %; мукой — на 111,07 %; крупами — на 96,3 %; фуражным зерном — на 80,6 %; жирами — на 61 % (17).

Так что дело в другом. Бандитские обычаи гражданской войны настолько глубоко укоренились в Красной Армии, что были автоматически перенесены и на советско-польский фронт. Командование большевиков, состоявшее в основном из профессионалов бывшей царской армии, хорошо понимало, что в грабежах армия разлагается, и пыталось если не прекратить, то хотя бы ограничить насильственные реквизиции. Но такие меры почти не имели успеха. Специальная телеграмма командармам 15-й и 16-и армий констатировала:

> «Несмотря на приказ армиям Западного фронта от 17 марта № 77, всё ещё продолжают поступать сведения о вмешательстве войск и войсковых начальников в работу местных продорганов, а также самочинных реквизициях и незаконных насильственных приёмах самоснабжения помимо продорганов за счёт ресурсов местного населения» (18).

В результате беларуские деревни были настолько опустошены, что во время отступления своих войск после поражения под Варшавой большевики уже не смогли получить от них никаких продуктов. Как сообщил в Москву Тухачевский, «ввиду бедности населения заготовок вести нельзя» (19).

Как видим, для беларуских крестьян поход Красной Армии стал не освобождением от польской оккупации, а нашествием бандитов.

«НАЛОГ КРОВЬЮ»

Третьим негативным фактором во взаимоотношениях беларуского населения с большевикамив был «налог кровью», который последние заставляли платить жителей нашей страны.

После заключения военно-политического союза РСФСР, УССР и Лит-Бел в марте 1919 года с целью получения материальных и человеческих ресурсов от формально независимых советских республик, большевики неоднократно проводили мобилизацию беларусов на военную службу.

Эти мобилизации проходили в разных районах в разное время. В армию призывали мужчин из числа крестьян и рабочих. Но даже классовый подход не давал большевикам нужных им результатов, а некоторые из призывов оказались вообще безуспешными. Например, 25 апреля 1919 года был издан декрет «О призыве среднего и беднейшего крестьянства к борьбе с контрреволюцией», по которому в каждой волости мобилизовались от 10 до 20 человек. Однако организаторы мобилизации столкнулись с непреодолимыми трудностями, о чем свидетельствует, например, отчет Климовичского уездного комитета РКП(б) за июнь 1919 года:

> «Что касается мобилизации 20 человек от волости, то такая проходит туго. Наметить кандидатов сходом не представляется возможным, назначать исполкомом также затруднительно. Население на сходах высказывается за добровольную запись. Заметных результатов мобилизации 20, таким образом, не имеется» (20).

Возможно, что крестьяне в 1919 году отнеслись бы к мобилизации с большим энтузиазмом, если бы их направляли против поляков. Вместо этого большевистские власти формировали части Западного фронта из русских, латышей, литовцев, эстонцев и даже китайцев, а беларусов посылали воевать с Деникиным и Колчаком. Так, из 200 тысяч мобилизованных летом 1919 года жителей Беларуси только 40 тысяч (20 %) попали на Западный фронт (21).

Естественной реакцией беларуских крестьян и рабочих, которых принуждали ехать за тысячи километров от места жительства и умирать там неизвестно за что, явилось уклонение от призыва и дезертирство. И первое, и второе были широко распространены и, по сути, стали одной из форм борьбы жителей Беларуси против большевиков.

Красноармейцы на станции в Гомеле (1919 г.)

Уже в 1919 году бегство из войск и с мобилизационных пунктов приобрели значительные размеры. Борьбой с дезертирством занимались как военные, так и гражданские власти. При каждом ревкоме (волостном, уездном или губернском) существовали специальные комиссии по борьбе с дезертирством.

Однако ни местные жители призывного возраста, ни дезертиры, прятавшиеся по деревням, не спешили идти на фронт воевать за дело, которое они не поддерживали. Поэтому командование Западного фронта пошло на жестокие меры. В местах, где происходил набор пополнения, с 15 мая до 1 июня 1920 года проводилась специальная кампания по борьбе с дезертирством, которая по существу явилась одним из множества актов большевистского террора и грабежа населения. Специальные временные чрезвычайные комиссии, с помощью особых вооруженных отрядов (по 300 штыков и 50 сабель в каждом) устроили настоящую охоту, охватившую Смоленскую, Гомельскую и частично Витебскую губернии. Волость, где происходила операция, объявлялась на военном положении, и вооруженные группы проводили облавы. Тех, кто отказывался идти на фронт, безжалостно расстреливали, а их семьи бросали в концлагеря (22).

Других заставляли идти в армию угрозой конфискации имущества, что обрекало семью на голодную смерть. Имущество отбирали и у тех, кто прятал дезертиров. Так, в Гомеле по приказу Л.Д. Троцкого в семьях так называемых «укрывателей» отбирали лошадей, домашнюю скотину и личное имущество — даже «независимо от предания трибуналу» (23).

Наиболее эффективными (согласно резолюции 2-й конференции ревкомов прифронтовой полосы и представителей дивизий XVI-й армии Западного фронта 26–27 апреля 1920 г.) считались «применение репрессивных мер путем полной и частичной конфискации как у самого дезертира, так и у его укрывателей и предания последних суду».

Но, несмотря на всю свою жестокость, большевики не смогли справиться с дезертирством до самого конца войны. В 1920 году, когда пополнение из Беларуси направлялось уже против поляков, мобилизованные все равно убегали с мобилизационных пунктов либо из воинских частей. В связи с этим 1 сентября 1920 года Комиссариат по военным делам ССРБ издал специальный приказ:

> «Из имеющегося в Следственно-Судебной части материала видно, что некоторые Уездвоенкомы ставят в известность мобилизованных, часто не сознавая о недопустимости такого явления, места назначения того или иного наряда, последствием чего мобилизованные, не желая следовать в то или иное место назначения, дезертируют» (24).

Дезертирство достигла огромных масштабов. Еще в мае 1920 года Троцкий писал: «Борьба с дезертирством в Западном округе является сейчас вопросом жизни и смерти для Запфронта» (25). Тем не менее, победить в этой борьбе большевики не смогли, потому вопрос «жизни и смерти» решился не на пользу Западного фронта. Именно дезертирство сыграло значительную роль в результатах Варшавской битвы, ибо в решающий момент у большевиков не хватило сил.

Во время отступления большевиков на восток они снова пытались восполнить потери своих разбитых войск за счет беларусов. Ленин писал 12 августа 1920 году в письме к Эфраиму Склянскому, заместителю председателя Реввоенсовета РСФСР:

> «Не надо ли указать Смилге, что надо поголовно (после сбора хлеба) брать в войско всех взрослых мужчин? Надо. Раз Будённый на юг, надо усилить север» (26).

Ленин имел в виду призыв в армию всех взрослых мужчин именно в Беларуси. Чтобы не оставалось никаких сомнений, приведем текст еще одного письма, написанного 19 августа типично «ленинским» стилем:

> «Необходимо налечь изо всех сил, чтобы белорусские рабочие и крестьяне, хотя бы в лаптях и купальных костюмах, но с немедленной и революционной быстротой дали вам пополнение в тройном и четверном количестве» (27).

Однако «белорусские рабочие и крестьяне», не только «в лаптях и купальных костюмах», но даже в мундирах и сапогах, не стремились воевать за советскую власть. Саботаж призывов и дезертирство были значительны и во время побед Красной Армии, а когда разбитые под Варшавой большевистские войска отступали на восток, то они приобрели катастрофические масштабы. Советские военные и гражданские власти делали все возможное, начиная с запрета призывникам уезжать в другие районы и кончая расстрелами беглецов, но так и не смогли исправить положение.

В ноябре 1920 года военные власти ССРБ вообще были вынуждены пойти на отчаянный шаг, объявив «неделю явки с повинной» и обещав прощение всем, кто явится добровольно до 25 ноября, но особого успеха эта мера не принесла (28).

Впрочем, те беларусы, что остались в армии, сражались с поляками весьма неохотно. Вообще, дух войск Западного фронта в той войне был далеко не лучшим, поэтому командование «подбадривало» своих солдат так называемыми заградотрядами. Перед началом первого наступления главком С. Каменев передал Тухачевскому пять таких формирований, состоявших из «воинов-интернационалистов», т.е. из иностранных наемников (29).

Однако и заградотряды не прибавили красноармейцам решительности. Почти все польские командиры отмечали неуверенность, топтание на места крупных частей

Красной Армии, особенно в начальные периоды первого и второго наступлений. Например, весь день 4 июля 1920 года 4-ю армию красных сдерживал один 33-й польский полк с десятью полевыми пушками! (30) И в дальнейшем, пока сопротивление поляков не было сломлено и их отступление не приобрело характера бегства, красные войска действовали чрезвычайно нерешительно. Командарм Е. Сергеев в одном из приказов писал:

> «Требую прекратить постоянное опасение за фланги и учитывать моральное состояние противника; совершенно недопустимо, чтобы отдельные роты расстроенного противника, случайно не успевшие удрать, принимались бы за свежие полки, под угрозой удара которых задерживалось бы продвижение целых дивизий» (31).

Его войска за время гражданской войны приобрели достаточный боевой опыт. Причина их «неуверенности» — недостаток боевого духа, что в свою очередь вызывалось непониманием целей этой войны. Ни призывы ЦК РКП(б), ни вдохновенное обращение Тухачевского не затронули души красных солдат.

АКТИВНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

Известны и другие формы сопротивления местных жителей большевикам, более активные, чем дезертирство и саботаж призыва в армию. К их числу принадлежали поджоги военных складов, повреждение железнодорожных путей и телеграфных линий. Так, 2 мая 1920 года Троцкий писал:

> «На железных дорогах вспыхивают уже пожары. В отдельных пунктах (запасная армия) констатированы поджоги... Среди железнодорожников много до последней степени ожесточенного элемента» (32).

Разъяренные большевики пошли на жестокие меры. В разное время и в разных местах они делали местное население ответственным за состояние железнодорожных путей, а также телеграфных линий. Так, согласно приказу армиям Западного фронта, все местные жители, проживавшие в пределах 15 верст от железной дороги, несли ответственность за ее состояние (33).

Ответственность населения за повреждение коммуникаций большевики сохранили и после войны, во время борьбы с так называемым бандитизмом. Например, в приказе № 2 Бобруйской политической комиссии по борьбе с бандитизмом говорилось: «...за порчу или недосмотр лица, на участке коих это произойдет, будут привлекаться к строжайшей ответственности (вплоть до расстрела)» (34).

Но ни угрозы, ни даже террор не могли остановить сопротивление беларусов большевистской оккупации. Оно приобретало все более активные формы, и быстро достигло своей высшей ступени — вооруженной борьбы. Во времена советско-польской войны для этой борьбы имелись несколько возможностей.

ВООРУЖЕННАЯ БОРЬБА ПРОТИВ БОЛЬШЕВИКОВ

Первой из них было вступление в польские части — на добровольной основе, ибо в отличие от большевиков поляки не мобилизовали беларусов в свою армию.

В 1919 году была сформирована 1-я Беларуско-Литовская дивизия (ЛБД), практически полностью — из уроженцев Беларуси. К лету 1920 года удалось сформировать и 2-ю ЛБД. Обе они действовали на польском Северном фронте. Во время бит-

вы под Варшавой в августе 1920 года 1-я ЛБД была последним резервом защитников города. Командование ввело ее в бой под Радзимином, а когда началось контрнаступление польских войск, Пилсудский направил ее в авангард, чтобы она могла принять участие в освобождении своей Отчизны (35).

Уроженцы Беларуси составили также значительную часть Беларуского отряда знаменитого Станислава Булак-Балаховича, воевавшего на стороне поляков. Этот отряд 26 сентября 1920 года прорвался через линию фронта у Невельской переправы, подорвал железнодорожный мост возле станции Молодковичи, а потом захватил Пинск. Линия обороны 4-й армии красных оказалась разрезанной на две половины, ее войскам пришлось отступить далеко на восток. Этот дерзкий налет встревожил даже Ленина. В своей телеграмме он потребовал:

> «Запросить условия потери Пинска. Была ли опасность известна раньше?» (36).

Но основу вооруженной борьбы населения против большевиков составляло не участие его представителей в регулярных формированиях польской армии, а восстания в тылу Красной Армии и партизанское движение.

Хорошо известны такие крупные выступления, как восстания в Старокопытове и Велиже. В Речице 25–26 марта 1919 года восстала караульная рота, быстро захватившая власть в городе. Всех местных большевиков избили и посадили в тюрьму, их квартиры разгромили. Повстанцы разгромили также ревком, чрезвычком и отдел юстиции (37).

В том же марте 1919 года произошли восстания в Слуцке и Борисове, где тоже громили советские учреждения. Восстания происходили и позже как в 1919, так и в 1920 годах. Не было месяца, чтобы в какой-нибудь деревне, волости или даже городе не происходило вооруженного выступления.

Например, в марте 1920 года в Быховском уезде произошла серия восстаний. Крестьяне деревень Кулежи, Уречье, Заполянная, Приволь, Лебедевка, Рябиновка разгромили советские учреждения, уничтожили документы, произвели обыски в квартирах советских сотрудников. 10 марта повстанцы напали на Пропойск (ныне Славгород), разоружили там отдел по борьбе с дезертирством, захватили телеграф (38).

ПРИКАЗ

Армиям Западного Фронта

№ 1795.

Гор. МИНСК, 12-го АВГУСТА 1920 года.

Защитница прав всемирного пролетариата - доблестная Красная Армия мощным ударом завершила дело освобождения из-под ига белогвардейской Польши территории Белоруссии. Восставший пролетариат Белоруссии, в лице верных своих представителей: ц. к. к. п. Литвы и Белоруссии, Белорусской коммунистической организации, всеобщего еврейского союза рабочих «Бунд» и центрального бюро профессиональных союзов, в полном согласии с командованием Красной Армии—рев. воен. сов. Зап. фронта,—31 июля сего года превозгласил территорию Белоруссии «Социалистичеекой Советской Республикой Белоруссии».

Посему революционный военный совет Западного фронта постановил:

§ 1.

Во изменение приказа армиям Западного фронта за № 1548 от 9 июля сего года считать образованным «Социалистическую Советскую Республику Белоруссии», возглавляемую «Временным военным революционным комитетом С. С. Р. Б.

§ 2.

В состав временного военно-революционного комитета С. С. Р. Б. считать вошедшими: тов. Червякова А. Г. – председателем военревкома и тов Кнорина В., Адамовича, Вайнштейна и Игнатовского – членами военревкома.

Командующий армиями фронта *М. Тухачевский.*

Член реввоенсовета фронта *И. Смилга.*

Начальник штаба, Генерального штаба *Шварц.*

Начальник отдела ревкомов фронта *Ф. Тартаковская.*

Приказ Тухачевского войскам Запфронта

Большевики объявляли эти восстания «кулацкими». Между тем против них выступали как зажиточные, так и бедные крестьяне. Например, реагируя на доклад о восстании в Белоручской волости, нарком внутренних дел Лит-Бел писал:

> «Делая доклад о «кулацком» восстании в Белоручской волости, член Исполкома указывает на таких кулаков как сапожник и т.д., что заставляет нас думать о том, что Минскому Уисполкому совершенно непонятны определения слова «кулак» и им подводятся под эту рубрику не только рядовые крестьяне, но и рабочие. Неумелое, нетактичное поведение самого Исполкома зачастую и бывает виновником восстания, которое потом называют кулацким, но которые имеют под собой совершенно иную почву» (39).

Восстания вызывали, разумеется, не столько «нетактичное поведение» руководителей разного уровня, сколько политика «военного коммунизма». Доведенные до отчаяния продразвёрсткой и грабежами красноармейцев крестьяне, у которых отбирали последние запасы зерна, лошадей и домашний скот поднимались с вилами и топорами против пулеметов ЧОНов и продотрядов на неравную борьбу.

В результате массового сопротивления в тылу красных сложилась напряженная обстановка. Еще 19 марта 1919 года на заседании Минского губревкома констатировалось:

> «Внешний фронт для нас не страшен. Необходимо более обращать внимание на внутренний фронт и все меры принимать на борьбу с контрреволюцией, на борьбу с открытием заговора внутри» (40).

Более того, в 1920 году большевики столкнулись с новыми проблемами. Официально было объявлено, что рабоче-крестьянская Красная армия освобождает рабочих Беларуси от ига буржуазной Польши. Однако местные жители не спешили встречать «освободителей» цветами. В лучшем случае они относились к советской власти безразлично. Например, в приказе, который 14 ноября 1920 года издал военный комиссар ССРБ Адамович, сказано:

> «Даже рабочие и беднейшее крестьянство в некоторых местностях остались пассивными к советской власти. Запись добровольцев происходила крайне вяло» (41).

Дело, конечно, не ограничивалось «пассивностью к советской власти». Чем дальше на Запад двигались красные части, тем более враждебным было настроение населения, тем чаще встречались они со скрытым, а иногда и открытым сопротивлением. В тылу Западного фронта нередкими были диверсии, поджоги военных объектов, нападения на мелкие подразделения. В этой связи по гарнизону Минска 22 июля 1920 года был издан специальный приказ:

> «...Польская шляхта, бежавшая из Минска после разгрома их белогвардейских банд, оставила в пределах Минской губернии и города шпионов и поджигателей для уничтожения особо важных складов и государственных учреждений, доказательством чего служит поджог лесопильного завода по Борисовскому тракту 18-го июля и ряд других пожаров за время нахождения советской власти в г. Минске» (42).

Понятно, что диверсии и поджоги были не только и не столько заслугой шпионов и диверсантов, которых якобы оставила на советской территории пресловутая «польская шляхта». Беларуское население, особенно крестьяне, которые раньше пострадали от польской оккупации, а теперь опять столкнулись с реквизициями и откровенным грабежом, имели достаточно оснований, чтобы выступить против «освободителей». Познакомившись с большевиками поближе, они быстро поняли, что

советский режим не только не лучше, но гораздо хуже польского. Население даже тех мест, которые не были затронуты войной в 1919 году, быстро поняло суть «освобождения», которое несли на своих штыках войска большевиков.

Характерен пример Белостока. Сначала жители этого города и его округа относились к большевикам вполне лояльно, особенно беднейшая часть населения, которой лозунги об избавлении от «панов и капиталистов» казались привлекательными. Однако большевики сразу ввели здесь свои порядки, которые не могли понравиться даже «классово близким» социальным элементам. Например, вот что гласил § 4 Приказа № 101 от 9 августа 1920 года по Белостоку и его округу:

> «Местному населению разрешается иметь запас продовольствия в количестве не более месячной потребности по следующей норме: муки на едока — 25 фунтов /10,25 кг/, мяса — 7,5 фунта /3,1 кг/, картофель — 3 пуда /48 кг/, сахару — 2 фунта /0,82 кг/, соли — 3 фунта /1,23 кг/, рыбы или консервов — 7,5 фунта /3,1 кг/, жиров — 3 фунта /1,23 кг/, крупы — 7,5 фунта. Излишек запасов против указанной нормы должен быть немедленно зарегистрирован в Райпродкоме. Обнаруженные скрытые, незарегистрированные запасы продовольствия будут конфисковываться, а укрыватели предаваться суду Реввоентрибунала» (43).

Еще меньше нравились крестьянам Белостокского округа те методы, которыми добывали продукты специальные отряды для проведения продразвёрстки в прифронтовой полосе — так называемые опродкомы. На заседании представителей Позапа, отдела ревкомов фронта, Поармов и Ревармов* 3-й и 15-й армий, где обсуждались причины поражения красных в войне с «белополяками», говорилось:

> «...Опродкомы не считались ни с чем, резали двухмесячных телят, оставляли одну корову на три семьи. Имения признавались панскими, даже если они были фактически разбиты между крестьянами. Особый отдел боролся со спекуляцией «по-московски» (44).

В результате лояльное настроение жителей Белостока сменилось резко враждебным. Они ждали только повода, чтобы выступить против большевиков с оружием в руках, и быстро его дождались. Войска Западного фронта, разбитые под Варшавой, отходили через районы, сильно от них пострадавшие раньше, в том числе через Белосток, население которого воспользовалось этой возможностью для мести. 28 августа член РВС 16-й армии Пятаков послал в Москву телеграмму, в которой сообщил как встретили в Белостоке отходящие красные войска:

> «В Белостоке, по докладу начдива 27, пробившегося с бригадой через занятый уже город, ему пришлось вести бой больше с населением Белостока, чем с польскими войсками, причем во враждебных действиях деятельное участие принимало также еврейское население» (45).

ПАРТИЗАНЫ В 1919–1920 гг.

Местные жители, в первую очередь крестьяне, образовывали антибольшевистские партизанские отряды, которые на языке красных назывались «бандами». Они не имели ничего общего с организованными криминальными структурами. Сам Тухачевский определял термин «банда» следующим образом:

* Позап — Продовольственный отдел Западного фронта, Поарм — Продовольственный отдел армии, Реварм — Революционный отдел армии.

«Самоорганизующаяся местная крестьянская власть опирается на местные вооруженные крестьянские формирования, обычно называемые у нас бандами» (46).

Таким образом, любые крестьянские вооруженные отряды, выступавшие против большевизма, получали название «банды», хотя их деятельность носила не уголовный, а военно-политический характер. Партизанских отрядов было много в лесах Беларуси во время советско-польской войны.

Характер их действий зависел от числа бойцов, от вооружения и от командиров. Главным образом они нападали на продотряды, отдельные воинские части и отряды чекистов. Например, 24 августа 1919 года в районе станции Заольша в Витебской губернии партизаны атаковали отряд губернской ЧК, убили ее командира. На помощь чекистам был направлен еще один отряд из 70 человек, но партизаны разогнали и его, захватили пулемёт (47). Еще более решительно действовали партизаны в Быховском уезде в марте 1920 г. Они захватили обоз 8-й стрелковой дивизии (48). Иногда партизанские отряды взаимодействовали с польскими частями. Так, под Борисовом отряд капитана Семянника, состоявший из местных жителей, объединился с 3-м уланским полком и прошел с ним рейдом по тылам красных, что принудило большевиков летом 1919 года оставить Борисов (49).

Большевики ответили на партизанское движение новой волной красного террора. Согласно с постановлениями органов советской власти разного уровня лица, замешанные в «бандитизме» и поджогах, подлежали расстрелу на месте, а лиц, не имевших документов, или документы которых казались «подозрительными», предписывалось передавать в милицию или ЧК (50).

Но остановить террором сопротивление населения во время войны было невозможно.

Уже в мае 1920 года, в ответ на кампанию по борьбе с дезертирством, в Витебской, Смоленской, Гомельской и Псковской губерниях наблюдался рост местного «бандитизма», что вынудило Тухачевского оставить войска ВОХР в тылу и не доверять им боевых задач (51).

ПОСЛЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПЕРЕМИРИЯ

Разгром под Варшавой, затем поражения на Немане и Щаре определили дальнейший ход советско-польской войны. Большевикам пришлось отдать полякам занятые ими районы. Однако к осени 1920 года обе стороны понесли значительные потери, сильно устали и вынуждены были заключить перемирие.

Боевые действия на Западном фронте окончились, но антибольшевистская борьба в Беларуси продолжалась и после 12 октября 1920 года. Казалось, что в конце 1920 – начале 1921 года она еще более усилилась.

Положение беларуской деревни, опустошенной продразвёрсткой, грабежами и военными разрушениями, было ужасным. Так, в сводке Председателя СНК ССРБ за 1–3 мая 1921 г. отмечено:

«В продовольственном отношении в настоящее время положение крестьянства самое критическое. Во многих местностях они голодают и питаются хлебом, содержащим в себе примеси трав и корней до 70%» (52).

В этой ситуации продолжение сбора продразвёрстки вызывало уже не просто возмущение крестьян, но открытые восстания. Председатель ЧК ССРБ докладывал:

> «В отношении госразвёрстки, как сообщалось в предыдущих сводках, положение крайне неудовлетворительное. Были случаи выступления граждан, вооруженных кольями и вилами с криком: «Нас все грабят, а нам не дают ни соли, ни железа» (53).

Неспокойно было и в городах. Пролетариат, который коммунисты считали своей естественной социальной базой, начал роптать. Председатель ЧК докладывал:

> «В связи с тарифной политикой положение рабочих в Белоруссии становится катастрофическим. Заработная плата рабочих от двести пятьдесят до триста шестьдесят тысяч рублей. Отсутствие денежных знаков делает невозможным выплачивать рабочим заработанной суммы, что вызывает недовольство с их стороны, и на этой почве имеют место частичные забастовки» (54).

Даже среди красноармейцев ощущалось недовольство. В очередной сводке Борисовского Политбюро от 10 июля 1921 года сказано:

> «Настроение красноармейцев за период сводки не улучшилось. Питание в войсковых частях самое скверное, результатом чего недовольство среди красноармейцев разрастается, открытого роптания еще не замечено. Политработа в частях ведется усиленно, но желательных результатов не приносит, как то красноармейцы пассивно относятся ко всем усилиям политработников поднять настроение среди красноармейских масс. Отовсюду во время проведения лекций, бесед и т.п. слышатся возгласы «не кормят» (55).

Впрочем, красноармейцы нередко решали проблем питания самочинными реквизициями и грабежами, как и во время войны. Доклад специальной комиссии Реввоенсовета Минского района от 23 июля 1921 года констатировал:

> /Отдельные красные части/ «...позволяли себе устраивать над населением всевозможные эксперименты, вроде врывания в амбары и расхищения продуктов, и даже в некоторых случаях избиения населения. Особенно отличалась в этом отношении 32-я кавалерийская бригада» (56).

Такие «эксперименты» еще более осложняли и без того тяжелое положение крестьянства, показывали ему, что Красная Армия — его враг. В той же сводке сказано:

> «Взаимоотношения крестьян с красноармейцами обостряется на этой же почве общей голодовки, так как воровство съестных продуктов красноармейцами у крестьян усиливается» (57).

Ответом крестьянства стало партизанское движение. К началу 1921 года оно достигло значительных размеров. Если в 1919–1920 годы численность «банд» колебалась от нескольких десятков до нескольких сотен человек, то в 1921 году имелись отряды по две и даже по три тысячи бойцов. Так, в конце 1920 года в Борисовском уезде действовала «зеленая армия» в несколько тысяч. На несколько дней она заняла местечко Плещеницы. Борисовский гарнизон таял от дезертирства, а кавалерийский отряд Борисовского военного комиссариата дезертировал в полном составе. За ним направились около половины борисовских милиционеров (58).

Борисовский уезд не был в этом смысле исключением. Например, в Игуменском уезде действовал партизанский отряд, насчитывавший 3 тысячи человек, он даже имел две 6-дюймовых пушки и 160 снарядов к ним (59).

Были отряды поменьше. Например, в Борисовском уезде действовал отряд капитана Короткевича до 800 человек, в Минском — отряд Коласа — 100 человек, в Игуменским уезде отряд Орлова — до 500 человек (60).

Партизанские отряды различались не только численностью. Среди них были вооруженные формирования местного происхождения и созданные на территории Западной Беларуси с помощью польских властей, а затем перешедшие границу. Последние создавал «Народный Союз Защиты Родины и Свободы» во главе с Борисом Савинковым, из людей, завербованных в разных городах и местечках на занятой поляками территории. Подпольные пункты вербовки были также и на советской территории (в Койданово и Минске) (61).

Булак-Балахович создал группу войск под названием Беларуская Народная Армия и попытался освободить Беларусь от большевиков. Этот его поход хорошо известен. Несмотря на поражение в ноябре 1920 года, он не прекратил своей деятельности, подразделения его армии активно участвовали в партизанской борьбе на территории ССРБ в 1921 году. Они переходили границу и пополнялись добровольцами из местного населения.

Местные жители обеспечивали партизан продовольствием и боеприпасами (обычно продукты они не реквизировали, а покупали у крестьян). Как свидетельствует разведсводка ЧК ССРБ о бандитизме за период с 5 до 20 августа 1921 года, «следует отметить, что банды имеют строгое запрещение обижать местное население») (62).

Как доносили большевистские агенты, командиры отрядов, среди которых было много офицеров бывшей российской армии, обучали своих бойцов стрельбе и тактике действий на поле боя. В результате антибольшевистские партизанские отряды своей боеспособностью не уступали регулярным частям Красной армии.

Первая половина 1921 года определялась чрезвычайной активностью партизан, которая даже превышала активность «банд», действовавших в Беларуси в 1919–1920 г. Председатель ЧК ССРБ в каждой сводке в Москву сообщал об усилении «бандитизма». В марте — апреле 1921 года он писал:

> «Несмотря на принимаемые решительные меры по борьбе с бандитизмом, который в Белоруссии сильно развит, таковой с каждым днем все усиливается» (63). «Бандитизм в Белоруссии принял колоссальные размеры» (64).

Ему вторили начальники низшего уровня. В сводке за апрель — май 1921 года заведующий Бобруйским политбюро докладывал:

> «В общем, бандитизм развит по всему уезду, нет тех волостей, где бы его не было» (65).

У большевиков были причины для тревоги. Изменилось не только число и организация «банд», но и их тактика. Если раньше партизаны нападали на небольшие тыловые части и местечки, где были органы советской власти, либо ограничивались диверсиями на железной дороге и поджогами складов и военных объектов, то теперь они решительно атаковали крупные отряды красных, даже в тех случаях, когда последние имели численный перевес. На одном из заседаний комиссии ССРБ по борьбе с бандитизмом констатировалось:

> «Был случай, когда отряд, превосходящий численностью шайку бандитов, при встрече с последней после перестрелки разбежался, оставив врагу пулемет» (66).

Этот случай, который члены Комиссии сочли возмутительным, на самом деле не являлся исключением. Не раз и не два красные части становились жертвами партизан. Не повезло, например, дивизиону легкой артиллерии № 21, стоявшему в местечке Погорелое (в Игуменским уезде). В ночь с 17 на 18 мая 1921 года партизаны совершили нападение на него, разоружили и раздели красноармейцев (67).

Партизанские отряды атаковали также крупные местечки, свергали в них большевистскую власть и ставили свою. Так произошло, например, в Лясковичской волости Бобруйского повета (68). В Могилёвской губернии они заблокировали местечко Глуск, так что без их разрешения нельзя было ни выехать из местечка, ни въехать. Посланный против них 8-й отряд ЧОН был разбит, а его пулемет достался партизанам (69).

Чекисты — истинные враги народа (Мозырь, 1922 г.)

У партизан были свои люди во вражеском лагере, даже среди тех, кто занимал довольно значимые должности. Например, в Игуменском уезде с партизанами сотрудничали военный комиссар Жилинский и военный руководитель Конопацкий. Среди документов, которые они передали в штаб отряда полковника Павловича, были «...планы работ Комбанда, Политбюро и дислокация войск Белоруссии, пропуска хождения по городу Игумену включительно по 10/VI и еще другие документы» (70).

Но главная причина успеха партизан была не в этом, и не в том, что леса и пущи препятствовали боевым операциям большевиков, как жаловались командиры частей особого назначения. Партизанское движение в Беларуси в 1921 году никогда бы не достигло таких размеров, если бы оно не опиралось на поддержку крестьянства. Крестьяне держали связь с партизанами, сообщали им о действиях красных частей, прятали у себя бойцов партизанских отрядов, обеспечивали их оружием и продовольствием, сами принимали участие в диверсиях и боевых операциях (71).

Доведенные до отчаянного положения продразвёрсткой и грабежами местные жители настолько отрицательно относились к большевикам, что охотно помогали всем, кто с ними боролся, и особенно своим братьям-крестьянам, составлявшим основу всех партизанских отрядов. Председатель ЧК Беларуси Ротенберг в сводке за 1–5 мая 1921 г. писал:

> «Отношение крестьян к Соввласти в некоторых местностях удовлетворительное, в некоторых пассивное, к компартии враждебное, вызванное недостатком продуктов первой необходимости, отсутствием соли, мануфактуры и других незаменимых в хозяйстве вещей и госразверсткой, которую с таким трудом и неохотой они выполняют. На этой почве каждая контрреволюция находит себе место. Особенно влияет на настроение крестьян — это бандитизм, принявший колоссальные размеры. Ими, т.е. бандитами, разбрасываются белогвардейские разного рода прокламации, разжигается насе-

ление на почве антисемитизма, в особенности зажиточное крестьянство и шляхта, чем отличаются даже целые волости, относящиеся очень сочувственно; да и как не относиться, ведь большая часть бандитов — местное население. Они очень близки к крестьянским массам, а белорусские крестьяне издавна отличались недоверием» (72).

Не менее значимым было и то, что крестьяне хорошо видели разницу между красными частями и отрядами партизан. Если первые позволяли себе грабеж и насилие, то другие, как уже сказано, имели категорический запрет «задевать» крестьянское хозяйство. Очевидно, что этот запрет практически не нарушался, да и странно было бы, если бы крестьяне, из которых в основном состояли «банды», стали бы грабить своих. В результате, как писал тот самый председатель ЧК А.И. Ротенберг, «отношение крестьян к бандитам очень хорошее, к красноармейцам — враждебное» (73).

КАРАТЕЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ БОЛЬШЕВИКОВ

Большевики быстро поняли, в какой степени успехи партизан зависят от поддержки местного населения. Все свои силы они направили на то, чтобы лишить «бандитов» социальной базы. Но вместо того, чтобы улучшить материальное положение крестьянства и этим изменить его отношение к советской власти, большевики опять обратились к террору.

Одним из первых шагов в этом направлении стало образование губернских комиссий по борьбе с бандитизмом («губкомбанд»), получивших чрезвычайно широкие полномочия. Они подчинялись только ВЧК. В специальной инструкции сказано:

> «Приказания и распоряжения губкомбанд не могут быть приостановлены в действии на местах распоряжением местных органов власти, каковые могут лишь в случае несогласия с таковыми обжаловать их в следующую по инстанции комиссию» (74).

Инструкция определяла также и основные методы работы комиссий:

> «...широкое применение выселения за пределы фронта семей бандитов и прочего населения, скомпрометированного содействием бандитам» (75).

Впрочем, комбанды не ограничивались этими рекомендациями и шли дальше. Так, Бобруйская политическая комиссия по борьбе с бандитизмом в первом же своем приказе высказалась за то, чтобы

> «оповестить все население уезда, что ко всем пособникам и укрывателям (таковыми являются не только те, кто укрывает и кормит бандитов, но и те, кто их видит, знает их месторасположение и не доносит ближним волисполкомам и командирам частей) будет применяться самая суровая мера наказания вплоть до конфискации имущества, выселения из пределов Белоруссии и расстрела» (76).

Как видим, расстрелять могли и за недонесение. Доносы вообще были сделаны обязанностью всех лояльных граждан, даже если доносить надо было на своего соседа или друга. В приказе № 2 Бобруйской комбанды заявлено:

> «Каждому гражданину, знающему, у кого есть оружие или где оно спрятано, вменяется в обязанность сообщить об этом военному командованию или органам ЧК» (77).

А что ждало тех, кто прятал у себя оружие и на кого был обязан донести сосед по деревне? Приказ № 2 дает недвусмысленный ответ на этот вопрос:

«Жители по истечение трехдневного срока, не сдавшие оружия, по обнаружению такового у них, будут считаться врагами трудящихся и расстреливаться без суда и следствия, семьи их выселяться за пределы Белоруссии, имущество конфисковываться и распределяться советами между честными гражданами» (78).

Обращают на себя внимание последние строки. Не надо особой проницательности, чтобы догадаться, что «честными гражданами» считались прежде всего те, кто доносил на «врагов трудового народа». Большевики, таким образом, заимствовали приемы древнего Рима, где доносы являлись не только обязанностью, но и прибыльным делом.

Одновременно с комбандами действовали ревтрибуналы, созданнные на каждом боевом участке. Эти органы были скорее карательными, чем судебными. Во всяком случае инструкция, которая была дана военным отделам ревтрибунала, больше подходила для карательного, чем юридического учреждения:

«При установлении виновности в бандитизме, укрывательстве и пособничестве бандитизму, в дезертирстве и невыполнении продналога, трибунал боеучастка при назначении наказаний: тюремного заключения, заключения в концлагерь, выселения из пределов Белоруссии и расстрела обязательно соединяют эти наказания с конфискацией имущества лиц, признанных виновными и с ограничением прав избирательных» (79).

Несмотря на завершение войны, большевики сохранили на территории Беларуси Западный фронт. Советские историки писали:

«Командующему фронтом ещё не раз приходилось разрабатывать и проводить военные операции по ликвидации в Западной Белоруссии (?) эсеро-кулацких мятежей и уничтожению бесчинствующих белогвардейских банд, подстрекаемых и поддерживаемых белополяками» (80).

Эта «ликвидация» осуществлялась чрезвычайно жестоким способом. Тухачевский сам свидетельствовал, что методы борьбы с «бандитизмом» в Беларуси были в основном «тамбовские». Что такое «тамбовские методы» Тухачевского — теперь уже хорошо известно. Их суть в широком использовании концентрационных лагерей, куда свозили семьи, мужчины из которых подозревались в участии в борьбе против советской власти. Если в указанный срок «бандит» не сдавался — семью ссылали. Вот что писал Тухачевский:

«Из репрессий наиболее действительными являются: выселение семей бандитов, укрывающих своих членов, конфискация их имущества и передача советски настроенным крестьянам. Если выселение трудно организовать сразу, то необходимо устройство широких концентрационных лагерей. За укрывательство, за несообщение о местонахождении и действиях бандитов должна быть установлена круговая порука» (82).

Очевидно, что в Беларуси пользовались «тамбовскими» методами Тухачевского. Для полного сходства не хватало только авиации и химического оружия, которые будущий красный маршал тоже успешно применял против тамбовских крестьян. Карательные меры, сработавшие против «антоновщины», доказали свою эффективность и в Беларуси. Путем кровавого безжалостного террора большевики смогли переломить ситуацию в свою пользу. Во второй половине 1921 года партизанское движение сократилось.

Это не значит, однако, что оно совсем пошло на спад. Еще очень долго положение в Беларуси оставалось неспокойным для большевиков, поэтому они ликвидировали Западный фронт только в 1924 году.

* * *

Российско-польская война 1920–21 гг. стала еще одной из многих трагедией Беларуси. Именно в результате ее событий сначала половина, а потом и вся Беларусь оказалась под советской оккупацией, что и определило ее сложную и трудную судьбу в следующие 70 лет.

Москва смотрела на Беларусь как на свою собственность, где она могла делать все, что захочет. Организованное и неорганизованное ограбление, массовые репрессии вызывало соответствующую реакцию населения, в своем большинстве видевшее в большевиках захватчиков и врагов.

Факты не оставляют никаких сомнений в том, что в Беларуси существовало сильное антибольшевистское движение, и что это движение было действительно народным. Большевики, начавшие в 1920 году поход за мировую революцию, столкнулись в Беларуси с отчаянным сопротивлением, и отчасти благодаря этому сопротивлению были разбиты под Варшавой, на Немане и Щаре. В любой войне положение в тылу играет не меньшую роль, чем ситуация на фронте, а как отметил в своем приказе военный комиссар ССРБ Адамович, «прочного тыла, способного в нужный момент оказать должное содействие фронту, армия за собой не чувствовала».

Таким образом, хотя антибольшевистская борьба в Беларуси не имела шансов на окончательную победу, она стала важным фактором, повлиявшим на результаты войны между Россией и Польшей.

ИСТОЧНИКИ

1 Национальный архив Беларуси (далее НАБ), ф. 4, о. 1, д. 19, л. 38–39.
2 Ленин В.И. Полн. собр. соч. (ПСС) Том 30, с. 5–6.
3 Директивы командования фронтов Красной Армии. М., 1974. Том 3, с. 13.
4 Залуский З. Пути к достоверности. В книге: Наленч Д., Наленч Т. Юзеф Пилсудский. М., 1990, с. 226.
5 Тухачевский М.Н. Поход за Вислу. М., 1992, с. 36.
6 Документы внешней политики СССР. М., 1959. Том 3, с. 38.
7 НАБ, Ф. 4, о. 1, д. 34, л. 1.
8 Революционные комитеты БССР, ноябрь 1918 – июль 1920. Мн., 1961 (далее: Ревкомы), с. 322.
9 Путна В. К Висле и обратно. М., 1927, с. 73.
10 Ревкомы..., с. 305.
11 Сергеев Е. От Двины к Висле. Смоленск, 1923, с. 39.
12 Сборник приказов опродкомам Западного фронта. Смоленск, 1921, с. 123–14 (Далее «Сборник приказов...»)
13 Приказание полевому управлению Запасной армии Западного военного округа. Смоленск, 1920 (Далее: Приказание полевому управлению...) Приказ армиям Западного фронта № 25.
14 Сергеев Е. От Двины к Висле, с. 55.
15 Приказание полевому управлению... Приказ армиям Западного фронта № 1741.
16 Сергеев Е. От Двины к Висле, с. 82.

17 Какурин Н.Е., Меликов В.А. Война с белополяками 1920 г. Москва, 1925, с. 52.
18 Сборник приказов... с. 91–92.
19 Директивы командования фронтов Красной Армии. Том 3, с. 100.
20 Селиванов П.А. Укрепление тыла Красной Армии: Деятельность Советов и ревкомов Белоруссии (1918–1920 гг.). Мн., 1987, с. 108.
21 Latyszonek O. Bialoruskie formacje wojskowe 1917–1923. Bialystok, 1995, s. 114.
22 Приказание полевому управлению... Приказ армиям Запфронта от 13.07.1920 г. Приказ армиям Запфронта от 16.11.1920 г.
23 Приказание полевому управлению... Приказ по Западному военному округу № 957.
24 Ревкомы... С. 350.
25 Польско-советская война (ранее не опубликованные документы и материалы). Часть 1. М., 1994, с. 89.
26 Ленин В.И. ПСС. Том 51, с. 258.
27 Ленин В.И. ПСС. Том 51, с. 261.
28 НАРБ, ф. 32, о. 2, д. 22, л. 181.
29 Директивы командования фронтов Красной Армии. Том 3, с. 39.
30 Пилсудский Ю. Война 1920 г. М., 1992, с. 146.
31 Сергеев Е. От Двины к Висле, с. 122.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Кирилл Маркович Маль (1971 г.р.) — профессиональный историк. Долгое время являлся научным сотрудником Института истории Национальной Академии Наук Беларуси. Автор ряда статей по вопросам беларуской истории, а также книги «Гражданская война в США 1861–1865» (Минск, 2000).

БЕЛЫЙ ОРЕЛ, КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

Английский историк о войне 1919–1920 гг.

Алесь СМОЛЕНЧУК

Историческая наука не может быть полностью свободной от идеологических влияний. Но всегда существует граница, которая отделяет научную работу от фальсификации прошлого в угоду определенным идеологическим целям. К сожалению, для большинства беларуских советских историков, занимавшихся проблематикой XX века, эта граница не существовала. Постулаты той «истории», которую они сочиняли, формулировалась в кабинетах партийных руководителей. Яркий пример подобной «науки» — официальная концепция «советско-польской войны 1919–1920 гг.» и ее последствий*. Ее фундаментом служило отождествление интересов беларуской нации с интересами большевистских властей советской России.

Книга английского историка Нормана Дэвиса «Белый орел, красная звезда» позволяет увидеть ключевые моменты фальсификации истории той войны**. Это важно для нас, ибо в современной беларуской историографии просматривается тенденция возрождения прежних идеологических концепций. Таковы, например, книги «История Беларуси» (под редакцией Я. Новика и Г. Марцуля) и «История Беларуси с древнейших времён до наших дней» (авторы И. Ковкель, Э. Ярмусик)***.

Первое издание книги Дэвиса появилось в Лондоне в 1972 году. В польском издании 1998 года автор сохранил свою концепцию без изменений. Дэвис считает, что историография последней четверти XX века (в том числе публикация ранее недоступных материалов из архивов СССР) лишь подтвердила его основные позиции.

Успех исследования, видимо, обусловил анализ широкого круга источников, отражающих самые разные взгляды на события прошлого. Автор использовал материалы из архивов СССР, Польши и Великобритании, дневники, переписку, воспоминания и аналитические работы непосредственных участников событий: Ю. Пилсудского, М. Вейгана, И. Дашиньского, Ст. Грабского, В. Ленина, Л. Троцкого, И. Сталина, М. Тухачевского и других.

Перечень печатных изданий составил около 120 названий. Среди них присутствуют все основные исследования советской, польской (как ПНР, так и эмигрантской) и западноевропейской историографии 1920–60-х гг.****

Беларускі гістарычны агляд, том 6, сшытак 1-2 (1999), с. 339–346. Перевод А.Е. Тараса.

* См., например: История Белорусской ССР. Под ред. И. Игнатенко, Л. Абецедарского и других. Том 3. Минск, 1993. Соответствующие разделы в этом томе написали П. Селиванов и Н. Каменская.

** Davies, Norman. Orzel bialy, czerwona gwiazda: Wojna polsko-bolszewicka 1919-1920. Krakow, 1998. — 308 s.

*** Раздел «Беларусь во время советско-польской войны 1919–1920 г.» во второй из этих книг требует отдельного замечания. Даже Рижский мир получил у Ковкеля и Ярмусика в целом положительную оценку, на том основании, что он был спасительным для властей РСФСР. При чтении книги рождается чувство, что Ковкель и Ярмусик — не историки, а красноармейцы Тухачевского, которые пишут «историю» в перерывах между боями с «белопольскими оккупантами» и их «белорусскими пособниками».

**** Для сравнения: П. Селиванов и Н. Каменская в книге 1993 года использовали документы только советских архивов, статьи В. Ленина, материалы большевистской печати начала 20-х годов и работы советских историков.

КАКОВЫ ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ НОРМАНА ДЭВИСА?

Во-первых, автор не считает эту войну оборонительной для советской России. Он обращает внимание на то, что именно войска РСФСР первыми начали занимать территорию «крэсов»*. Уже 16 ноября 1918 года была создана большевистская Западная армия, которая после эвакуации немецких войск заняла Минск и Вильню.

А в конце 1918 — начале 1919 года Красная Армия начала военную операцию («Цель Висла»), главной задачей которой являлась разведка военных возможностей Польши. Последней, в соответствии с планами большевиков, отводилась роль «красного моста» между революционной Россией и Германией. Польские войска двинулись на восток только в феврале 1919 года. Именно большевистскую попытку экспорта революции в Европу Дэвис считает главной причиной войны между РСФСР и Польшей.

В пользу этого тезиса свидетельствуют и некоторые факты политической истории, которым исследователь не уделил надлежащего внимания. Так, одновременно с началом операции «Цель Висла» правительство Ленина распустило польско-российскую Ликвидационную комиссию по делам Королевство Польского, учрежденную весной 1917 года. Председатель комиссии Александр Ледницкий (с января 1918 года — полномочный представитель польского правительства) был арестован. К тому же, в начале февраля 1919 года партийное руководство России образовало Лит-Бел ССР, правительство которой было сформировано преимущественно из большевиков польского происхождения. Есть немало оснований считать эту марионеточную «республику» плацдармом для распространения революции в Польшу. Операция «Цель Висла» и создание Лит-Бел показали, что поход Красной армии на Варшаву является только делом времени.

Английский историк учел претензии обеих сторон на территорию «исторической Литвы». Он справедливо отметил, что в 1918 году эти земли не принадлежали ни Польше, ни России: «Если крэсы и принадлежали кому-нибудь, то только местному населению...» (с. 23). По мнению автора, началом войны надо считать 14 февраля 1919 года, когда в районе Березы Картузской произошло первое боевое столкновение Войска Польского и Красной Армии.

Во-вторых, анализ размеров военной помощи Польши со стороны Антанты и характеристика позиций правительств Великобритании и Франции позволили Дэвису сделать вывод, что наступление польских войск не было частью единого плана интервенции Антанты против России. На Парижской мирной конференции зимой 1919–1920 г. по инициативе Дэвида Ллойд Джорджа было принято принципиальное решение: военной помощи наступательным действиям польских войск не оказывать. Премьер-министр Великобритании стремился перенести борьбу против большевизма в сферу экономики (с. 89).

Военная помощь, которая поступала в Польшу в соответствии с прежними договорами (в частности, военный кредит французского правительства), предназначалась в первую очередь для ведения оборонительной войны. Дэвис считает, что помощь Польше была скорей направлена против германского реваншизма, чем боль-

* Дэвис широко использует этот термин, принятый польской публицистикой и историографией.

шевистской революции (с. 90). В кризисное для поляков время Антанта активно помогала только своими военными советниками. После Варшавской битвы (13–25 августа 1920 г.) генерала Вейгана и других воспринимали в Европе как главных спасителей Польши и мира от «большевистской чумы». На самом деле, как убедительно показал Дэвис, военные миссии Великобритании и Франции существенной роли в защите Варшавы не сыграли.

Одной из причин довольно «холодного» отношения Антанты к Польше являлось недоверие к Пилсудскому. Европейские политики настороженно смотрели на деятельность этого бывшего социалиста, который не собирался быть марионеткой ни в чьих руках. Вывод английского исследователя, что Польша защитила свою независимость самостоятельно, не вызывает возражений:

> «Вопреки мнению, которое упорно повторяется снова и снова, Антанта не сыграла роль опекуна Польши. Она не поддержала Польшу ни политически, ни морально, ни — по большому счету — материально. До июля 1920 года политика Антанты не была политикой нейтралитета. Это был курс официального безразличия.... После августа 1920 года Антанта настойчиво и последовательно высказывала свое недовольство Пилсудским, политикой польского правительства и его планами. Она пыталась отстранить Начальника /Пилсудского — *Авт.*/ от власти, ослабить позиции правительства и перечеркнуть его планы. Французская военная помощь была уменьшено до одной восьмой части сравнительно с предыдущим периодом. «Младший», «слабейший» и «зависимый» партнер Антанты сумел победить в войне и заключить мирный договор самостоятельно» (с. 249).

В-третьих, становится очевидной искусственность и ненаучность такого понятия советской историографии, как «белополяки». То самое можно сказать применительно к понятию «буржуазно-помещичья Польша».

Одной из главных причин победы поляков в Варшавской битве и успешного контрнаступления осенью 1920 года явилась консолидация польского народа вокруг своего руководства. Этому способствовало создание в июле 1920 года коалиционного правительства. Его возглавил крестьянин из Галиции, руководитель крупнейшей крестьянской партии «Пяст» Винцент Витас. Пост вице-премьера занял известный деятель ППС Игнацы Дашиньский. Дэвис характеризует это правительство как «правительство народа» (с. 163). С его оценкой можно согласиться. Не буржуазии и помещики, а крестьяне и рабочие Польши, которые образовывали основу нации, защитили независимость страны.

Исследователь проанализировал ход основных военных операций 1919–1920 гг. Их результаты во многом определялись маневренностью войск, что принципиально отличало эту войну от первой мировой. Дэвис полагает, что главную роль в поражении Тухачевского под Варшавой сыграло не замедленние скорости движения его войск (со всеми последствиями этого фактора), а то, что он не сумел опередить противника. Пилсудский успел произвести перегруппировку армий и внезапно нанес сильные контрудары по флангам Красной Армии.

Английский историк обратил внимание на деятельность созданного в Москве так называемого «Польревкома» во главе с Ю. Мархлевским и «ревкомов» на занятой польской территории. Попытки большевиков осуществлять в Польше «социалистические» преобразования (между прочим, руководители «ревкомов» считали, что государственными языками революционной Польши должны быть русский и идиш) также способствовали консолидации польской нации (с. 152–160).

Дэвис подчеркнул огромную роль Пилсудского в победе под Варшавой, которая, по его мнению, сознательно занижалась. Именно стремлением принизить роль Пилсудского он объясняет появление в межвоенной историографии выражения «чудо на Висле». И действительно, впервые оно появилось на страницах печати национальных демократов — политических противников Пилсудского. Его сразу подхватили британские и французские газеты (с. 228).

Юзеф Пилсудский — победитель Тухачевского в войне 1920 года

В-четвертых, панорама переговоров между РСФСР и Польшей, которые с перерывами продолжались от начала 1919 года и до конца войны, анализ хода и результатов переговоров в Риге уничтожают еще один миф советской историографии.

Главные причины раздела Беларуси скрывались не столько в стремлении польских политиков захватить как можно больше беларуской земли, сколько в политике правительства советской России. Попытка экспорта революции фактически развязала войну. Неудача этой попытки принудила большевиков ради сохранения своей власти в России пойти на откровенную торговлю беларуской территорией. Так, на переговорах в Риге руководитель советской делегации А. Иоффе в соответствии с директивой Ленина предлагал полякам территорию Беларуси до линии Дрисса — Бердичев (с. 261). Польская делегация взяла меньше, чем могла лишь потому, что в ней доминировали сторонники политики «инкорпорации». Объем присоединенной беларуской земли они соотносили с ассимиляционными возможностями Польши.

***

Дэвис считает, что объективный анализ результатов войны не позволяет утверждать, что победу одержала та или иная сторона:

> «Большевики не прорвали вражескую блокаду, не развязали революцию в Европе, не защитили Лит-Бел ССР. Поляки не создали ни федерацию с крэсами, ни польское государство «от моря до моря». Результатом польско-большевистской войны стал не компромисс, а тупик» (с. 267).

Надо отметить, что эти выводы противоречат его собственному объяснению причин войны. Если главной среди них было стремление большевиков превратить Польшу в «красный мост» для экспорта революции в Европу, то война окончилась победой Польши. Она защитила свою независимость. Что же касается польских геополитических устремлений, то никто из политиков Польши серьезно не рассматривал планов создания национального государства «от моря до моря».

Отдельно надо отметить способ повествования, который с успехом использует Дэвис. Он нарисовал глобальную картину исторического события (движение войск, дипломатическая борьба на международных конференциях и т.д.) и в то же время сосредоточил внимание на людях, действия которых и привели к складыванию этой глобальной картины. Исследователь будто попеременно использовал то телескоп, то микроскоп. Такое совмещение позволило ему глубоко ощутить, понять и донести до читателя историю войны. Талантливо написанные портреты Ю. Пилсудского, С. Петлюры, М. Тухачевского, Ф. Дзержинского и других наполняют книгу жизнью. Этому способствовало и использование автором рассказов Исаака Бабеля. Последние в руках ученого превратились в интересный исторический источник.

Однако у беларуского читателя не могут не возникнуть критические замечания. В первую очередь, они касаются самой концепции войны. Беларусь (вместе с Украиной) была главной ареной военных действий и одной из главных ее жертв. Но в этой книге Беларуси просто нет. Она не существует ни как объект исторического исследования, ни как субъект исторического процесса. Как отмечено выше, английский исследователь широко употребляет термин «крэсы».

Между тем тезис о политическом вакууме, возникшем на пространстве исторической Литвы после эвакуации немецких войск (с. 23), не выглядит обоснованным. Автор проигнорировал существование БНР, вполне определенно выразившей политическую волю беларусов к независимости, которую, однако, ни правительство РСФСР, ни правительство Польши не собирались учитывать.

Большего внимания требует судьба беларуского и украинского населения, оказавшегося заложником политических и геополитических амбиций воюющих сторон. К сожалению, в книге не упоминается антибеларуская политика польского военного руководства (преследования за «беларускость», которую поляки отождествляли с большевизмом, разоружение беларуских отрядов, ликвидация беларуских школ, интернирование политиков и т.д.), вызвавшая многочисленные акции народного сопротивления польским властям. Ничего не сказано о грабеже Беларуси частями Красной Армии, о принудительной мобилизации населения в войска большевиков. А все это побудило немалую часть беларусов стать на путь вооруженного сопротивления «освободителям» с Востока.

Оценка результатов войны тоже дана без учета интересов Беларуси. Между тем, Рижский мир стал трагедией для беларуского национального движения, в огромной мере повлиял на всю дальнейшую историю Беларуси.

Причинами игнорирования Беларуси в книге Дэвиса, вероятно, было общее состояние беларуской национальной историографии в начале 70-х годов, равно как и отсутствие беларуского государства на карте Европы.

Впрочем, было бы несправедливо винить в этом английского историка. К сожалению, беларуская национальная историография до сего времени не сумела создать собственного исследования истории той войны. Вообще, по уровню осмысления многих проблем своей истории XX века мы недалеко ушли от 60–70-х гг. И вряд ли к большинству беларуских исследователей можно отнести авторское посвящение, сделанное им в предисловии к польскому изданию. Норман Дэвис посвятил свою книгу памяти тех историков, которые собственной жизнью доказали, что служение исторической правде является благородным призванием истинных ученых.

СХВАТКА ХИЩНИКОВ ЗА БЕЛАРУСЬ

Анатоль ТАРАС

А.П. ГРИЦКЕВИЧ: ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ РСФСР 1918–1920 (Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию). Минск: «Харвест», 2009. —592 с. — /серия «Неизвестные войны».

Книга профессора Анатоля Грицкевича была завершена автором в ноябре 2008 года. К сожалению, процесс ее издания надолго затянулся. Но вот, наконец, она вышла из печати.

Как отметил Алесь Смоленчук, в книге Нормана Дэвиса «Беларуси просто нет». В отличие от нее, в мсследовании А.П. Грицкевича наша страна не только «присутствует», но и находится в центре внимания автора. На это указывает уже ее подзаголовок — «борьба за Белоруссию».

Понятно, что субъективно Россия и Польша дрались между собой за право владения землями, которые обе стороны считали своими «исконными». Но объективно, это противоборство явилось сражением за территории Беларуси и Украины. Более того, к началу военных действий здесь уже существовали национальные государства — БНР и УНР*.

На фоне массивов целенаправленной лжи советско-российской и польской историографии особенно отчетливо видна ценность исследования профессора Грицкевича. Фактически, он впервые в отечественной науке сделал главным объектом анализа интересы народов и судьбу земель Беларуси — чем всегда пренебрегали и русские, и польские исследователи.

В центре внимания польских историков, с логикой и выводами которых вполне солидарен Норман Дэвис, традиционно находится «борьба за крэсы»**.

Более того, многие из них по-прежнему стоят на позициях виленской декларации, одобренной польским сеймом 2 мая 1919 года. Напомню слова из этого документа:

---

* В настоящее время редактор А.Е. Тарас готовит к печати новую монографию А.П. Грицкевича «Борьба за Украину. 1918–1920 гг.».

** Всего один пример: в 2006 году в Торуне, в издательстве Адама Маршалка вышла книга «W obronie Europy: Wojna z bolszewicka Rosja w 1920 roku» (автор — J.A. Goclon). Как и прежде, в этой объемной монографии ней нет ни беларусов, ни Беларуси. Есть только «крэсы» и «крэсовики». Иначе говоря, историки «новой Польши» продолжают следовать давней традиции глубокого презрения к нашей стране и к нашему народу.

«отечество Костюшки, Мицкевича и Траугута принадлежит Польше как неделимая часть».

Советские же, а ныне российские историки вели и ведут речь исключительно о защите «советской России» от «очередного похода Антанты». «Советскую Белоруссию» они упоминают мимоходом. Дескать, она появилась по волеизъявлению народа и тут же в порыве оргазме прильнула к России.

Монография професора Анатоля Грицкевича не только «закрывает» огромный пробел в официальной беларуской историографии, но и преодолевает традиционную для нее позицию холуйства перед Москвой. Ведь даже в 2001 году статью «Савецка-польская война 1920» (см. книгу первую шестого тома «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі») ее автор Николай Сташкевич написал в духе защиты интересов «советской России» — давно не существующего государства! В четырех столбцах текста он повторил полный набор мифов советских историков, на которые указал А. Смоленчук в своей рецензии на исследование Дэвиса Нормана.

В своей книге А.П. Грицкевич рассмотрел именно те вопросы, которые традиционно оставались вне поля зрения советских и польских историков, и на которые не дал ответа Дэвис. Так, в первой ее части («Предпосылки российско-польского конфликта») он подробно изложил события, связанные с поиском нашими патриотами путей создания независимой суверенной Беларуси. Показал, как происходила в ноябре 1918 — феврале 1919 годов оккупация территории Беларуской Народной республики российской Красной Армией.

Он изложил перепетии двукратного создания марионеточной «советской Белоруссии», которой изначально была уготована жалкая роль «буфера» между противоборствующими сторонами.

Русскоязычные читатели впервые узнают из книги Грицкевича о жестоких сражениях между российскими и польскими войсками, происходившими в Беларуси на рубежах рек Неман и Щара в ходе Неманской операции Войска Польского, а также под Минском — уже после разгрома армий Западного фронта под Варшавой. Все эти сражения, равно как и бои местного значения в перерывах между важнейшими битвами описаны достаточно подробно.

Профессор Грицкевич последовательно опровергает в своей работе устоявшиеся мифы советской историографии:

- что эта война была «очередным походом Антанты против советской России»;
- что Западный фронт РСФСР создавался исключительно для «борьбы против интервентов»;
- что «белорусскую советскую республику» учредил «белорусский народ», который сразу же добровольно отказался от своего суверенитета и объединился с «литовской советской республикой»;
- что все жители Беларуси дружно выступили против польских захватчиков;
- что Красная Армия потерпела поражение от Войска Польского исключительно по причине «усталости своих воинских частей» и «оторванности от тыловых баз снабжения», а не потому, что «белые поляки» превзошли «красных россиян» именно в искусстве войны;
- что нельзя говорить о разгроме войск Западного фронта, так как имело место лишь «поражение» под Варшавой, сравнительно небольшое, вынудившее красных отойти, а не обратиться в паническое бегство;

➤ что упоминать о крупных поражениях «красных» на территории Беларуси уже после Варшавской битвы– значит, плыть в русле «буржуазной историографии»;

➤ что «красные», в отличие от «белополяков», всегда демонстрировали гуманное отношение к раненным и пленным противникам, не говоря уже о «дружбе» с местным населением;

➤ что Красная Армия пользовалась повсеместной поддержкой населения Беларуси, не было и речи о том, чтобы это «население» всеми доступными ему силами и средствами боролось с красной ордой;

➤ что на переговорах в Риге делегация большевиков мужественно противостояла наглым попыткам поляков «захапать» всю Белоруссию.

Немало места автор уделил действиям повстанческой армии Булак-Балаховича и Слуцкому вооруженному выступлению осенью 1920 года.

Отдельная глава посвящена возникновению пресловутой Средней Литвы – марионеточного псевдогосударства, созданного по замыслу Пилсудского.

К сожалению, автор не смог обеспечить издательство фотографиями для книги. Поэтому иллюстративный ряд ограничивается 12 картами. Зато в качестве источников профессор Грицкевич использовал преимущественно исследования беларуских и польских историков, неизвестные российским авторам. Тем самым он ввел в научный оборот много новой для них информации.

В заключение я привожу оглавление книги А.П. Грицкевича. Оно достаточно информативно.

Часть I. ПРЕДПОСЫЛКИ РОССИЙСКО-ПОЛЬСКОГО КОНФЛИКТА
- Глава 1. Ситуация в Белоруссии в 1917–1918 гг.
- Глава 2. Белорусская Народная Республика
- Глава 3. Польское национальное движение в Белоруссии в 1917–1918 гг.
- Глава 4. БНР и Литва в 1918–19 гг.

Часть II. ВОЙНА МЕЖДУ ПОЛЬШЕЙ И РОССИЕЙ В 1919 ГОДУ
- Глава 5. Создание марионеточной ССРБ
- Глава 6. Западный фронт в 1919 году
- Глава 7. Политическая ситуация в Белоруссии в 1919 году

Часть III. ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ В 1920 ГОДУ
- Глава 8. Политическое положение в Белоруссии в первой половине 1920 г.
- Глава 9. Майско-июньская операция Западного фронта
- Глава 10. Подготовка к генеральному наступлению Западного фронта
- Глава 11. Варшавская операция Западного фронта
- Глава 12. Неманская операция польских войск

Часть IV. ОТ ВОЙНЫ К МИРУ
- Глава 13. Эпопея со «Средней Литвой»
- Глава 14. Перемирие и прелиминарный договор
- Глава 15. Поход Булак-Балаховича в Полесье
- Глава 16. Слуцкое вооруженное выступление 1920 года
- Глава 17. Рижский мир (1921 г.)

СРЕДНЯЯ ЛИТВА

Олег ТРУСОВ

Как известно, в 1919 году Вильня с прилегающей территорией стала «яблоком раздора» между Польшей и Летувой. Дело дошло до войны. После прекращения боевых действий, под давлением Антанты 7 октября 1920 года в Сувалках было подписано польско-литовское соглашение, согласно которому весь Виленский край отходил к Летуве.

Польскому правительству пошло на этот шаг под нажимом стран Антанты. Но «начальник государства» Юзеф Пилсудский вовсе не собирался отдавать свою родину летувисам*. Связанный обязательствами перед Антантой, он в сложившейся ситуации виртуозно разыграл «беларускую карту» — инспирировал «бунт» оперативной группы войск «Бенякони», которой командовал генерал Люциан Желиговский.

В группу «Бенякони» входили 1-я Литовско-Белорусская дивизия (1-я ЛБД) генерала Яна Жондковского (Виленский, Гродненский, Минский, Новогрудский пехотные полки, артиллерийский полк, кавалерийский дивизион, саперная рота) и пехотная группа из состава 2-й ЛБД (Ковенский и Лидский полки) во главе с майором Марианом Зындрамом-Костялковским. Всего около 14 тысяч человек.

Эти части были сформированы из беларусов-католиков западных областей Беларуси. Они не хотели служить в чисто польских формированиях, предпочитая им формирования «тутэйшых» (земляков). Отметим, что летувисы в указанных подразделениях отсутствовали.

Войска «восстали» уже на следующий день после заключения соглашения с Летувой, 8 октября 1920 года. В глазах международной общественности Пилсудский выглядел «чистым». Дескать, беларусы взбунтовались, ничего не могу с ними сделать.

Перед началом похода Желиговский встретился в Гродно с местным деятелем Витольдом Абрамовичем, намеченным на пост председателя временного правительства.

В 6 часов утра 8 октября войска двинулись к Вильне тремя колоннами, с общей полосой наступления 20 километров. До города было около 50 километров. Группа Зындрама-Костялковского должна была выйти западнее его и перерезать железную дорогу, чтобы не допустить доставки летувисских войск из Ковно. В центре наступали Виленский и Минский полки. Правее их (с юго-востока) шли Гродненский и Новогрудский полки.

Никакого сопротивления в Вильне они не встретили: малочисленные подразделения летувисов ушли без боя, а среди горожан их было очень мало (максимум 2%). Поляки же составляли значительную часть жителей, к тому же у них имелась подпольная военизированная организация. Днем 9 октября все поляки вышли на улицы и с энтузиазмом встречали солдат Литовско-Белорусских дивизий как своих ос-

---

Специально для дайджеста «Деды».

* Юзеф Пилсудский родился и провел детство в имении Зулов (ныне Зулава) Свентянского уезда Виленской губернии. — *Прим. ред.*

вободителей от жамойтов-летувисов. Только евреи не разделяли радости польских виленцев.

В тот же день Желиговский издал декрет № 1, в котором объявил о создании нового государства — Средней Литвы:

«Устанавливаю и довожу до общего сведения следующее:

1. Верховную власть на территории Средней Литвы осуществляю я как высший командующий Средней Литвы.

2. В качестве исполнительного органа верховной власти будет призванная мной Временная Правительственная Комиссия.

3. Все декреты будут обнародованы за моей подписью и контрассигнатурой соответствующего директора департамента Временной Правительственной Комиссии.

4. Государственная территория Средней Литвы определяется границами, установленными в литовско-большевистском трактате от 12 июля 1920 г., а также польско-литовской демаркационной линией от июня 1920 г.

5. В качестве герба Средней Литвы устанавливаю щит с Орлом и Погоней.

6. Красный флаг с Орлом и Погоней устанавливаю как флаг государства.

7. Все декреты утрачивают обязательную силу, если не будут представлены учредительному сейму Средней Литвы в день его открытия.

Л. Желиговский»

Одновременно он обратился с воззванием к населению, объясняя цель акции:

«Наш извечный враг занял нашу землю, чтобы водворить на ней кровавое большевистское правление. Не имея возможности под натиском доблестных польских войск ее удержать, враг заключил договор с ковенским правительством и край наш отдал под власть этого правительства. Нас не спрашивали, хотим ли мы идти под власть ковенского правительства, хотим ли мы иметь у себя литовские власти; нами распоряжались без нас, подарили нас ковенскому правительству».

Воззвание заканчивалось обещанием провести в январе следующего года выборы в сейм, который решит дальнейшую судьбу края.

Справка. Люциан Желиговский (Жалігоўскі). Беларус-католик, родился в Ошмянах в 1865 г. С 1885 г. служил офицером в русской армии, участвовал в русско-японской войне, командовал полком.

3 июля 1917 года вступил в 1-й польский корпус генерала Юзефа Довбур-Мусьницкого, и в его рядах в феврале 1918 воевал против большевиков под Рогачевом.

С октября 1918 воевал против «красных» в Добровольческой армии В.М. Алексеева (позже А.И. Деникина), где командовал 4-й польской стрелковой дивизией. В январе 1919 г. его дивизия была доставлена в Одессу, а в апреле она перешла в Западную Украину и вступила в Войско Польское (под названием 10-я пехотная). В сентябре 1919 г. Желиговский командовал оперативной группой, наступавшей на Минск и одновременно своей дивизией, переименованной

Генерал Люциан Желиговский

в 1-ю ЛБД. В 1925–26 гг. был министром Польши по военным делам, в 1926–27 инспектором армии, в 1927–39 гг. — депутатом сейма. В сентябре 1939 эмигрировал в Англию, где и умер в 1947 г. До 9 января 1940 г. в Лиде была улица Желиговского (ныне — улица Дзержинского).

Первоначально территория нового государства состояла из Троцкого повета, 18 гмин Виленского повета, 14 гмин Браславского повета, 8 гмин Гродненского повета, по одной гмине Дисненского, Вилейского и Лидского поветов. К концу ноября она увеличилась еще на несколько гмин, занятых в ходе боевых действий. Общая площадь достигла 10 тыс. кв. км. Кроме Вильни, наиболее крупными городами были Ошмяны, Свенцяны, Сморгонь и Троки (Тракай).

Население Средней Литвы составило чуть более 530 тысяч человек, из них 212 тысяч беларусов (40%), 292 тысячи поляков и евреев (55 %), около 26 тысяч русских, летувисов и прочих (5 %).

***

14 октября Желиговский издал декрет № 2, в котором объявил состав Временной Правительственной Комиссии (ВПК). Она разделялась на департаменты во главе с директорами. Витольд Абрамович был председателем комиссии и одновременно директором департамента внутренних дел. Директором краевой обороны стал полковник Леон Бобицкий, иностранных дел — Ежи Ивановский (деятель польской социалистической партии), продовольственного снабжения — Вацлав Ивановский. Два месяца В. Ивановский по совместительству возглавлял департаменты сельского хозяйства и просвещения. Руководителем отдела беларуских школ в департаменте просвещения он назначил видного беларуского деятеля Бронислава Тарашкевича. Пост начальника отдела транспорта занял беларус Вячеслав Богданович.

Был объявлен призыв в армию мужчин восьми возрастных категорий. Без лишнего шума прибыли из Польши отдельные части 2-й ЛБД. Поскольку вооруженные силы увеличились, вскоре Желиговский разделил их на три дивизии: 1-ю пехотную (Новогрудский, Виленский, Минский полки); 2-ю пехотную (Лидский, Ковенский, Гродненский полки); кавалерийскую (23-й Гродненский уланский полк, 13-й Виленский уланский полк, 4-й Наднеманский уланский полк).

После этого армия пошла в наступление на Ковно (Каунас), захватив по пути местечко Кейданы, расположенное в самом центре Летувы. Только в районе Ширвинтаса летувисам удалось ее остановить. В ходе боев к 29 ноября линия границы изменились в пользу Средней Литвы, в частности, вся железная дорога Гродно — Двинск теперь оказалась на ее территории. Наконец, вмешалась Контрольная комиссия Лиги Наций. Под ее давлением стороны 29 ноября 1920 года заключили перемирие.

***

После захвата Желиговским Виленского края Летува разорвала дипломатические отношения с Польшей и до декабря 1927 года формально находилась в состоянии войны с ней. В этом вопросе Летуву поддерживали власти РСФСР (затем СССР), а также Ковенское правительство БНР Вацлава Ластовского.

В Средней Литве действовали несколько беларуских национальных организаций. В том числе Беларуский национальный комитет, группа бывших слуцких повстанцев во главе с Владимиром Прокулевичем и Петром Жавридом. Объединению с Польшей они предпочитали федерацию с Летувой. Среди их сторонников можно

назвать известных беларуских деятелей Антона Луцкевича и Аркадия Смолича, писателя Максима Горецкого, ксендза Адама Станкевича.

Павел Алексюк создал организацию «Беларуская краевая связь», выступавшую за присоединение к Польше. Имелись также большевики во главе с К. Терещенко и Э. Русецким, эти твердили о необходимости присоединения к РСФСР.

Желиговский запланировал выборы в учредительный сейм Средней Литвы на 9 января 1921 года. Но Лига Наций выступила против выборов. Она предложила провести под ее контролем плебисцит о принадлежности Виленского края Литве или Польше. Для обеспечения свободного голосования руководство Лиги хотело ввести международный контингент войск. Однако против такого варианта решительно выступили правительства России и Польши, каждое – исходя из своих интересов. Тогда Гиманс, министр иностранных дел Бельгии, предложил передать Среднюю Литву республике Летува на правах автономной области, но при условии вступления Летувы в экономический, военный и политический союз с Польшей. Летувисы этот план отвергли, справедливо полагая, что он означает фактическую потерю независимости.

* * *

Беларуские политические деятели по-разному отнеслись к созданию Средней Литвы. Но в любом случае они учитывали, что 40% ее жителей составляли беларусы. Так, эмигрантское правительство Наивысшей рады БНР во главе с Антоном Луцкевичем, находившееся в Праге, поддерживало Среднюю Литву.

Беларусы в составе ВПК стремились влиять на внутреннюю политику этого малого государства, исходя из беларуских национальных интересов, особенно в области просвещения. Так, Б. Тарашкевичу удалось создать Общество беларуских школ. Весной 1921 года в Средней Литве работали 186 беларуских школ, в Вильне – беларуская гимназия, в местечке Баруны – беларуская учительская семинария*.

Местные польские политические деятели были заинтересованы в поддержке режима Желиговского беларуским населением на выборах в сейм. Поэтому они не препятствовали усилиям беларусов на ниве культуры и просвещения.

Однако вскоре беларуские деятели увидели, что перспективы на возрождение в Средней Литве беларуской государственности хотя бы в форме автономного рай-

* Баруны находятся в 22 км от Ошмян. Учительская гимназия была открыта осенью 1920 года, ее создал и возглавлял Симон Рак-Михайловский. Она разместилась в здании бывшего монастыря базилианцев. После заключения Рижского договора польские власти закрыли семинарию. – *Прим. ред.*

она отсутствуют. Поняв это, в конце декабря 1920 года ушел в отставку В. Ивановский, а в октябре 1921 года и Б. Тарашкевич.

Другая часть беларуских национальных деятелей пошла на сотрудничество с правительством Летувы. Ковенское правительство Ластовского 11 ноября 1920 года подписало соглашение с ним. Летувисы официально признали правительство БНР во главе с В. Ластовским, предоставили ему и президиуму Рады БНР экстерриториальное право пребывания в Ковно (Каунасе). Правительство БНР обязалось поддерживать Летуву в ее борьбе за Виленский край.

В секретной части договора сторонники Ластовского обязались обеспечить голосование беларусов на плебисците за присоединение Средней Литвы не к Польше, а к Летуве. В ответ правительство Летувы обещало предоставить в будущем автономию территории, где преобладало беларуское население, а пока взяло на себя финансирование беларуских национальных организаций, газет и журналов, школ, подразделений беларуских войск.

По этому соглашению территориальные споры между сторонами откладывались до момента созыва беларуского учредительного сейма, который путем переговоров с литовским сеймом или переговоров правительства, назначенного сеймом, определит литовско-беларускую границу.

* * *

В Средней Литве существовала своя судебная система, имелись свои деньги (польская марка с надпечаткой), государственная символика и даже почтовые марки. Уже 20 октября 1920 года в продаже появились первые почтовые марки с двумя гербами: польским орлом и беларуской «Погоней». На марках 1920–22 гг. изображены памятники архитектуры, портреты королевы Ядвиги и короля Ягайло, Тадеуша Костюшко, Адама Мицкевича.

Однако страна полностью зависела от кредитов польского правительства, а ее экономика — от экономики Польши и польской валюты. В 1921 году существовали 432 промышленных и около 1370 мелких предприятий. Основную статью экспорта составляло сырье (древесина, лён и прочее).

Большинство населения занималось сельским хозяйством. В 1921–22 гг. в виленском крае был выделен 961 земельный участок для польских колонистов (осадников), а еще 6470 хозяйств, которые принадлежали бывшим военнослужащим и деятелям различных польских организаций, дополнительно получили в среднем по 2,5 гектара на каждое хозяйство. Приобретать землю разрешалось только тем крестьянам, которые являлись поляками или католиками. Попытка проведения земельной реформы с целью смягчения социальной напряженности в деревне завершилась провалом.

* * *

Польша все время оказывала давление на Желиговского, требуя скорейшего включения Средней Литвы в состав Польши. Этим занимался, прежде всего, Владислав Рачкевич — представитель польского правительства при ВПК (он приехал в Вильню в декабре 1920 г.).

В связи с отказом от идеи проведения плебисцита антипольские силы с января 1921 года начали готовить вооруженное восстание. Наиболее активно в этом заговоре участвовали Беларуская партия социалистов-революционеров, беларуские большевики и члены Союза стрелков Летувы. Однако польская контрразведка раскры-

ла подполье. Часть заговорщиков была арестована, остальные бежали за границы страны.

Абрамович в январе 1921 года ушел в отставку. В связи с кризисом в правительстве с 16 января 1921 года исполняющим обязанности председателя ВПК стал лояльный по отношению к Польше генерал Стефан Мокжецкий (бывший генерал царской армии, затем командир 2-го Польского корпуса в России), родом из имения Дитрики Лидского повета.

Через 10 месяцев, 21 ноября 1921 года, пост председателя ВПК занял Александр Мейштович. 30 ноября Желиговский передал ему всю полноту власти, а сам уехал в Польшу.

Лига Наций с 21 сентября 1921 года прекратила свою посредническую миссию. Началась подготовка к выборам в учредительный сейм Средней Литвы. Выборы состоялись 8 января 1922 года. Местные летувисы и значительная часть евреев бойкотировали выборы.

Беларуский национальный комитет в Вильне в конце 1921 года тоже призвал своих сторонников к бойкоту выборов в сейм. В итоге в выборах участвовали 64,4% избирателей, которые избрали только «пропольски» настроенных депутатов. Почти все они являлись сторонниками безоговорочного присоединения Средней Литвы к Польше.

20 февраля 1922 года избранный сейм принял решение о присоединении Средней Литвы к Польше «без всяких условий и оговорок». 24 марта польский сейм принял аналогичное решение и Виленский край в составе 4 бывших уездов присоединился к Польше на правах воеводства.

С 6 апреля 1922 года Средняя Литва стала Виленской землей — на правах воеводства. Прежнее государство, существовавшее почти 18 месяцев, исчезло.

* * *

Наконец, конференция послов Великобритании, Франции, Италии и Японии 15 марта 1923 года официально установила польско-литовскую границу, которая закрепила Виленскую землю за Польшей. Летува отказалась признать это решение. В ее конституции было сказано, что столицей государства является Вильнюс (так летувисы называют Вильню), а Каунас (Ковно) исполняет эту роль временно. Правительство СССР в своей ноте правительству Польши от 5 апреля 1923 года тоже заявило о непризнании данного решения.

В январе 1925 года, в связи с унификацией административного деления Польши, Виленскую землю преобразовали в воеводство. В него вошли 9 поветов с беларускими этническими землями: Браславский, Вилейский, Виленско-Трокский, Воложинский, Дисненский, Молодечненский, Ошмянский, Поставский, Свенцянский.

28 сентября 1926 года Летува заключила с СССР договор о ненападении и взаимном нейтралитете. В этом договоре советское правительство снова подтвердило право Летувы на Вильню и Виленский край.

В советские времена Средняя Литва, в отличие от Лит-Бел ССР, не упоминалась не только в учебниках, но и в научных исследованиях. Лишь в «Советской Исторической Энциклопедии» (том 3, 1963, с. 471–472) имеется небольшая заметка некоего И.А. Кириллина под названием «Виленский конфликт 1920–39», но название «Средняя Литва» в ней не приводится.

АТАМАН ГРАЧ

В тени «Зелёного дуба»

Нина СТУЖИНСКАЯ

Звонок из Екатеринбурга в апреле 2008 года подарил радость неожиданного открытия. Человек из России назвался Юрием Каюковым. Он интересовался историей событий, героем которых был его дед, Владимир Францевич Ксеневич-Грач. В результате из фрагментов, известных каждому из нас порознь, удалось сложить более или менее полную картину жизни героя моего повествования.

Свою часть его истории я добыла давно, в свободные 1990-е годы. В спецхранилище КГБ Республики Беларусь мне посчастливилось тогда ознакомиться с уголовным делом по обвинению В.Ф. Ксеневича-Грача, руководителя Главного штаба партизанских отрядов партии «Зелёного дуба»*. Эту первую часть сложили в Минске беларуские чекисты.

Господин Каюков прислал мне копию следственного дела № 10 613 по обвинению Ксеневича В.Ф. по статье 58-6 УК РСФСР. Оно стало результатом ударной работы сотрудников Балейского районного отдела УНКВД по Читинской области. Таким образом, не прошло и десяти лет, как нашелся источник, запечатлевший финальную часть жизни моего героя.

Материалы из труднодоступного для исследователей архива — протоколы допросов, показания, написанные собственноручно, агентурные донесения, переписка заинтересованных лиц, фотоснимки — датируются 1922–1925 годами. Беларуское дело завели 12 июня 1925 года и за две недели подготовили к суду. Но в нем собраны материалы только об «антисоветской террористической деятельности» Грача с момента его вступления в «Беларускую крестьянскую партию «Зелёный дуб» (осень 1920 г.) и до перехода в советскую Беларусь в октябре 1924 года. Читинские материалы датируются 25 января 1938 — 4 июля 1939 года.

Оба дела завершились приговором к высшей мере наказания. Однако в 1925 году подсудимому удалось ее избежать, заплатив дорогую цену за помилование.

Источников, как видим, немного, потому что деятельность Ксеневича-Грача была законспирирована. Этот момент подчеркиваю специально для любителей «чистоты жанра», неспособных к объективной благожелательной критике.

Уместно также подчеркнуть своеобразие архивных источников такого рода. Надо помнить, что документы следствия появлялись на свет в условиях обоюдной неискренности. Истина была не нужна обеим сторонам. У следователя были одни цели, у подследственного — другие. Документ, который называется уголовным делом с соответствующим номером, пишется в соавторстве. В данном случае это совместное произведение зелёнодубца Грача и следователя ГПУ Африкана Петрова.

По материалам статьи «Непарадны герой беларускай атаманшчыны. Дзве расстральныя справы» в журнале «Arche», 2009, № 1–2, с. 218–248. Перевод А.Е. Тараса.

* Беларуская крестьянская партия Зелёного дуба существовала в 1920–1930 гг. и руководила антибольшевистским крестьянским движением. Она была создана по инициативе Беларуской воинской комиссии и Беларуского политического комитета в Варшаве. — *Прим. ред.*

В истории «Зелёного дуба» сей чекист сыграл не последнюю роль, поэтому надо уделить ему несколько строк. Уполномоченный ОГПУ ССРБ Петров вел почти все дела зелёнодубцев. Грач среди них не первый. В 1921–1922 годы Петров «работал» с несколькими атаманами. В деле одного из их, Владимира Гаркавенко, сохранилась жалоба на следователя в высшие инстанции:

> «Он, Петров, уже с утра не может без ненависти смотреть на подследственных и их родственников, страдая от желания опохмелиться»...

Гаркавенко указал в жалобе на необъективность, предвзятость и жестокость Петрова. Между тем, в литературных произведениях недавнего прошлого было принято изображать чекистов людьми «с холодной головой и чистыми руками», а их жертв — подлыми изменниками, кровавыми выродками и одновременно — жалкими трусами. Таковы, например, очерки Ильи Борисова «о подрывной деятельности антисоветской националистической организации «Зелёный дуб». У него Петров — интеллигентный и сдержанный, Генкин (которому передали дело Грача) — несколько импульсивный, зато умный, прочие чекисты — само моральное совершенство*.

За процессом потрошения «известной птицы» наблюдал заместитель полномочного представителя ОГПУ по Белорусскому военному округу Иосиф Опанский. Борисов пишет о нем, как о человеке, обладающем «большим жизненным опытом», хотя ему было тогда 27 лет, на три года меньше, чем Грачу.

В результате трудных диалогов Владимира Францевича с «интеллигентным» Петровым, настойчивой обработки души и особенно тела подследственного «импульсивным» Генкиным, «ценных указаний» Опанского родился своеобразный очерк жизни, свидетельство сложной судьбы человека, провалившегося вместе со всем обществом в великий социальный разлом.

Владимир Ксеневич, он же — атаман Грач (фото 1924 г.)

ИЗ БИОГРАФИИ

Владимир Францевич Ксеневич родился в июне 1894 года в деревне Альбертин, недалеко от Слонима, в дворянской семье. Отец, Франц Людвигович Ксеневич был подполковник, служил в 118-м Шуйском полку царской армии. Позже он служил в польской армии. Грач в своих показаниях сообщил, что отец в 1924 году занимал должность коменданта города Слонима. Точных сведений о матери нет. Можно предположить, что она из дома Борисевичей, ибо родного дядю Владимира со стороны матери звали Константин Константинович Борисевич. Племянник иногда навещал его в имении Каменское возле Екатеринослава (ныне Днепропетровск).

---

* См.: І. Барысаў. Крах «Зялёнага дуба» /Газета «Звязда» от 15 марта 1991 г.

Долгое время в деревне Малые Городятичи жил второй дядя, брат отца Иосиф Ксеневич. Именно у него нашли приют жена и дети атамана во время его боевых рейдов. На допросе 17 июня 1938 года Владимир Францевич в ответ на требование следователя перечислить родственников назвал сестру Евгению Францевну Венгржиновскую (по мужу), в то время она жила возле Лунинца. Фамилий двоюродных братьев и сестер, которых было много в Западной Беларуси, он не помнил.

Владимир закончил кадетский корпус в Варшаве, а в 1914 году Николаевское юнкерское училище в Петербурге. Вскоре после выпуска из училища его направили на германский фронт. Уже на фронте Ксеневич приобрел специальность сапера. Октябрь 1917 года застал его в Румынии, в штурмовом батальоне VI-й армии.

Несмотря на войну, в 1915 году женился — в очень молодом возрасте. У него родились две дочери — Елизавета (в 1916) и Елена (в 1919). Жена Ксения Максимовна , мать его детей, осталась в тени своего неординарного мужа, о ней сведений мало. Большинство из них содержатся в протоколе, составленном 25 января 1939 года начальником Балейского районного отдела УНКВД сержантом госбезопасности Черемисиным. Супруга проходила как единственный свидетель по делу Владимира.

Ксеневич-Грач с женой и дочерьми (1924 г.)

Она родилась в 1889 году в Петербургской губернии. Знакомство молодых людей, скорее всего, произошло в северной столице России, где учился молодой шляхтич с Гродненщины. В первый свой отпуск с фронта Владимир направился в Москву, куда переехала любимая. Там обвенчались. Медовый месяц длился 15 дней, в военное время — редкая удача. Затем молодой муж поспешил к месту службы, в 4-й корпус под Варшаву.

Следующий раз судьба свела их в начале 1918 года в Рязани, где капитан Ксеневич нашел жену и дочь. Здесь они задержались на полгода. Дождавшись лета, двинулись на родину под видом беженцев. Их гостеприимно принял дядя Иосиф. Как рассказала Ксения Максимовна следователю, уже в сентябре муж в поисках работы уехал к родственникам матери в Екатеринославскую губерню и исчез на шесть лет. После его отъезда родилась вторая дочь.

В 1921-м Ксения неожиданно получила от мужа письмо из Вильни. Он писал, что ходатайствует перед польским правительством о разрешении объединиться с семьей, и советовал ей обратиться к польскому консулу в Минске. Из материалов следует, что в деле атамана было 15 писем к жене. Сохранилось только одно. Остальные отобрали во время следствия, а потом просто выбросили. Обращаясь к супруге, полевой командир писал:

> «Мой милый славный друг, дорогая Киса. Почему от тебя так долго нет ответа? Чем это можно объяснить? Документы уже в Минске. Всё, что от меня зависело, я сделал... Не подумай, дорогая, что я не хочу вас видеть, всё, что я делаю, я делаю для нашего со-

вместного счастья. Ждали так долго, подождем еще немного. До вашего приезда я постараюсь лучше устроиться, чтобы вы не имели забот ни с чем. Пиши чаще, моя радость, всегда жду твоего письма... Целую тебя и деток. Не забывайте меня в молитвах... Пусть бережет вас всевышний... Твой Вовик».

Обычное письмо заботливого отца и любящего мужа...

НА ПУТИ К БЕЛАРУСИ

С окончанием мировой войны и развалом царской армии среди молодых военнослужащих беларуского происхождения вызревали «незалежницкие» амбиции. В этом смысле наш герой типичный продукт революционной эпохи. Он возвращался домой с румынского фронта. Как известно, именно там судьба и обстоятельства собрали много беларусов-военнослужащих, и большинство из них начало патриотическую нациотворческую деятельность именно в окопах. Национальное самосознание привело к желанию политического самоопределения, а это диктовало необходимость участия в борьбе за свое Отечество.

Ксеневич мог вступить в Красную армию. В Рязани он работал в губернском военкомате, но на службу большевикам не польстился, остался гражданским чиновником. С приходом армии Деникина в Екатеринослав летом 1918-го (именно в то время Ксеневич нашел здесь работу) его мобилизовали, и до разгрома генерала он служил адъютантом коменданта города.

В Каменском, под Екатеринославом, жило много поляков. После поражения белых для организации их возвращения на родину приехал представитель польского консульства. Он обеспечил беженцев удостоверениями на право возвращения домой. Получил документы и Ксеневич. Польским эшелоном через Румынию он вернулся в Беларусь.

В оккупированном поляками Минске бывший деникинец узнал о начале формирования беларуской национальной армии и деятельности Беларуской воинской комиссии, комплектовавшей офицерский резерв.

«Я, как беларус, из чисто националистических чувств добровольно вступил в БВК» — объяснил Ксеневич следователю ГПУ мотивацию своего выбора.

Но уже через месяц свежеиспеченный беларуский офицер понял, что это «пустое дело». Патронаж Польского генерального штаба, по его мнению, гарантировал безрезультатность проекта. На полтора месяца Ксеневич задержался в саперной роте № 219 польской армии. Вполне мог остаться служить в Войске Польском, где было много бывших царских офицеров. Но, наблюдая за грабежами беларуского населения польскими военнослужащими, он ощутил себя обиженным беларусом. Особенно подействовал на него случай, когда знакомый польский офицер наказал голодного солдата за попытку поймать курицу у крестьянина-поляка. Брать можно только у беларусов — объяснил начальник. Именно этот инцидент побудил его оставить польскую армию, несмотря на то, что там служил отец, сказал Грач на судебном процессе в Минске.

Не обращая внимание на недоброжелательное настроение аудитории, он эмоционально вспоминал, что открытие своей принадлежности к беларускому народу поразило его ум еще в юношестве. Читая беларуский календарь, молодой шляхтич вдруг ощутил, что это его язык, его земля и страна. Однако толпа, ломившаяся на суд

в минский Дом культуры июньским днем 1924 года, не разделяла пафоса «польского шпиона».

«Когда я учился в Варшаве, меня принимали за русского, в Рязани сотрудники считали поляком, но ни тем, ни другим я не был», — очертил свой беларуский патриотизм Грач.

Он надеялся, что преданость беларуской идее спасет его. Национальная риторика, которую именно тогда стали использовать власти, наличие на вершине политической пирамиды советской Беларуси национал-коммунистов дезориентировало многих. Председатель ЦИК и Совнаркома ССРБ Александр Червяков, член ЦК КПБ и ЦИК ССРБ, нарком просвещения Всеволод Игнатовский по ту стороны границы слыли порядочными людьми. Им верили, к ним шли.

Грач открыто заявлял: «Я — националист-беларус». Зелёнодубец атаман Михаил Крук, перешедший к большевикам за два года до Ксеневича, который старался всех бывших соратников выставить в ГПУ «панскими прислужниками», и то отметил, что Грач «не выносит ничего польского, мечтает о независимой Беларуси». Но Владимир Францевич ошибся в расчетах на союзников-единомышленников среди беларуских большевиков. Они сами уже стояли в очереди на уничтожение — после таких, как он.

С весны 1919 по осень 1924 года Грач боролся с большевиками. Их власть на родной земле он считал случайным явлением, враждебной крестьянской сути беларусов. Горячо желал улучшить жизнь простых людей. «Меня всегда тянуло к моему темному народу», — писал он в своих показаниях. Стоит отметить, что путь выхода из тьмы и упадка боевой атаман видел не в вооруженной борьбе. Он считал, что «школа и только школа на родном языке спасет нацию».

Именно национальная патриотическая позиция привела Ксеневича сначала в Гусарский полк генерала Станислава Булак-Балаховича, потом на бронепоезд «Балаховец», который формировался в Лунинце, а затем в партию «Зелёный дуб». Как он сам отметил, привлекла ее характеристика — «крестьянская».

Лука Дзекуть-Малей

Взгляды Ксеневича продолжали меняться и позже. В гродненской тюрьме, где он в 1922 году отсидел 5 месяцев, изучал Евангелие. В мае 1923 года принял крещение от Луки Дзекуть-Малея (1888–1955), известного беларуского пастыря Евангельской церкви христиан-баптистов, который родился, кстати говоря, на Слонимщине и учился в родном городе Ксеневича. Будущий духовный наставник был на шесть лет старше Владимира, но, вероятно, они познакомились еще в юности.

В том же году Дзекуть-Малей развернул работу в Бресте. Верующие нашли помещение для собраний — подвал под одним из отелей (теперь это улица Советская, 13) и открыли там культурно-просветительскую организацию «Беларуская хатка».

ка (псевдоним Густолес). Идеологом и теоретиком был писатель Антон Левицкий (псевдоним Ядвигин Ш.). Вопросами обеспечения зелёнодубских отрядов занимался полковник Владимир Жуковский, бывший балаховский офицер, а до того — учитель. Появилось информационное бюро, куда вошли семинаристы Янка Струковский, Михаил Басевич, Янка Лембович*.

Главный штаб сначала находился в Лунинце. Здесь отряды комплектовались, вооружались, отсюда направлялись для боевых действий на территорию советской Беларуси. В поместье Бор, возле деревни Большие Чучевичи, в разное время на отдых и перевооружение приходили отряды полковников В. Жуковского и А. Косинского, братьев капитанов Мефодия и Ивана Короткевичей, капитана Владислава Козловского, поручиков Ющенко, Красовского, Лебедева, Терентьева, поручика Тимофея Хведощени (он же Вишневский, Кулевский), братьев Брановицких.

А. Левицкий (Ядвигин Ш.)

О том, как создавался в Лунинце новый центр сопротивления большевикам, написал в своих показаниях в 1939 году узник внутренней тюрьмы НКВД Янка Пешка (Густолес). В 1920 году он учился на курсах учителей в Слуцке. Когда слуцкие повстанцы потерпели поражение и начали отступать на польскую сторону, Янка с друзьями-семинаристами присоединился к ним. Это были Михаил Басевич, Сергей Бусел, Янка Лембович иЯнка Струковский. Молодые люди знала, что на Полесье создаются беларуские воинские части, которые поддерживает польское правительство. Они были готовы продолжать борьбу с большевиками.

Пешка указал вехи своего пути к Лунинцу: Слуцк — Семежево — Вызна — Ленино — Давид-Городок. В Давид-Городке случаков и присоединившихся к ним балаховцев разоружили поляки. Там же перед ними выступил с речью Арсений Павлюкевич. Он сказал: «отвоюем Беларусь, освободим ее и от поляков, и от большевиков». Затем Павел Алексюк добавил, что хотя слуцкое войско разоружено, борьбу против красных в Беларуси надо продолжать, и что поляки помогут. После этого все разоруженные части направились в Лунинец.

Деятельность Главного штаба контролировал Адамович-старший. Как вспоминал Грач, он помогал оформлять партийные документы, изготовлять печати. С ним решали вопросы о составе штаба, его функциях. Многие из членов Беларуского Политического Комитета (БПК) были «зелёнодубцами», и наоборот. Так, атаман Дергач был членом БПК, его адъютант Густолес являлся одновременно секретарем канцелярии БПК и Главного штаба. Фактически, «Зелёный дуб» был вооруженной силой БПК (какое же правительство без армии?).

Главный штаб контролировал почти все стороны боевой и организационной деятельности партии «Зелёный дуб». Он имел четыре отдела: оперативный, агентурный, пропагандистский и дипломатический. Оперативной работой руководил полковник Таалат-Кепш.

Штаб обеспечивал зелёнодубцев личными документами, пропусками, «литерами» (удостоверениями) на проезд, печатал бланки, инструкции, обращения к членам

* Архив КГБ. Уголовное дело «Народнога союза защиты родины и свободы» и «Зелёного дуба». 1921.

партии и населению, вел переговоры с политическими и военными деятелями Польши, Франции, бывшей царской России. Много сил и времени занимало добывание ресурсов для существования и боевой деятельности организации.

Но главные усилия штаба были направлены на координацию действий партизанских отрядов. В течение всего 1921 года Главный штаб определял очередность и районы боевых акций, обеспечивал отряды оружием, боеприпасами, продовольствием, снаряжением, деньгами.

Обычно каждый атаман имел свой оперативный район. Дергач (он же Грозный, Иван Бурилка, Вячеслав Косинский) предпочитал Мозырщину, М. Жилинский и Г. Конопацкий — Игуменщину, хорошо известную им по старой службе. Вдовин, Живица, Мацели — родную Случчину, братья Короткевичи — Бобруйский уезд, свою «малую родину».

Одна из партизанских групп «Зеленого Дуба»

По донесениям разведки Западного фронта, в сентябре 1921 года полковник Грач руководил группой партизанских отрядов, действовавших на Минщине под командованием атаманов Богалевича, Кучинского, Лещенко, Маховченко, Тышкевича, Янушкевича, поручиков Демеша и Полянского, капитана Будкарского.

Агентура информировала, что отряды хорошо вооружены, имеют пулеметы и взрывчатку. Обращали внимание на хорошую подготовку и надежность личного состава, особенно офицерского.

Грач специализировался на разведывательных операциях. Ходил на советскую сторону один или во главе небольших групп (до девяти человек). Обычная экипировка — револьверы, ручные гранаты.

Главной целью таких вылазок являлось выяснение ситуации в районах планируемых боевых акций, сбор информации о настроениях местного населения. Одновременно руководитель штаба инспектировал партизанские отряды, передавал полевым командирам инструкции руководства. Чаще всего он переходил границу в районе деревни Морочь.

Нередко Грачу приходилось вести переговоры с командирами других вооруженных группировок. Так, после ухудшения отношений с поляками, атаман Дергач искал пути взаимодействия с атаманом Сергеем Разумовичем (Хмарой). Он хотел предпринять вместе с ним акции против польских воинских частей. Но польская политическая полиция раскрыла этот заговор. Начались аресты партизан. Взяли и Ксеневича. Он прошел через тюрьмы Бреста, Варшавы, Белостока. В Белостоке сидел с арестованными партизанами атамана Черта, союзника Хмары. Во время допросов их жестоко избивали.

Наконец зелёнодубца перевели в Гродненскую тюрьму. Здесь соседями по камере были коммунисты из Слуцка братья Карасики и братья Барановские. У Грача, таким образом, была возможность выбора между Евангелием и Коммунистическим манифестом.

«ПЕРЕЛЕТ»

Осенью 1924 года жизнь Ксеневича кардинально изменилась. Он перешел на советскую сторону. Его первое уголовное дело начинается с сообщения, что в ночь с 7 на 8 октября в деревне Веремейки на 2-ю заставу 12-го Заславского пограничного отряда явился какой-то Палешанин Владимир Францевич. При нем было удостоверение на имя Грача, начальника Главного штаба партизанских отрядов «Зелёного дуба». Он решительно требовал обеспечить встречу с председателем Центрального исполнительного комитета ССРБ товарищем Червяковым и наркомом просвещения товарищем Игнатовским. С названными деятелями повидаться ему не довелось, но наркома Игнатовского пригласили в ГПУ дать объяснения по поводу столь странного заявления перебежчика.

В первом заявлении Грач сообщил, что он офицер и сын кадрового офицера. Учеба в военных училищах, отметил он, оторвала его от реальной жизни, что и привело к ошибочному политическому выбору. Но последние события, изменения в жизни по обеим сторонам границы, заставили пересмотреть отношение к советской власти. От себя лично и от имени организации «Зеленый Дуб» он обращается с предложением о сотрудничестве. Он заверяет потенциальных советских сообщников в желании «быть полезными своему народу... мы готовы на всё: перейти границу и работать в советской Беларуси, продолжать работу в Польше... Партия готова подготовить восстание».

Оптимистический тон этого обращения дает основания думать, что руководитель Главного штаба боевиков надеялся на хороший прием. Грач пояснил, что «не знает, по какому поводу коммунист Игнатовский предложил им переговоры... но они рассчитывают на общее недовольство крестьянства, на популярность атамана Дергача и помощь советского правительства».

Deja vue. Двумя годами раньше, 30 августа 1922 года, на советский пограничный пост пожаловал атаман Крук с женой и ребенком. Нарушитель государственной границы потребовал встречи с председателем ГПУ Беларуси Яном Ольским-Куликовским, который его якобы ждал. Крук утверждал, что его переход подготовлен заинтересованными службами.

Еще в начале того года Крука неоднократно видели у дверей советской миссии в Варшаве. Из секретной справки ГПУ в деле Крука следует, что предложения об услугах и сотрудничестве в то время просто сыпались от боевиков «Зелёного дуба». Так, в марте заграничный отдел ГПУ (разведка) получил официальное письмо на бланке Крестьянской партии за подписями председателя Дергача и членов штаба, в том числе Грача. Авторы обращения говорили об изменениях в политической ориентации своей организации и предлагали вместе «бороться против панского ига в беларуских уездах на польской стороне». В ответ чекисты затребовали прислать представителя «ЗД» для конкретного разговора и даже гарантировали ему неприкосновенность.

Боевики молчали до лета. В июльском послании атаманы попросили ГПУ направить своего человека в Вильню «для оказания материальной и духовной помощи». С помощью не спешили, и переписка приостановилась. Однако 28 августа в Минске получили телеграмму начальника секретного оперативного управления ГПУ, в которой сообщалось: «днями прибудет представитель Партизанской организации

«ЗД» Крук с несколькими атаманами для переговоров на предмет перенесения штаба «ЗД» в Советскую Белоруссию».

Из Москвы приказали «никаких соглашений с ними не заключать, узнать о деятельности организации, численности людей, пунктах переправ через границу».

Тесные связи «Зеленого дуба» с двуйкой» — 2-м (разведывательным) отделом Польского генерального штаба (ПГШ) не были секретом, поэтому «щедрые» предложения партизан настораживали. Вслед пришло донесение из посольства в Варшаве о намерениях Крука, с рекомендацией «широко его использовать». Особой выгоды ГПУ в лице перебежчика не получило, хотя он старательно выписывал отрицательные характеристики своим соратникам и раскрыл основные этапы своего жизненного пути. Разочарованный следователь отметил, что подследственный оставил «впечатление проходимца, авантюриста и человека без всякой общественной ценности».

Константин Ведюков, он же — атаман Крук

Биографию Крук имел феерическую. Русский, он родился в 1892 году в Казани в семьи надворного советника, закончил лесной институт. Служил у белых, у красных, в польской полиции, во 2-м отделе Польского генштаба (в разведке). Его настоящее имя и фамилию — Ведюков Константин Аполлонович — не знала даже жена. Именем Вадим Холодный подписывал свои опусы в газете «Новое утро». Под этим же псевдонимом выступал в театре.

Этого типа привел в «ЗД» Антоний Косинский, фигура тоже очень темная (только фамилий использовал не менее пяти). Под именем Иван Коршун он играл роль посредника между Махно и советской миссией в Варшаве. Сценарий был похож на зелёнодубский. Махновцы в случае советской поддержки обещали организовать антипольское восстание в Галиции. Кстати говоря, Махно и «Дергач» (Адамович) в одно и то же время были интернированы поляками в лагере Стржалково.

Безусловно, партизанам требовались вожаки определенного психологического склада, поэтому к ним шли люди с авантюрной жилкой. Атаманщина была и средством самосохранения, и вариантом самоорганизации определенных групп населения по обеим сторонам границы. «Полевые командиры» в то время почти полностью утратили материальные стимулы поддерживать польскую власть и ощутили себя достаточно самостоятельной политической силой. Отсюда попытки торговли с разными, даже антагонистическими политическими сторонами.

Самым большим разочарованием минских чекистов в деле Крука стало выяснение того обстоятельства, что никаких полномочий от руководства «Зелёного дуба» он не имел.

Грачу было известно, что Крука расстреляли 5 мая 1923 года в минской тюрьме вместе с атаманом Самусевичем (фамилия настоящая). Но, несмотря на это, он пошел по тому же пути.

Советская контрразведка попыталась поддержать игру. Через несколько дней к Дергачу направился курьер с письмом от Грача:

«В Минске был принят, переговоры вел согласно с заданием, а для окончательных переговоров просит /Грач — *Авт.*/ прибыть самого Дзергача, а в случае, если ему не удастся, прислать надежного человека...»

В доказательство серьезности своих намерений игроки из Вильни должны были представить документы о связях «Зеленого дуба» с польской разведкой. Кроме того, чекисты (играть так играть) нахально затребовали информацию о Булак-Балаховиче и о виленской экспозитуре /2-го отдела ПГШ/. Курьер вернулся в Минск через шесть дней без нужных материалов, но с письмом Грачу от Дергача:

«Дорогой Грачок! Письмо твое получил, все, что ты пишешь, хорошо. Скверно было то, что курьер не передал газет». /Печатная продукция в то время служила важным источником информации, в том числе для разведки. — *Авт.*/

Далее атаман заверял возможных союзников в своей преданности «делу рабочего класса», а главное, забросил информацию о переходе разведчиков от поручика Зацвилиховского-Седичина и Соколова. Письмо к «дорогому Грачку» завершил призыв «Да здравствует Отечество, независимое от польской неволи!».

Чекисты восприняли это послание как продолжение игры. Что особенно вдохновляло, — в письме назывались реальные имена агентов, бывших савинковцев. От имени Грача составили новую бумагу. Моральная, и главное — материальная поддержка была обещана при условии, если курьеру передадут документы со следующей информацией:

1) о сотрудничестве «ЗД» с «двуйкой»;
2) о 2-м отделе ПГШ, его составе, организации и связи;
3) о деятельности генерала Булак-Балаховича по формированию диверсионных банд для налетов на советскую территорию и времени планируемых операций;
4) об иных лицах, которым поручена организация таких же частей;
5) об агентах «двуйки», которые будут заниматься этим делом;
6) об отношений Беларуского посольского клуба /беларусов — депутатов сейма/, других беларуских организаций с польской разведкой и полицией;
7) о возможности «влить» своих людей в диверсионные отряды.

Для эффективной связи Грач «советовал» подобрать двух надежных людей и пользоваться переходом на участке границы Дзержинск — Радошковичи. На пограничном посту надо было просить встречи с Грачом и показать пропуск Дергача.

Еще в первом письме был указан адрес Дергача в Вильне. Но опытный разведчик Станислав (так звали курьера) ощутил опасность и не пошел в квартиру. Встретив десятилетнюю девочку, он дал ей деньги на мороженое и попросил отнести бумажку дяде Арнольду (хозяину квартиры). Еще просил сказать, что дядя Стась сейчас зашел в лавку, но скоро придет. Спрятавшись за деревом в стороне от лавки, курьер увидел, что вместе с девочкой выбежали молодые люди и бросились в лавку. В их намерениях ошибиться было невозможно! Обождав три дня на конспиративной квартире, пока полиция перестала искать советского шпиона, Стась выбрался из Вильни. Игра закончилась.

Длительные допросы Грача дали нужные результаты. Ксеневич сознался, что операция готовилась по инициативе и под наблюдением «двуйки», стремившейся добыть документы, доказывающие организацию антипольского партизанского движения из БССР. Чтобы апеллировать к Лиге Наций, требовались убедительные ар-

гументы. Но, как утверждал арестант, истинные намерения руководства «Зелёного дуба» и его (Ксеневича) личные мотивы были неизвестны польским спецслужбам.

Так или иначе, интересы совпали: беларуская сторона тоже желала документальных свидетельств нарушения Польшей условий Рижского договора. Для раскрытия планов неискренней соседки Грач оказался просто подарком. Операция «Перелет» завершилась. В результате Владимир Ксеневич стал жертвенной овечкой, или «пешкой» в этой игре, как он сам признал.

ЗАПАДНЯ

Как следует из документов, на советской стороне Грача ждали. В тот октябрьский день пограничник Заславской заставы Горинцев, наблюдая с вышки за хуторами на «той стороне», заметил сигнал разведчика Станислава (возможно, того самого курьера, который ходил от чекистов к Дергачу). Взобравшись на крышу, он делал вид, будто чистит дымоход. Если жердь с метлой поворачивалась в сторону Веремеек, а Станислав, закончив работу, дважды проводил рукой по лбу, якобы вытирая пот, и чесал за ухом, это означало, что сегодня ночью ожидается нелегальный переход.

В ночь с 7-го на 8-го были усилены дозоры. Грач, перебираясь через границу, едва не наступил на Кузьму Горинцева, который лежал под кустом. Но перебежчик думал, что его никто не заметил. Кстати говоря, Грач перед этим остановился у местного полицейского, брат которого, сотрудник «двуйки», помог зелёнодубцу перебраться на ту сторону. Возможно, что именно его звали Станислав. На польской стороне было только два дома!

В результате поисков мне удалось выяснить фамилию неоднократно упомянутого Станислава. Польский коммунист Станислав Мартынович Глинский, чье почесывание уха имело глубокий смысл, с сентября 1920-го являлся агентом Особого отдела 16-й армии, который на Западном фронте специализировался в деле борьбе с контрреволюцией и шпионажем, организовывал агентурные сети в зарубежье.

Этот выходец из семьи варшавского рабочего-железнодорожника, одногодок Ксеневича, безукоризненно изображал себя «тутэйшым». За его плечами было большевистское подполье, потом служба в ЧК. Он часто менял места жительства: Иркутск, Рига, Сибирская магистраль, Урал, и опять запад — Минск. В истории зелёнодубцев этот человек сыграл поистине роковую роль.

29 августа 1921 года С. Глинский был награжден орденом Красного Знамени за № 49. Летом того года была уничтожена минская организация «Зеленого дуба» и ее союзники савинковцы, готовившие крупномасштабное антисоветское восстание в Минске — не в последнюю очередь благодаря агентурной деятельности будущего орденоносца. Он встречался накануне акции в окрестностях Слуцка с представителем С. Булак-Балаховича и обсуждал с ним планы организации восстания и захвата Минска. Жертвами его шпионской работы стали около полусотни человек, осужденных за терроризм и антисоветскую деятельность. В ловушку, подготовленную Глинским, попали и две девушки, разведчицы «Зелёного дуба»: Анна Довгерт и Анна Бруевич. Они принимали его за своего, знали как человека Бориса Савинкова, а не как начальника Особого отделения при беларуской ЧК, кем он был на самом деле. За ошибку они заплатили своей жизнью.

На территории Беларуси активно шла операция «Трест». Эту знаменитую мистификацию придумал бывший начальник Особого корпуса жандармов Владимир Джунковский. Председатель ВЧК Дзержинский убедил его стать консультантом большевиков. Бывший жандарм объяснил чекистам, что не следует бегать за террористами-одиночками. Необходимо создавать фиктивные антисоветские организации во главе с деятелями, известными эмигрантам, и заманивать в их сети явных и потенциальных врагов режима.

Печать партии «Зеленого Дуба»

Джунковский и начальник КРО ГПУ СССР Артузов разработали операции «Синдикат-2» и «Трест». Они создали «Монархическую организацию Центральной России» и «Либеральных демократов» — организации-ловушки, настойчиво искавшие контакты с антисоветскими центрами в зарубежье. Оперативная игра длилась шесть лет. Джунковский и Артузов находили для нее все новых актеров.

Выдавая себя за члена подпольной организации «Либеральные демократы», Глинский сумел стать доверенным лицом Савинкова и своим — среди зелёнодубцев. Как один из участников операции «Синдикат-2», он лично отвечал за переход Савинкова и его соратников на доверенном ему участке границы. Для игры со знаменитым террористом 16 июня 1922 года Глинского назначили начальником Заславского пограничного Особого отделения. Глинский и Грачу «помог» перебраться через границу. Под какой фамилией Грач знал Станислава, остается тайной, но, безусловно, они были хорошо знакомы друг с другом.

По каким-то причинам зелёнодубец во время первого ареста скрыл, что имел еще одну явку в Минске, которую получил от Радослава Островского, — к Медведю, председателю ГПУ Беларуси. Признание Грача, сделанное в 1938-м, уже никак не повлияло на судьбу этого чекиста. Он был расстрелян еще в ноябре 1937 года. Филипп Демьянович Медведь в операции «Синдикат-2» тоже принимал непосредственное участие. Руководители «Зелёного дуба» сами нередко удачно блефовали. Но в случая с Ксеневичем им пришлось играть по чужому сценарию. Поэтому Грач и попал в ловушку.

Пример Савинкова, объяснял Грач читинскому следователю, давал надежду на лучшее. Как известно, звезда российского террора, союзник зелёнодубцев и знакомый Грача, был арестован в августе 1924 года. Советский суд продемонстрировал великодушие, смертную казнь ему заменили на 10 лет тюрьмы (правда, в мае следующего года Савинков якобы покончил с собой). Сравнительно мягкое наказание для деятеля такого масштаба явилось хорошо продуманным политическим шагом Москвы, породившим среди части уставших и разочарованных боевиков надежду на взаимопонимание с большевиками. Покаянные речи Савинкова имели колоссальный резонанс:

> «С белорусских окраин Польши сообщается, что среди сторонников Савинкова царит полная растерянность. Можно полагать, что часть из них пойдет по его следам и переменит свое отношение к советской власти».

Грач тоже мог находиться в плену таких иллюзий.

Дезориентируя политических противников, советские спецслужбы одновременно стремились убедить их, что борьба против советского государства не имеет перспектив. Они успешно переверБовывали агентов, используя неустроенность безработных бывших военнослужащих, а самое главное, потерю родины и разлуку с семьями.

Сторонники беларуской независимости оказались под двойным прессом. После заключения Рижского договора ими одновремаенно занялись и советские, и польские власти. Еще осенью 1921 года почти все лидеры беларуского партизанского движения на территории Западной Беларуси были арестованы и заключены в польских тюрьмы или лагеря. По мнению польских политиков, сохранение их баз и масштабная боевая деятельность угрожала военным конфликтом с советской Россией.

Лишь начатая Москвой и Минском партизанская война в Западной Беларуси предотвратила окончательную расправу поляков с антисоветскими организациями. Погромные рейды отрядов Мухи-Михальского (К. Орловского), Смольского (С. Ваупшасава), Цветкова (А. Рабцевича) и других руководителей антипольских формирований способствовали возвращению к делам генерала Булак-Балаховича, и не только его. Зелёнодубцы понадобились для создания антипартизанских отрядов, которым поручили уничтожение террористическо-диверсионных групп, забрасывавшихся с территории ССРБ. За это взялись атаманы Дергач, Вишневский (Хведощеня), Говорухин, Короткевич и ряд других (1). По сути дела, обе стороны, преследуя свои собственные цели, втягивали беларуских партизан в гражданскую войну.

Беларуские политические лидеры в Западной Беларуси были глубоко разочарованы результатами партнерства с польскими властями. Естественно, что их взоры устремились в сторону вероятных союзников: Германии, Ковенской Литвы и даже «советов». Беларуские левые политики-эмигранты все более уверенно заявляли, что «по ту сторону границы советское правительство строит новый дом для беларуского народа» (2). Минск не жалел денег на поддержку политических партий и газет в Западной Беларуси, лояльных по отношению к большевикам.

Кузницей радикальных «красных» кадров стала Виленская беларуская гимназия во главе с Радославом Островским*. Не являлось большим секретом, что это учебное заведение получало денежную помощь из Минска (3)). Именно Островский гарантировал безопасность Грача при подготовке и осуществления операции «Перелет».

Позже Дергач объяснял польскому следователю, что советские деятели в Минске, и Островский с друзьями в Вильне — «одна компания». Во время личной встречи с Грачом накануне отправки за кордон Островский дал ему адреса для контактов в Минске. Поэтому холодным душем для Грача стали слова Всеволода Игнатовского, что это «дело пахнет какой-то провокацией» (следователь показал ему объяснительную записку Игнатовского). Правда, нарком вспомнил о тесных отношениях Островского с виленскими коммунистами и предположил, что именно они могли направить к нему посланца «Зелёного дуба».

---

* Р.К. Островский (1887–1976) был директором гимназии в 1924–36 гг. С 1924 года он сотрудничал с КПЗБ и с ЦК КПБ. Опекал нелегальную комсомольскую организацию, существовавшую в гимназии в 1924–25 гг. — *Прим. ред.*

СУДЕБНЫЕ ДЕЛА

В полуголодном Минске существовал немалый спрос на разного рода зрелища. Недостаток хлеба власти компенсировали политическими шоу. 25 июня 1925 года газета «Звязда» в разделе «Сегодня в театре» и «Зрелища» среди объявлений о планируемых постановках «Мессалины» и «Балаганчика» дала анонс: «Суд. Дело польского шпиона Грача».

К шести часам вечера следующего дня публика до отказа заполнила зал городского Дома культуры. Роли на этом спектакле исполняли: судьи — товарищ Пострейтер, государственного обвинителя — Коноплин, общественного — Барский. Защитником назначили адвоката Крейнеса.

Газеты отметили, что подсудимый «с интеллигентным лицом, хитрыми глазами, резвый» рассказывал о себе и своей организации довольно охотно, даже с задором. Ему не поверили, когда он говорил о своей преданности отечеству. «Никакой он не беларус, говорит с польским акцентом», — вынесли вердикт присутствующие. Его размышления о национальных приоритетах были непонятны новоиспеченным «советским беларусам».

Полуторачасовая речь общественного обвинителя Барского закончилась весьма жестким выводом: «мы в современный момент вряд ли можем позволить себе роскошь отнестись снисходительно к Грачу, если уже новые Грачи лихорадочно готовятся к новым преступлениям».

Поздно ночью судья зачитал приговор: высшая мера наказания — расстрел. Ксеневич-Грач «признавался виновным в организации в контрреволюционных целях вооруженных восстаний для отрыва части Советской Белоруссии, в организации и участии в шпионаже».

Но 2 июля газета «Звязда» сообщила об отсрочке приговора Грачу, осужденному по 1-й части 56-й и 1-и части 66-й статей Уголовного кодекса ССРБ. Ксеневич повторил ходатайство о помиловании в ЦИК. Просьбу он написал на имя Червякова. Грач заявлял, что стал жертвой авантюры:

> «Я хотел бы свои знания, энергию и труд посвятить беларускому народу и хоть немного загладить свою вину перед ним... Мой приход был без злого умысла... не такой я большой преступник и не провокатор».

Заместитель председателя ЦИК Александр Хацкевич приостановил выполнение приговора Верховного Суда. Выписка из протокола № 5 от 3 февраля 1927 года заседания президиума ЦИК ССРБ свидетельствует, что ходатайство Грача о помиловании удовлетворили. Интересно, что решение принималось более чем полтора года. Весной того же года Ксеневич покинул минскую тюрьму. Было ли это заменой одной формы несвободы на другую — вопрос чисто риторической.

Следователям в Балее Грач признался, что жизнь ему подарил Иосиф Опанский. Именно он, заместитель председателя ГПУ, один из основных «трестовских» игроков в Беларуси, приложил много усилий к тому, чтобы выманить Грача на советскую сторону. И он же ходатайствовал перед властями о помиловании. Однако их сотрудничество не имело продолжения. В июне 1927 года Опанский при невыясненных обстоятельствах погиб в окрестностях Минска.

Пытаясь еще раз избежать смерти, Ксеневич сообщил сибирским следователям о своих услугах беларускому ГПУ, а также отделу УНКВД по городу Благовещенску.

Даже просил вызвать сотрудников из этого города, которые бы подтвердили, что он «состоял на работе в разведорганах и свои прошлое стремился загладить». Сказал Грач и о том, что ему предлагали «работу» резидента за границей. Вызывать свидетелей не стали: то ли их уже успели уничтожить, то ли чекистам были неинтересны прошлые заслуги подследственного. Но в доступных нам материалах 1920-х годов нет упоминаний о «помощи» Грача чекистам, хотя в Балее он утверждал, что передавал беларуским спецслужбам информацию о планируемых налетах и ответственных за акции налетчиках.

Популярными сюжетами в тогдашних советских СМИ были поучительные истории о разоблачении и раскаянии «бандитов» и шпионов. По крайней мере в двух таких историях фигурировал бывший руководитель штаба «Зелёного дуба». В конце февраля 1925 года газеты много внимания уделили судебному делу над участниками вооруженного нападения на местечко Койданово (ныне Дзержинск). Это террористическая акция совпала по времени с первой попыткой Грача перейти границу 2 октября предыдущего года. Именно из-за перестрелки на заставе ему пришлось отложить переход на неделю.

Чекист Иосиф Опанский сыграл роковую роль в судьбе атамана Грача

27 февраля 1925 года власти устроили показательный процесс с целью «разоблачения» провокационной роли 2-го отдела польского генштаба. Жителей Рубежевичей Ивана Гайдука и Яна Тарновского обвиняли в том, что они в составе вооруженной группы, организованной ПГШ, под командованием поручика польской армии Каминского в ночь на 2 октября 1924 года в районе хутора Сулы ворвались на территорию ССРБ. Из речи государственного обвинителя следовало, что «бандиты» якобы хотели напасть на Койданово, уничтожить 13-й советский погранотряд, захватить «секретные документы» и освободить «арестованных контрреволюционеров». И все эти подвиги должны были совершить всего-навсего 13 человек!

Понятно, что все это было фальсификацией. Судили молодых парней, задержанных при попытке убежать за границу. Грач впервые участвовал в процессе в роли свидетеля.

Ради придания процессу большего политического значения из Москвы приехал прокурор Верховного Суда РСФСР «товарищ» А.Я. Вышинский. Его звезда истребителя «врагов народа» тогда только начала восходить. Местные власти позаботились о возможно более широком освещении процесса в печати. Зал Верховного Суда не вместил всех желающих.

Отряд шел как на бой, — сурово сообщил суду обвинитель, — держа в руках оружие и гранаты. Возле поместья Старинки его остановил советский пограничный пост. Час длилась перестрелка. В результате Гайдук и Тарновский попали в плен, остальные разбежались. Командир террористической группы Ян Каминский был ранен в ногу. Поручик попытался проглотить какие-то документы, а потом выстрелил себе в висок из пистолета. Вышинский отметил верность офицера воинской присяге. «Решительный человек с чувством чести», — сказал он. Бумажки, вынутые изо рта, издалека показали присутствующим, но об их содержании не информировал. Москов-

ский гость сообщил присутствующим, что Ян Каминский в 1922 году (на тот момент Грильберг) уже был приговорен к расстрелу в советской Беларуси за шпионаж, но потом в результате политического обмена его выслали в Польшу. Правда, неизвестно, кто в действительности застрелился под Койдановым, и застрелился ли вообще.

Вышинский цитировал показания Каминского из прежнего уголовного дела, где тот не пожалел черной краски для характеристики деятельности «двуйки». Обвинитель сослался и на показания Ксеневича-Грача. Последний сообщил суду о совместной оперативной работе с Каминским во время пребывания штаба «Зелёного дуба» в Молодечно в 1921 году, когда организация готовила вооруженное восстание в Беларуси. Грач знал Яна под фамилией Прухняк.

Публика эмоционально отреагировала на «воспоминания» зелёнодубца о нападении на поезд Барановичи — Минск, в котором ехала большевистская делегация, когда польской разведке понадобились подлинные советские документы. «Дороги бандитизма приводят ко 2-му отделу ПГШ», — подытожил прокурор. Ссылаясь на показания Савинкова и Грача, Вышинский вдохновенно доказывал участие польской разведки в подготовке нападения на Койданово.

Наконец, он обобщил: «Койдановское дело затронуло интересы всего СССР». После этого присутствующие поняли, что судебное разбирательство имеет целью обвинение польской стороны в нарушении Рижского договора. «Койдановская искра не зажгла большого пожара, — наслаждался государственный обвинитель. ...А если бы советский отряд дал себя втянуть на польскую территорию», — импровизировал Вышинский, — «О! Сгорели бы добрососедские отношения, которые решительно, упорно, настойчиво строим мы и в некотором смысле польское правительство». Вину за скверные отношения между соседними государствами он возложил на польский генштаб. «Официальные власти здесь ни при чем, стрелял сам ПГШ», — подчеркнул Вышинский дуализм политики польских руководителей в отношении СССР. Показания Грача пригодились для подкрепления этой политической версии.

Постановочные процессы в Минске продолжались и после. Суды проходили по обкатанному сценарию, с тем же составом исполнителей. В газетах даже появились рубрика «Наемники пана Корчевского» (тогдашний польский консул в ССРБ). Власти настойчиво разжигали шпионские страсти вокруг польской дипломатической службы. Почти на каждом процессе упоминался Владимир Ксеневич в связке с заявлениями о провокационной роли польских спецслужб.

ИЗ БИОГРАФИИ

После перехода Грача на советскую сторону Ксению привезли в Минск, в ГПУ. Помощник начальника отдела КРО Дамберг спросил ее, известен ли ей человек по фамилии Грач. Услышав отрицательный ответ, чекист предъявил «Кисе» ее «Вовика». Она признала в арестованном своего мужа, но сказала, что никакого Грача не знает. Минская тюрьма, куда поместили Ксеневича-Грача, опять разъединила их.

После помилования в январе 1927 года Ксеневич вернулся к семье. Пытался жить обычной жизнью, работал техником-строителем в Мозыре. Но совместная жизнь не заладилась. В декабре того же года он оставил жену и детей и перебрался в Оршу. Там нашел приют у своего друга, агронома Неймана, устроился на работу в окружной исполком техником по школьному строительству. То ли не выдержал

атаман испытания семейным счастьем, то ли мешали ему обязанности перед новыми хозяевами, «даровавшими» жизнь. Точно можно сказать, что семейный разлад был хотя и временным, но глубоким. Ксеневичи развелись.

Новой женой Грача на некоторое время стала Степанида Пажиткова, фельдшер оршанской больницы. Правда, если принять на веру материалы следствия, его соблазнили совсем не женские достоинства Степаниды, а ее агентурное мастерство и широкие связи среди военнослужащих. Бывшая невеста белогвардейца, расстреляного «красными», она якобы помогала Грачу в контрреволюционной деятельности. Несомненно, следователь фантазировал.

Но Ксения не уступила фельдшерице отца своих дочерей. Она приехала в Оршу для жесткого разговора с разлучницей. После ее визита Владимир вернулся к жене и детям, жившим тогда в Минске.

Читая материалы следствия, ощущаешь сложность чувств, пережитых несчастной женщиной. Она стыдилась этих глубоко личных подробностей. Ей неприятно было соглашаться со следователем, манипулировавшим списком подлинных и придуманных увлечений мужа. Но надо отметить, что Ксения Максимовна не позволила себе ни одного грязного слова в адрес «Вовика». Она хорошо понимала, что знает об его жизни далеко не все, однако ее допрашивал следователь, и что ее семье угрожает большая опасность. А семья была той главной ценностью, которую она пыталась сохранить в это ужасное время. Ксения ограничилась тем, что высказала сдержанное удивление насчет большого числа женщин, с которыми, как подчеркивал следователь, ее муж «имел близкие отношения».

Красивый — если судить по фотоснимкам; «высокий мужчина с пышными усами» — по словам пограничника Кузьмы Горинцева, видевшего Грача в октябре 1924-го. Сильный, упрямый, импульсивный — так вспоминали о нем знакомые. Шляхетно выглядевший в любых обстоятельствах, атаман Грач притягивал женщин. В каждом новом месте он быстро обрастал романтическими связями. Ему симпатизировали квартирные хозяйки, клиентки Ксении (она была хорошей портнихой), сотрудницы, артистки местных театров. Его ждали в Минске, Орше, Мозыре, на Дальнем Востоке. Правда, имена любовниц и просто знакомых женщин с легкой руки следователей Балея и Читы превратились в списки шпионок, террористок, завербованных и добровольных помощниц «врага народа».

Владимир Францевич Ксеневич (атаман Грач) в 1930 г.

Грач уехал на Дальний Восток в поисках тихого места, как можно дальше от «польских шпионов» и их ловчих. Как он сам объяснял балейским чекистам, его «известность» в Беларуси препятствовала нормальной жизни. Время от времени он встречал бывших соратников. Так, в Минске в 1927

году столкнулся с зелёнодубцем Антонием Косинским (имеются данные, что под фамилией Черепанов тот раньше служил в ЧК ЛитБел), работавшим в государственной библиотеке. В Мозыре увидел бывшего шофера генерала Булак-Балаховича...

После Орши и недолгого пребывания в Минске последним беларуским городом стал для Ксеневича Игумен (ныне Червень). Оттуда в 1931 году, получив согласие на работу в «Дальстройобъединении», он уехал в Хабаровск. Но неизвестные нам обстоятельства заставили его уже через три недели покинуть этот город. Приехавшая вслед жена нашла его в Благовещенске, где они прожили четыре года.

Но нечто или, скорее, некто препятствовал ему оставаться на одном месте, и он продолжил свое движение все дальше и дальше от родины. Следующее место, где задержались Ксеневичи в 1935-м, — Сретенск, строительство верфи. А буквально через три месяца старшая дочь (в замужестве Саватеева) и зять пригласили их к себе в поселок Балей при золотодобывающем комбинате «Балейзолото». В доме № 20 по улице Ведерниковской появились новые жители, а на комбинате — новый техник-нормировщик.

Балей не отличался уютом. Читинская область занимала второе место в бывшем СССР по золотодобыче, что сильно влияло на состав местного населения. Вместе с большим числом политрепресированных, узников Бамлага (строителей Байкало-Амурской магистрали), здесь было много уголовников и всевозможных проходимцев, тянувшихся в надежде на легкую поживу. И в политическом смысле здесь тоже не было спокойной жизни. Начиная с 1929 года советские власти целенаправленно уничтожали лучшую часть крестьянства, которую объявили «кулачеством», а также пресловутых «нэпманов» (мелких предпринимателей) и тех инакомыслящих, что уцелели в предыдущее десятилетие. А в 1937–1938 годы репрессии стали массовыми для всех социальных групп.

Кроме того, общая напряженность значительно усилилась в Забайкалье после оккупации Японией Маньчжурии и создания там марионеточного государства Маньчжоу-го. Обвинения в шпионаже в пользу Японии или Маньчжоу-го были обычной практикой НКВД. Залетев в эти места по воле недоброй судьбы, Грач был просто обречен стать «агентом разведок» соседних стран.

То ли ностальгия не давала покоя бывшему атаману, то ли предчувствие близкого конца, но в 1937 году он из Читинской области на короткое время приехал в Минск и пожаловал в Слуцк. «Собирался найти бывших участников Слуцкой бригады, интернированной поляками, организовать повстанческий отряд», — записал следователь объяснения Грача. На суде Грач отказался от этих героических намерений, сославшись на жестокое обращение во время следствия, издевательства и побои.

Ксеневича арестовали в январе 1938 года по обвинению в шпионаже. Но первые допросы начались только в июне. Видимо, балейские чекисты ждали материалов из БССР. Главным моментом обвинения стала зелёнодубская часть его жизни.

16 апреля 1939 года военный трибунал Забайкальского военного округа вынес Ксеневичу Владимиру Францевичу смертный приговор, с конфискацией имущества. Кассационная жалоба не дала положительного результата. 1 июля отрицательный ответ на просьбу о помиловании пришел из президиума Верховного Совета СССР. А 4 июля 1939 года приговор был исполнен.

Атамана Грача реабилитировали 29 августа 1991 года, через 52 года и полтора месяца после казни. Грач — не миф, а его жизнь далека от парадной. Он герой завтрашнего дня, когда завершится проект построения нашего национального дома.

ЦИТИРОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1) Архив КГБ. Агентурные сообщения. 1924.

2) «За Свободу». 11 августа 1924.

3) Из воспоминаний Софьи Гриц, ученицы Беларуской гимназии в Вильне в 1920-е гг. Записаны автором в 1998 году, когда С. Гриц было 94 года.

26) М. Токарев. Как погиб один из организаторов операции «Трест» (о судьбе заместителя председателя ГПУ Беларуси И.К. Опанского. 1897–1927) /«Советская Белоруссия», 26 июня 1997.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Нина Стужинская — кандидат исторических наук. В 1998–2003 гг. — зампредседателя Беларуской социал-демократической партии («Народная грамада»).

В 2003 году была уволена из Института истории Национальной Академии наук Беларуси. Начальство раздражала ее общественно-политическая, редакторская и писательская деятельность.

Она составила, отредактировала и издала сборник «Палітычныя рэпрэсіі на Беларусі ў XX стагоддзі (Матэрыялы навукова-практычнай канф. 27–28 лютага 1998 г.»; издала в Вильне свою книгу «Беларусь мяцежная: 3 гісторыі ўзброенага антысавецкага супраціву: 20-я гг. XX ст.» (Вільня, 2000); составила, отредактировала и издала сборник «Гісторыя, якой няма ў падручніках (Матерыялы навукова-практычнай канф. 27 красавіка 2002 г.)». Все это шло вразрез с «главным течением» официальной беларуской историографии.

В настоящее время «мятежная» Нина возглавляет общественное объединение «Беларуская женская лига».

IV. Война с народом

Кровавый пласт истории

Максим ПЕТРОВ

ВОЛНЫ ТЕРРОРА

Тема сталинских репрессий против беларуского народа еще более трагична, чем Вторая мировая война. О войне с нацистами очень много написано, снято множество кинофильмов, воздвигнуты тысячи памятников героям и жертвам войны. Наконец, нацистские преступники и их пособники понесли заслуженное наказание.

Что же касается войны против народа, которую сталинисты вели до последнего дня жизни своего вождя, то об этом написано крайне мало. Во всяком случае, ни в школах, ни в высших учебных заведениях ее причины, цели, характер, последствия не изучают. Кинофильмы, посвященные судьбам «врагов народа», можно пересчитать по пальцам. Памятников жертвам большевистского террора фактически нет. А если кому-нибудь и поставили скромный барельеф (как, например, писателю Максиму Горецкому в Минске), то на нем нет ни слова о том, что этого человека убили большевики ради своих преступных целей. Палачи не названы поименно, не заклеймены всеобщим презрением, более того — в своем большинстве остались безнаказанными.

Между тем, политический террор в БССР только в период с 1929 по 1939 годы сломал судьбы, как минимум, 10 % населения! Обоснованно можно утверждать, что история советской Беларуси — это, прежде всего, история репрессий.

Первая волна массового терора накрыла нашу страну в 1929–30 гг. Под ней оказались крестьяне, которых власти подвергли ограблению в форме «колективизации» и «раскулачивания», и так называемые «нацдемы» — то есть все более или менее видные деятели национального движения.

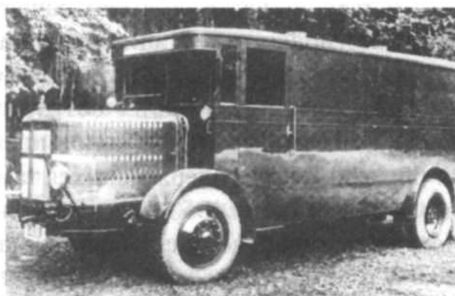
Впрочем, даже в 1923–28 годы в маленькой Беларуси (примерно половина от нынешней территории) арестовывали примерно столько же, а то и больше людей, чем во всей огромной России. В связи с тем, что население Беларуси тогда составляло около 5% от численности населения России, можно сделать страшный вывод: беларусы имели в 20 раз больше шансов быть репрессированными, чем россияне. В двадцать раз! Запомните навсегда эту жуткую цифру.

Вторая волна обрушилась на Беларусь в 1932–33 годы. Она унесла из общества значительную часть научно-технической интеллигенции, управленческого аппарата, а также наших духовных лидеров — священнослужителей разных конфессий.

Специально для дайджеста «Деды».

Третья волна (с октября 1936 до ноября 1938 года) стала самой масштабной среди всех злодеяний бесчеловечного большевистского режима. Минский исследователь Леонид Моряков назвал ее «кровавым тоннелем смерти». Тогда в БССР, с населением около 5 миллионов человек, почти каждую ночь свыше 100 банд чекистов (они именовались «бригадами») отправлялись в своих «черных воронах» охотиться на людей. Бывали ночи, когда в одной только минской внутренней тюрьме наркомата внутренних дел расстреливали по 100 человек!

Историк Владимир Адамушко в книге «Политические репрессии 20–50-х годов в Беларуси» (1994 г.) указал, что за эти два года репрессиям в БССР подверглись свыше 86 тысяч человек! В среднем, 118 человек каждый день! Из них только по официальным (т.е. неполным) данным, были казнены 28.425 человек (33 %).

«Черный ворон» НКВД

Четвертая волна репрессий (1939 – июнь 1941 годов) отличалась от третьей тем, что большинство арестованных уже не казнили. Их отправляли (как правило, без следствия и суда) либо в концлагеря ГУЛАГа – для рабского труда на стройках, на лесоповалах, в шахтах и рудниках, либо на поселение в удаленные районы Севера, Сибири, Казахстана, Дальнего Востока. И в лагерях, и в ссылках смерть быстро настигала людей вследствие труда на износ, голода и холода, издевательств надсмотрщиков, отсутствия медицинской помощи.

Ее особенность еще и в том, что основной удар большевики нанесли по Западной Беларуси, якобы «освобожденной» от «белопольского фашистского террора». За январь 1940 – июнь 1941 года новые власти выслали отсюда в отдаленные районы СССР свыше 122 тысяч человек, среди которых беларусы составили не менее 20 % (фактически намного больше, если учесть, что «поляками» здесь традиционно называли беларусов-католиков). Кроме того, не менее 22 тысяч местных жителей оказались в тюрьмах; примерно половину из них большевики предали смерти.

Пятая волна террора пришлась на 1944–45 годы (в нее попали свыше 100 тысяч человек), *шестая* – на 1949–52 годы (не менее 10 тысяч арестованных).

Из-за отсутствия объективных источников информации вопрос о точных цифрах людских потерь республики в 1930 и 1940-е годы остается открытым. Официальные данные преуменьшают реальное число и арестованных, и заключенных, и казненных, и высланных.

Во-первых, по документам судов, прокуратуры, наркомата (министерства) юстиции проходила лишь небольшая часть репрессированных лиц. Основную их массу составили люди, ставшие жертвами органов внесудебной расправы — «особых совещаний», коллегий, «чрезвычайных троек» или «двоек»» органов госбезопасности. Так, до 90% людей в 1929–33 и в 1939–41 годы были репрессированы без следствия и суда (высланы в Сибирь или Казахстан, на Север, на Дальний Восток), следовательно, без возбуждения уголовного дела.

Во-вторых, многие документы, отражавшие преступную деятельность органов внесудебных расправ, были в свое время намеренно уничтожены. А имеющиеся содержат далеко не полные сведения. Так, в разных регионах бывшего СССР до сих

пор находят все новые и новые массовые захоронения людей, казненных в 30-е и 40-е годы, и о которых нет никаких упоминаний в секретных документах того времени.

В-третьих, сам учет жертв репрессий был достаточно специфическим. Например, людей, которых принудительно разлучали с семьями и отправляли на разные «ударные» стройки, нередко объявляли «мобилизованными». Режим их труда и условия быта мало отличались от особенностей содержания заключенных, но формально они не считались репресированными.

Достаточно часто политзаключенных осуждали по уголовным статьям, и тогда они в учетной документации проходили как «уголовники». Между тем, анализ официальных и неофициальных источников информации, воспоминания узников ГУЛАГа, показания бывших сотрудников органов НКВД свидетельствуют, что в 1937–40 годах в лагерях, колониях и спецпоселениях «политические» составляли от 60 до 80 % всех содержавшихся там лиц, включая женщин и детей. Даже по состоянию на 1 октября 1953 года в лагерях и колониях ГУЛАГа осужденных по политическим мотивам, согласно официальным (фактически заниженным) данным, было 28,5 % от общего числа заключенных.

Поэтому исследователям волей-неволей приходится использовать косвенные данные и на основе их делать примерные оценки. По подсчетам В.И. Адамушко, всего за период с 1918 по 1953 годы на территории БССР по политическим мотивам было репрессировано не менее 600 тысяч человек. Л.В. Моряков указывает значительно большее число — 1 млн. 400 тысяч. Мне кажется, что ближе к истине среднее значение между этими величинами — 1 млн.

Косвенно это подверждают следующие факты. В январе 1937 года была проведена вторая всесоюзная перепись населения. Однако ее данные не опубликовали, так как они показали, что в большинстве союзных республик и ряде областей РСФСР, несмотря на значительную рождаемость, насление сократилось по сравнению с декабрем 1926 года, когда проводилась первая всесоюзная перепись. Причина была только одна — массовые репрессии (в то время заключенных и ссыльных не переписывали). В январе 1939 года была проведена новая перепись. Ее данные опубликовали только в 1995 году — по той же причине.

По национальности жители Беларуси, репрессированные в период 1929–39 годов, распределялись следующим образом: беларусы — 64%; поляки — 23%; евреи — 5,2%; русские — 3,5%; латыши — 1,6%; украинцы — 1,2%; литовцы — 0,6%; немцы — 0,5%; прочие — 0,4% (данные Л. Морякова). Это примерно соответствует соотношению национальностей в нашей республике в то время. В своей людоедской политике большевики одинаково относились ко всем, никаких исключений они не делали.

ОСОБОЕ ВНИМАНИЕ — НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Независимо от того, какая цифра жертв репрессий в Беларуси ближе к истине — 600 тысяч или миллион, понятно, что дубина большевистского террора била по головам всех категорий населения — крестьян и рабочих, военнослужащих и партийно-советских «аппаратчиков».

За 16 месяцев (с августа 1937 по ноябрь 1938 года) в одной только минской внутренней тюрьме НКВД было расстреляно около 6000 человек. Это люди разных про-

фессий, национальностей, возрастов. От 18-летних юношей до 80-летних стариков. В выборе жертв, на первый взгляд, не прослеживается никакой логики. Так, среди казненных крестьян было много и единоличников, и колхозников. Иногда уничтожали сразу целые трудовые коллективы, например, редакцию польской газеты «Orka».

Тем не менее, определенная идея у палачей все же была. В первую очередь и преимущественно их жертвами становились люди, не высказывавшие восторга в связи с тем, что страной и народом правят большевики во главе с усатым вождем — следовательно, потенциально способные к протесту и сопротивлению. Особую опасность, по их мнению, представляли образованные люди, поскольку они в большей степени чем другие граждане способны анализировать текущие события, сопоставлять факты, делать выводы и ко всему относиться критично. Вот почему палаческое ведомство (ОГПУ – НКВД – НКГБ) на всех этапах войны с народом особое внимание уделяло национальной интеллигенции.

Напомню некоторые фактические данные, собранные минским исследователем Л.В. Моряковым.

В 1927/28 учебном году, перед началом первой волны репрессий, в Беларуси действовали почти 5000 школ, в которых работали примерно 10 тысяч учителей. В 4 высших учебных заведениях республики имелись 504 преподавателя, на 6 рабочих факультетах – 120, в 30 техникумах – 566, в 34 профессиональных школах – 408, в 13 фабрично-заводских школах – 157, в 8 учебно-практических мастерских – 45. Всего – 1800 преподавателей.

Из этих 11800 педагогов за 10 лет (1929–1939 гг.) был репрессирован каждый третий – 3935 человек. Это в три раза более высокий уровень репрессий, чем для населения республики в целом!

Из примерно 3000 репрессированных школьных учителей высшее образование имели около 900 человек (30 %), незаконченное высшее – 300 (10 %), среднее специальное (техникум) или незаконченное среднее специальное – около 400 (13,3 %), среднее – около 1000 (33,3 %), незаконченное среднее (семилетку) – 300 (10 %). В сельских малокомплектных школах были учителя и с начальным образованием (150 человек, 5 %). Как видим, большинство учителей (86 %) имело, как минимум среднее образование, то есть, по меркам того времени, они были весьма образованными людьми. Потому на них и охотились.

Из 3935 арестованных преподавателей средней и высшей школы более 700 (17,8 %) было казнено.

Из примерно 550 литераторов, печатавшихся в Беларуси в 1920–1930-е годы, большевики репрессировали не менее 450 (82%), а с учетом авторов, вынужденных покинуть Отчизну и, по сути, прекратить свое участие в творческой жизни на родине, репрессиям подверглись около 500 литераторов (91%)!

Чтобы понять трагизм произошедшего, надо учесть, что основную часть интеллигенции в то время составляли литераторы: поэты, прозаики, драматурги, критики, журналисты, переводчики, публицисты, редакторы, ученые гуманитарных направлений (философы, историки, литературоведы, филологи, географы, краеведы и другие), активно выступавшие в периодической и научной печати, издававшие книги.

Далеко не случайно самыми первыми (18 декабря 1917 г.) большевики арестовали в Беларуси именно литераторов – публициста и деятеля культуры Александра Бурбиса (1885–1922), поэта и общественного деятеля Александра Василу

Антон Балицкий. В 1921–26 гг. — зам. наркома просвещения Беларуси, в 1926–30 гг. — нарком. Один из главных идеологов и проводников политики беларусизации. В 1930-м арестован по фальшивому обвинению и осужден на 10 лет лагерей. Осенью 1937-го казнен

(1888–1943), поэта и литературоведа Игната Дворчанина (1895–1937).

Первым, кого казнили новые власти (18 октября 1918 года в Витебске), тоже был литератор (историк, краевед, литературный критик) Владимир Стукалич.

Первым погиб в ссылке поэт Владимир Жилка (1 марта 1933 года). Ему было всего лишь 33 года.

В июне – августе 1933 года чекисты впервые арестовали сразу большую группу беларуских интеллектуалов (свыше 50 человек). Среди них были Александр Адамович, Николай Азбукин, Адам Бабареко, Петр Бузук, братья Максим и Гавриил Горецкие, Михаил Громыко, Владимир Дубовка, Александр Дударь, Язеп Дыла, Флориан Жданович, Владимир Жилка, Вацлав Ластовский, Язеп Лёсик, Степан Некрашевич, Владимир Пичета, Язеп Пуща, братья Чеслав и Леопольд Родзевичи, братья Александр и Иван Цвикевичи, Василий Шашалевич и другие. Какие имена! Гордость беларуской нации!

Первая массовая казнь беларуских литераторов состоялась в мае 1934 года. В ночь с 17 на 18-го палачи из ГПУ расстреляли прозаика, поэта и журналиста Андрея Капуцкого, педагога и публициста Михаила Кохановича, заведующего отделом газеты «Звязда» Александра Николаева-Островецкого, поэта Александра Соллогуба, научного сотрудника Комиссии по изучению Западной Беларуси при АН БССР, публициста Леонида Бобровича. А всего той ночью они казнили 25 человек.

Первого августа 1937 года на огромном костре во дворе внутренней тюрьмы НКВД в Минске (пресловутой «американки») чекисты сожгли несколько десятков тысяч (!) рукописей. Сгорели произведения, которые не прошли цензуру или были написаны «в стол» – для нас, потомков. Сгорело почти все творческое наследие беларуских литераторов «первого прызыва».

Нет рукописей – значит, нет не только поэтов, писателей, драматургов – нет истории народа! Московские начальники и их местные холуи старались выкорчевать нашу историю, лишить наш народ памяти, превратить беларусов в послушных рабов, не способных обсуждать приказы, какими бы идиотскими они не были.

В ночь с 28 на 29 октября 1937 года, в день Ленинского комсомола и, видимо, в честь 20-летия октябрьского переворота, в Минске произошла акция, аналогов которой еще не знала история цивилизованного человечества. За одну ночь были расстреляны 22 беларуских и еврейских литератора! Это Виктор Войнов, Анатоль Вольный, Платон Головач, Алесь Дударь, Михаил Зарецкий, Василий Коваль, Язеп Кореневский, Алексей Кучинский, Юрий Левонный, Валерий Моряков, Василий Сташевский, Петр Хатулев, Михаил Чарот, Макар Шалай, Павел Шестаков, Яков Бронштейн, Хацкель Дунец, Моисей Кульбак, Соломон Левин, Зяма Пивоваров, Изя Харик, Арон Юдельсон.

Вместе с ними расстреляли бывших наркомов просвещения Александра Воронченко и Александра Чернушевича, директора управления по охране авторских прав

при Союзе писателей БССР Иосифа Куделько, преподавателя Минского педтехникума Игната Афанасьева, заведующего учебной частью того же техникума Михаила Рыдзевского, учителя Ивана Живуцкого, студента исторического факультета Ленинградского университета Соломона Лямперта, заведующего секцией географии Института экономики АН БССР Стефана Маргелова, ученого-агрохимика Григория Протасеню, ученого-физика Евгения Успенского.

А всего в ту жуткую ночь в подвале «американки» приняли смерть почти 100 человек!

Следующей ночью кровавый список погибших литераторов дополнили журналист Прохор Исправников, прозаик Янка Неманский, поэты Тодор Кляшторный и Юлий Таубин.

Среди убитых в 1937–38 годах множество деятелей культуры и науки. Назову хотя бы десяток, чьи имена вспомнились без напряжения памяти: режиссер и драматург Владислав Голубок, актер и режиссер Флориан Жданович, поэт и переводчик Анатоль Деркач, композитор, основатель Беларуского народного хора Владимир Теравский, кинематографисты Николай Стрешнев, Леонид Эпельбаум, Язеп Бахар (один из режиссеров знаменитого фильма «Полесские робинзоны»), ученые-языковеды Бронислав Тарашкевич и Степан Некрашевич, литературовед Михаил Пиотухович, профессор-археолог Александр Левданский. Это все известные люди. Биографий же расстрелянных литераторов Янки Волосевича, Вильгельма Горавского и Язепа Сукало нет даже в шеститомном справочнике «Беларуские писатели».

Владислав Голубок,
первый народный артист Беларуси.
Автор почти 40 пьес на исторические
и социально-бытовые темы.
В 1937-м погиб под пытками в НКВД

Специально для тех, кто привык всегда и во всем сомневаться скажу, что все упомянутые здесь люди были позже реабилитированы. То есть, абсолютно никакой вины за ними не было — даже по советским законам, весьма далеким от гуманизма. Только вот жизнь никто им уже не вернул.

Сопоставляя численность литераторов, репрессированных в Беларуси с аналогичными данными по другим республикам бывшего СССР, мы приходим к неожиданному результату. Российский журналист и исследователь Эдуард Белтов более 25 лет собирал материалы о незаконно репрессированных в 1930–1950-е годы деятелях культуры, ученых и литераторах. По его данным, в Украине было репрессировано около 500 литераторов (из них погибли свыше 150). В России — около 600. А всего в СССР около двух тысяч, причем погибла половина из них. В беседе с журналистом Белтов сказал:

«Репрессированных русских литераторов оказалось меньшинство. Из тысячи по-

гибших примерно 700 – писатели союзных и автономных республик. По национальным литературам был нанесен столь сокрушительный удар, что некоторые из них от него еще не оправились и вряд ли оправятся в ближайшее время»*.

Так вот: из 2000 репрессированных в СССР литераторов около 25 % (примерно 500 человек) приходятся на Беларусь, население которой составляло в то время менее 5 процентов населения СССР! Может быть, кто-то думает, что это – случайность?!

В 1930-е годы московское большевистское руководство целеустремленно и планомерно уничтожало духовный потенциал нашей нации, ее мозг, негативные последствия чего мы испытываем семь десятилетий вплоть до сего дня.

Родственники многих расстрелянных литераторов тоже были арестованы, затем лишены свободы либо высланы. Скромные сведения о большинстве из них завершает фраза, похожая на приговор: «дальнейшая судьба неизвестна». Вот такие «белые пятна» в истории множества семей образуют одно огромное «белое пятно» нашей общей Истории – пятно, которое еще очень долго придется выводить...

МЕХАНИЗМ ЗВЕРСТВ

Свидетельства жертв, а иногда и самих палачей позволили раскрыть механизм деятельности репрессивного аппарата. Раскручивая очередное фальсифицированное дело, чекисты сначала арестовывали заранее намеченных «ключевых фигурантов». Затем путем психологического давления, угроз, шантажа, а главное – пыток, заставляли их давать фальшивые показания не только на самих себя, но и на других – сослуживцев, знакомых, соседей, родствеников. Потом на основании этого «выбитого компромата» арестовывали десятки других людей, с которыми поступали точно так же.

В конечном итоге всех ждал скудный выбор: либо смерть, либо лагерь, либо ссылка. Некий майор Григорьев из управления госбезопасности НКВД СССР сказал в 1938 году одному из подследственных:

«Запомни – от нас уже не выходят. У нас закон: лучше взять из тысячи девятьсот девяносто девять невиновных, чем пропустить одного виновного»**.

За весьма редкими исключениями, чекисты истязали арестованных. Вот всего лишь два официальных свидетельства:

«По вопросу расследования фактов нарушения революционной законности со стороны аппарата НКВД БССР тов. Пономаренко первоначально занял позицию отстранения всех работников, которые принимали участие в избиениях арестованных. Я ему объяснил, что если пойти по этому пути, то 80 процентов всего аппарата НКВД БССР надо снять с работы и отдать под суд». (Из письма наркома ВД БССР А. Наседкина наркому ВД СССР Л. Берия).

«На сегодняшний день 1200 арестованных сидят от 9 месяцев до 2 лет. Этот груз, 1200 человек, будет представлять исключительную трудность по целому ряду моментов. Потому что документировать дела на лиц, которые арестованы 2 года назад, которые обвиняются во вредительстве, шпионаже и терроре, конечно, сейчас будет труднее. Вторая

* «Книжное обозрение», 1988, № 25, 17 июля, с. 7.

** Цит. по статье А. Карпенчука «Цена цены» в газете «Индустриальная Караганда» от 12 февраля 1989 г.

трудность — это следующее: мы оформим этих 1200 человек, а они все 1200 битые, да битые до потери сознания, с отливкой водой да в «парилку». Это даст большую трещину в авторитете наших органов. Ибо ни один арестованный, ни один обвиняемый, который прошел эту школу наших оперативных групп, в свое время молчавший об этом, теперь молчать не будет». (Из выступления зам. наркома ВД БССР Стояновского на республиканском совещании работников НКВД 28 января 1938 г.).

Исследователи выделили несколько мотивов, которыми вдохновлялись сталинские палачи, совершая свои преступления:

1) Вера в правильность политики партийно-советских властей во главе со Сталиным, неоднократно заявлявших, что ради достижения «светлого коммунистического будущего» подходят любые, даже самые грубые методы.

(Как известно, Никколо Макиавелли еще в начале XVI веке выдвинул тезис «цель оправдывает средства». Поэтому очень метко его книгу «Государь» известный борец с большевизмом, наш земляк Иван Солоневич называл «первым учебником большевизма»);

2) Готовность исполнять любые приказы ради собственного самосохранения. Не случайно исполнитель смертных приговоров в рассказе Л. Морякова «И он их узнал» сказал, что «в этой стране есть только два варианта: либо ты убиваешь, либо убивают тебя».

3) Явно патологические (садистские) склонности, благодаря которым психопаты в униформе наслаждались страданиями беззащитных людей.

Первые два фактора в совокупности создавали условия для «творческой самореализации» патологических субъектов. Вот как, например, объяснял свою жестокость следователь Виктор Быховский, прозванный «садистом»:

«Берман /нарком ВД БССР/ и нач. следственного отдела Волчек стали на официальных совещаниях работников существовавшего здесь следственного отдела давать установки совершенно открыто, что если враг не сдается, надо на него воздействовать физически и сломить его...

И я в числе других стал это делать. Я стал применять при допросах к арестованным самые разнообразные методы издевательств...

Я бил и применял всякого рода издевательства... бил их руками... ложил их на пол, сгибал вдвое и ставил сверху стул, садился на него и сидел до тех пор, пока эти лица не начинали давать показания...

Я видел, что в окружении меня поголовно все, от мала до велика, — все бьют... били и оперативные работники и не оперативные...». (Л. Моряков. «Ахвяры і карнікі», Мн., 2007, с. 395–396).

...«Один из специалистов по «ласточке» ударил старика кулаком в живот, а второй схватил за седые волосы и потянул его голову к ногам. Услышался хруст.

В Платоновых глазах поплыл туман. Он еще увидел, как на согнутое подковой тело поставили стул и стажер, довольный тем, что сообразил, куда надо сесть, заулыбался. Старик хрипел. Когда следователь шагнул к нему и отвел для удара ногу, Платон прошептал: — Зверюги!

На удивление, его шепот услышали сразу. Поднятая нога резка опустилась. Еще через мгновение следователь оказался около Платона и с хода замолотил ногами по нему — то правой, то левой. Лупил и хрипел: — Мало тебе было, мало?! Ну так сейчас получишь!» (Л. Моряков. «Непамяркоўныя». Мн., 2007)

Обычно сначала арестовывали отца семейства. Если это был человек образованный, то вскоре приходил черед его жены и детей. Семью образованного человека требовалось обязательно вырезать под корень. Жену через пересыльную тюрьму в Орше в вагоне (который при царском режиме использовался для перевозки животных

Ф.Д. Медведь (1924–25)

Г.А. Пиляр (1925–29)

Г.Я. Рапопорт (1929–31)

Г.П. Матсон (1931-32)

Л.М. Заковский (Штубис) (04.1932–07.1934)

И.М. Леплевский (12.1934–11.1936)

Г.А. Молчанов (1936–37)

Б.Д. Берман (1937–05.1938)

А.А. Наседкин (05.–11.1938)

Руководители палаческого ведомства ОГПУ-НКВД, истреблявшего лучших людей Беларуси

и потому назывался «телятником») этапировали в казахские степи, в АЛЖИР (Акмолинское лагерное отделение жен изменников родины). Детей разлучали не только с матерью, но и друг с другом. Их увозили в закрытые специнтернаты, разбросанные по СССР.

Детей «простых людей» в такие интернаты не посылали, а отправляли вместе с родителями, если те попали на «поселение». Если же родители попадали в ГУЛАГ, то детей просто выбрасывали на улицу, оставляли в лесу или в поле. И ходили потом эти малыши по деревням и городским дворам с протянутой рукой.

КУРОПАТЫ

Смертные приговоры приводились в исполнение в тюрьмах Борисова, Бобруйска, Витебска, Гомеля, Могилёва, Мозыря, Минска (основная часть), Орши, Слуцка, Червеня. Также расстреливали и в лагерях.

Но наибольшее число казней производилось в специально отведенных местах неподалеку от городов. Одно из таких мест получило всемирную известность Это урочище Куропаты, расположенное в нескольких километрах от довоенного Минска. Сегодня оно находится на окраине разросшегося города.

Вообще говоря, правильное название — Броды. Только несколько десятков человек, живших неподалеку в крохотной деревеньке Дроздово, называли это место Куропатами. С весны 1937 по июнь 1941 года сюда почти каждую ночь из Минска привозили на казнь десятки людей. Свидетели — жители соседних деревень, сохранившихся до начала 80-х годов — рассказывали, что выстрелы слышались постоянно: «хлоп-хлоп-хлоп».

Трупы сбрасывали в заранее выкопаные глубокие ямы, сверху засыпали песком. Оценки общего числа закопанных здесь жертв сильно расходятся. Минимальная цифра — 30 тысяч человек, максимальная — 100 тысяч.

Впервые печатная информация об этом месте национальной трагедии появилась в 1988 году. Научный сотрудник Института истории АН БССР Зенон Позняк и журналист Евгений Шмыгалев опубликовали статью в газете «Літаратура і мастацтва» («Литература и искусство») под названием «Куропаты — дорога смерти».

После ее публикации поднялся дикий крик. Бывшие сотрудники НКВД и МГБ, бывшие «ответственные работники» разных уровней (все как один — персональные пенсионеры) буквально зашлись в истерике, обвиняя авторов в разных грехах и полностью отрицая массовые расправы над собственным народом. Но в «стране советов» уже наступили новые времена, она неуклонно приближалась к своему распаду. Заткнуть людям рты или спустить дело «на тормозах» не удалось.

Была создана Государственная комиссия, которая в феврале 1989 года официально признала факт массовых расстрелов в Бродах — Куропатах. А 30 ноября 1989 года Белорусский республиканский научно-методический совет, действовавший при Государственной инспекции по охране историко-культурного наследия, придал этому месту статус «историко-культурной ценности первой категории».

Но точно такие же «Куропаты» были возле каждого областного центра довоенной БССР — в восточной части — возле Мозыря, Гомеля, Могилева, Витебска и Минска. В западной части они за полтора года успели появиться возле Баранович, Белостока, Бреста, Вилейки, Пинска.

БЕСПАМЯТСТВО

Лишь очень немногим из десятков тысяч репрессированных в те годы беларуских семей удалось снова соединиться через 15–20–25 лет. Сотни тысяч ни в чем не повинных людей преждевременно ушли из жизни. За их уничтожение, неважно, быстрое или медленное, организаторы гекатомб так и не понесли судебного наказания.

Но и через 25 лет родственники казненных, погибших в лагерях и в ссылке, не знали правды о судьбе своих близких. После смерти самого выдающегося убийцы всех времен и народов, примерно с 1955 года они в ответ на свои запросы в «компетентные органы» начали получать следующие сообщения: «Ваш отец (мать, брат, сестра, сын, дядя и т.д.) умер от инфаркта (инсульта, туберкулёза и т.д.) в тюремной больнице (лагере, на фронте, по дороге домой)».

А многие из тех, кто не получил даже такой «писульки», еще очень долго продолжали жить надеждой на возвращение своих близких, — вплоть до собственной кончины. Сказано ведь давно и не нами, что надежда умирает последней.

Несмотря на официальную реабилитацию жертв сталинизма, мы не знаем ни подробностей их гибели, ни мест погребения. Если, например, нет в живых родственников погибшего «врага народа», то согласно действующему законодательству никакому исследователю, даже с ученой степенью, личное дело «репрессированного» в архиве ему не выдадут. И это тоже далеко не случайно.

Сразу после развала СССР некоторым удалось поработать в архивах палаческого ведомства, но наследники Бермана и Заковского, Наседкина и Быховского быстро опомнились. Леонид Моряков высказался на этот счет весьма эмоционально:

> «И был же шанс разузнать. Еще вчера. В начале 1990-х. Пропустили. Наплевали на историю! Все время плюём на историю! Не хотим ее знать. Не хотим укреплять фундамент, на котором стоим. Стоим, не рыпаемся, не шевелимся, молчим. Стоим в болоте и молчим».

Более того, беларуские авторы официальных учебников (исторических и не только) пытаются если не оправдать, то хотя бы подретушировать размах и последствия массовых репрессий 1930–1940-х годов. Например, бесстыдно пишут, будто бы тоталитаризм соответствовал «вековой ментальности народа с его традиционным нравственным максимализмом, склонностью впадать в крайности, вечной надеждой на строгого и справедливого правителя»*.

Подобные заявления — гнусная ложь в отношении нашего народа. Его покорили силой в 1919–1920 годы, а потом бесконечно давили и запугивали, пугали и давили. Это потомки тогдашних убийц с красными звездами на шапках, их дети, внуки и правнуки все еще пытаются «охмурять» нас беспардонной ложью. Они убили, сгноили на каторгах наших лучших людей, а сами — ничтожества — заняли их места. Потому и врут, что даже сегодня им есть что терять.

Сталинизм нельзя считать побежденным, пока не восстановлено добрые имена всех его жертв. И пока не названы поименно все палачи.

---

* «История Беларуси». Часть 2 /Под ред. Я.И. Трещенка/. Могилев, 2005, с. 215.

ОТОБРАТЬ И ПРИСВОИТЬ!

Конфискация имущества и жилья в Западной Беларуси (1939–1941 гг.)

Александр ТАТАРЕНКО

Советская историография постоянно муссировала тезис о том, что после 17 сентября 1939 года советская власть «освободила» жителей западных областей Беларуси и Украины «от национального и социального угнетения» со стороны польской администрации, буржуазии и помещиков. Под жителями подразумевались, в первую очередь, беларусы и украинцы, а также пролетарские и беднейшие слои польского и еврейского населения.

Рассмотрим процесс «освобождения» в двух конкретных аспектах: имущественном и жилищном. Но сначала надо сказать несколько слов о тех, кто грабил имущую часть населения.

В Минске хорошо знали, что так называемые местечки («городки») являлись по национальному составу польско-еврейскими, причем в большинстве местечек последние доминировали, а после сентября 39-го их численность сильно выросло за счет беженцев. Например, в Барановичах, центре повета, ставшем областным центром, проживали 45 тысяч евреев.

«Наверху» было решено максимально использовать «еврейский потенциал». Именно евреи повсеместно возглавили Временные Управления, затем — гражданскую администрацию. Документы свидетельствуют, что и число «восточников» с еврейскими фамилиями, прибывших для комплектования новых органов власти, было намного выше среднего.

Так, Барановичский облисполком к 30 июля 1940 года насчитывал 17 отделов, одиннадцатью из них (64,7%) руководили евреи: Гольцберг (Облискусство), Гробштейн (Облпром), Гуревич (Автотранспорт), Луговцев (Облплан), Морозовский (Облтопливо), Новодворец (Облздрав), Пирог (Облдоротдел), Письман (Облпищепром), Сорвило (Облво), Эзрин (Облторг), Яшкин (Облфо).

Некоторые отделы были почти полностью укомплектованы евреями, например, отдел образования — на 95%. Отметим, что такая же картина наблюдалась и в других западных областях. Например, начальником Белостокского облфинотдела, занимавшегося национализацией, являлся Б.Х. Шульман.

Список начальствующих лиц областного уровня (Барановичи) за 1939–1941 годы показывает, что среди 59 представителей «новой власти» было всего лишь 3 беларуса (5%), зато 26 русских (44%), 29 евреев (49,1%) и один украинец! Специфику «национального освобождения» беларусов эта статистика отражает в полной мере.

Главами большинства контролирующих, финансовых и торговых организаций областного и районного звена тоже стали евреи. Например, председатель РПС Дятловского района — Булкин, заведующий Новомышским РАЙФО — Мандель, председатель исполкома райсовета депутатов Скороходкин, председатель Желудокского райисполкома Измер В.Г., зав. горфинотделом Баранович — Гринберг.

Специально для дайджеста «Деды».

Еще один аспект использования «еврейского потенциала» — привлечение евреев в силовые структуры. По материалам архивов автор установил: в сентябре 1939-го отряды «народной гвардии» в Барановичах и других населенных пунктах области возглавили в основном евреи — агенты НКВД СССР или НКВД БССР. Справедливости надо сказать, что, помимо них, в «народную гвардию» входили беларусы и поляки, но их участие было минимальным. /Государственный архив Брестской области, Фонд Р-1, 1935, о. 10, д. 717, л. 1–67./

В УНКВД евреи тоже присутствовали. Например, это начальник отдела пожарной охраны НКВД по Барановичской области Воскресенский, начальник Облшосдора НКВД Клебанов И.Б. /См.: П. Пархута. «З перажытага». «Слонимский край», 2000, № 2, с. 64./

Евреи составили добрую половину судейского корпуса. Документы о подборе и утверждении народных заседателей судов разных ведомств сообщают: в Ивенецком районе 4 судей из 6 были евреи, в Дятловском и Клецком районах из 16 судей 8 евреев, в Лидском и Столбцовском районах — 8 из 20. /См.: БФГА, ф. 188, о. 5, д. 1, л. 15, 18, 96, 115, 123; 127, 199, 214, 251, 252; д. 2, л. 132, 133, 137; д. 3, л. 32, 35, 93, 108, 112, 161; д. 4, л. 455; д. 1, л. 318–320; д. 5, л. 61; д. 6, л. 162; д. 7, л. 468).

Чего добивалась власть таким национальным «перекосом»? Напомним принцип, придуманный еще в Древнем Риме: «разделяй, чтобы властвовать». Во-первых, их руками решали острые вопросы национализации (как следствие, они вызывали ненависть других национальных групп); во-вторых, одна часть евреев («бедные») успешно истребляла другую часть («богатых»).

ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТЕЙ

Во время продвижения войск РККА и НКВД на «крэсы всходние» грабежом промышляли все, кому не лень: красноармейцы, чекисты, местные жители. Они выносили из богатых домов все, что удавалось схватить, например посуду, мебель, инструменты и т.д.

Но, как только появились временные органы новой власти, грабеж приобрел организованный характер. Сохранилось немало свидетельств о том, как он происходил. Вот одно из них:

> «Подчиняясь партийным указаниям, местные якобинцы врывались, выбивая двери, в квартиры врачей, учителей, агрономов, журналистов, торговцев и других, которых считали «чуждым элементом», и штыками — главным своим убеждением — удерживая обезумевших от страха людей, приступали к так называемой «национализации»: грабили, забирая все, что на их взгляд представляло ценность. Деньги и семейные украшения тут же, на месте, делили и распихивали по карманам. Не брезговали постельным и нижним бельем, посудой и продуктами питания.
>
> Вытаскивали из чемоданов и сумок буквально все, вплоть до нижнего белья, придирчиво ощупывая каждый предмет. Брезгливо морщились, если что-то находили, утаенное на черный день — посуду, вилки, тарелки с росписями и вензелями из чистого серебра 84-й царской пробы».

Отобранные продукты, имущество, ценности оседали на складах. Склады имелись в районных центрах и в столице области, они подразделялись на продуктовые, вещевые и специальные.

Продовольственные склады разворачивались в населенных пунктах, на которые распространилась национализация, и находились в ведении председателей районных потребительских союзов (РПС). Они отвечали за сохранность взятого на учет продовольствия путем назначения ответственного за склады и за распределение съестных припасов. О том, как они «отвечали», говорят документы:

Дятлово и район: «мука, крупа, сахар, кондит. изделия и др. доставлялись на дом работникам исполкомов» /БФГА, ф. 188, оп. 5, д. 9, л. 489/;

Ляховичи и район: «председатель Горпо тов. Чушаков отпускал водку и др. продукты по запискам» / БФГА, ф. 188, оп. 5, д. 4, л. 58/;

Желудокский район: «местное руководство имущество делило между собой» /НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 1054, л. 160–161./

То, что оставалось и не успело испортиться, шло в розничную торговлю, но основная часть припасов разворовывалась до поступления на склад.

Вещевые склады были созданы повсеместно. В каждом районе таких складов имелось около десятка, в крупных городах — Барановичах, Лиде, Слониме и Новогрудке — более 30. Склады находились в ведении финансовых органов и подчинялись руководителям соответствующих служб.

Поступив на склад, имущество проходило комиссионное обследование, оценивалось и отправлялось в специальные распределители для советской номенклатуры. Есть свидетельства того, как и куда уходило имущество, изучение которых позволяет говорить, что в действительности судьба отобранного зависела от прихоти одного или двух администраторов, которые распоряжались имуществом по своему усмотрению:

«Зав. Мирским РАЙФО Кильдюшев и председатель Райплана тов. Филиппов оценку /поступившего имущества/ проводили единолично и по заниженным ценам (пианино оценивалось — 500–700 руб. при его действительной стоимости 2000–2500 руб.)» /БФГА, ф. 188, о. 5, д. 11, л. 111/;

«В Новомышском РФО не произведена оценка имущества по 60 актам, а оценка отдельных предметов производилась по заниженным ценам — так, 19 велосипедов оценены по

Боец Красной Армии избавляет несчастных беларусов от злобного польского орла (пропагандистский плакат 1939 г.)

108 руб. на сумму 2650 руб., 10 самоваров по 20 руб., швейные машины по 164 руб., грамофон – 5 руб.». Ковры учитывали метрами, а продавали штуками, и т.д. /См.: БФГА, ф. 188, оп. 5. д. 1. л. 164/

Специальные склады, устроенные в крупных городах и областном центре, подчинялись председателям исполнительных комитетов, их круглосуточно охраняли войска НКВД и РККА. Эти склады служили для приема и хранения золота, серебра, бриллиантов, изделий из драгоценных металлов, картин, книг и других ценностей.

Документально подтверждено наличие двух специальных комиссий, производивших оценку ценностей. Первая комиссия прибыла из Минска и приступила к работе с 20 сентября 1939 года. Никаких документов об ее деятельности не выявлено. Зато известно, что большая часть ценностей исчезла. Ценности, как и другое имущество, присваивались (похищались) путем составления фиктивных описей либо аннулирования таковых, бесплатной раздачи, не внесения оплаты за товар, занижения его стоимости и т.п. /См. документы БФГА (фонд 188, опись 5): д. 1, л. 163; д. 3, л. 145–146, д. 4, л. 9, 115./

Вторая комиссия работала с 25 марта 1941 года. Основание – решение облисполкома № 588 «Об охране и использовании научных, художественных, исторических, меморативных и антикварных ценностей». Состав комиссии: Савченко А.П. (председатель комиссии); члены – Кашицкий, Гольдберг, Эзрин и другие. /БФГА, ф. 188, о. 5, д. 10, л. 446/

Эта комиссия произвела учет, оценку драгоценностей и в соответствие с нормативными актами, требовавшими немедленной доставки ценностей в распоряжение Управления драгметаллов НКФ СССР, подготовила их к отправке в Москву. /БФГА, ф. 188, оп. 5, д. 3, л. 145-146./

Нормальный учет и вывоз ценностей отсутствовал, что подтверждает протокол № 26 от 20.07.1940. «О результатах ревизии Новомышского РФО по госфондам», который требовал: «имеющиеся драгоценности немедленно сдать Госбанку для отправки в Управление драгметаллов НКФ СССР». /БФГА, ф.188, оп. 5, д. 3, л. 145-146./

Вообще говоря, судьба изъятых ценностей – это отдельная тема. Большевики устроили специальные склады в некоторых дальних имениях (владельцы которых с их помощью отправились в мир иной). Вокруг «режимных объектов» поставили охрану, открывавшую огонь на поражение при появлении всякого подозрительного лица. Оно и понятно, никто не желал раскрывать тайну награбленных золотых монет и слитков, изделий из драгоценных металлов, бриллиантов, картин в дорогих рамах, старинных икон, прочего антиквариата. Однако странная смерть бывших хозяев усадеб, не сетовавших на здоровье, и появление в усадьбах людей в военной форме, вкупе с запретом бывать там, вызвали волну самых фантастических слухов.

Чтобы положить им конец, запустили «дезу», будто бы в этих местах работают археологи. В действительности то были не археологи, а особая комиссия. Ей следовало произвести учет и оценку ценностей, загрузить их в ящики, подготовить к вывозу. Тут «искусствоведы в штатском» задумались: а нельзя ли использовать ситуацию в свою пользу и сорвать крупный куш? Произошло то, что и должно было произойти – составлялись фиктивные описи, ценности присваивали, раздавали, кое-кто, войдя в раж от вседозволенности и безнаказанности, стал приторговывать.

В итоге дело все же дошло до наказания «отдельных товарищей». Должностей лишись заведующий общим отделом облисполкома А.Б. Добрусин и начальник облжилуправления М.М. Ващенко. Их обвинили в необеспечении выполнения постановления СНК БССР «О муниципализации и национализации строений на территории западных областей БССР». Лишились своих постов и главы гор (рай) исполкомов: Вороновского — В.П. Костюкевич, Желудокского — В.Г. Измер и Дятловского — Шелепенко, Ивьевского — П.С. Чундеров, Мирского — Прокопенко. Обвинения стандартные: использование служебного положения в целях личной наживы, разбазаривание и присвоение госфондовского имущества.

Отметим интересный момент. Член комиссии Гольцберг, шустро пересчитывавший «фамильное серебро» и знавший очень многое, резко пошел вверх по службе, заняв кресло начальника областного отдела искусств. Но уже через пару месяцев и его отдали под суд с любопытной формулировкой — «за опоздание на службу на 1 час 10 минут». Впрочем, удивляться нечего — преступники избавлялись от нежелательных людей. Отделавшись от них, П.К. Пономаренко (первый секретарь ЦК КПБ с июня 1938 г.) распорядился «имеющиеся драгоценности немедленно сдать Госбанку для отправки в Управление драгметаллов НКФ СССР», которое находилось в Москве на Неглинной улице.

До сих пор не выяснено (пытались ли?), куда и сколько в октябре 1939 — июне 1941 года переправили драгоценных камней и украшений, золота, серебра и изделий из них, где документы, подтверждающие транспортировку.

ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС

Чтобы оценить то значение, которое имели пресловутые «квадратные метры», надо представлять себе подлинную сущность советской администрации, и цели, которые она перед собой ставила. Захватывая часть польского государства, Москва имела четкий план: значительную часть здешнего населения депортировать в «места отдаленные», прочих — превратить в обычных советских граждан. В рамках плана было предусмотрено и решение проблемы жилья за счет тех, кого избавили от «польского ига».

После сентябрьского «освободительного похода» Сталин ускоренными темпами превращал бывшие «крэсы всходние» в плацдарм для вторжения в Европу. Туда массово хлынули советские и партийные функционеры, чины НКВД и РККА. Всех ждало досадное разочарование — для них, привыкших жить в удобстве, не приготовили добротного жилья и, что важно, не думали его строить. Правда, жилье еженедельно высвобождалось в результате повальных «зачисток» — своего рода «репетиций» к массовым депортациям вчерашних польских чиновников, военнослужащих, жандармов и полицейских. Тем не менее, «метров» сильно недоставало.

Между тем местные жители были уверены, что преследование бывших польских чиновников и служащих, армейских и полицейских чинов не имеют к ним никакого отношения. Но как только завершился «конфетно-букетный» период встречи войск РККА, всеобщего ликования «низов» и юридического оформления факта захвата польских земель, им пришлось понять смысл фразы «от ярма освободили, а хомуты наденем», которой красноармейцы осенью 1939 года одаривали «западников»» /См.: Якавенка В. Надлом. Мн., 2003, с. 128./

Одновременно с комплектованием органов управления новая власть создавала нормативную базу для формирования жилищного фонда. Известны три группы документов такого рода — партийные, советские и решения местных властей. Укажем некоторые из них.

а) Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О национализации промышленных предприятий и учреждений на землях Западной Украины и Западной Беларуси» (от 3.12.1939 г.).

б) Постановления Совнаркома БССР № 121 «О проведении инвентаризации всего домашнего фонда в западных областях БССР» (от 20.12.1939 г.); «О порядке учета, хранения и реализации имущества государственного фонда на территории западных областей БССР исполкомами» (от 9.01.1940 г.); «О национализации автопредприятий и автотранспорта в западных областях БССР» (от 7.02.1940 г.); «О муниципализации и национализации строений на территории западных областей БССР» (от 10.05.1940 г.); «Об учете и реализации государственных фондов в западных областях БССР» (от 6.08.1940 г.).

в) Постановления Барановичского облисполкома: «О национализации предприятий металлообрабатывающей, химической, легкой промышленности на территории Барановичской области» (от 11.12.1939 г.); «О национализации банков» (от 11.12.1939 г.); «О проведении муниципализации и национализации по Барановичской области» (от 5.07.1940 г.).

А всего — более 300 нормативных актов, принятых в период с декабря 1939 по май 1941 года. Эти документы служили руководством к действию для многотысячной армии советских чиновников.

* * *

Решение «квартирного вопроса» мы рассмотрим на примере Барановичской области.

Органом, отвечающим за создание жилищного фонда, стал Облисполком (председатель Царенко С.И.) и его структуры — областное Бюро инвентаризации, жилищный и финансовый отделы*. Кстати говоря, Бюро инвентаризации жилищного фонда было учреждено упомянутым выше постановлением СНК БССР от 20 декабря 1939 года (№ 121), название которого говорит само за себя — «О проведении инвентаризации всего домашнего фонда в Западных Областях БССР».

Вот некоторые данные, характеризующие работу облисполкома: первое его заседание состоялось 11 декабря 1939 года и до конца года еще два раза — 17 и 29 декабря. За столь короткий отрезок времени чиновники рассмотрели 24 вопроса, 10 из них касались национализации. В 1940 году прошли 46 заседаний, следствием которых стали 1187 решений, 409 из них (34,4%) — по вопросам изъятия жилья и имущества. В 1941 году за неполных 6 месяцев комитет собирался 22 раза, рассмотрел 839 вопросов, 184 из них (22%) имели тот же характер. Последнее заседание датируется двумя неделями до начала войны — 12 июня 1941 года. А всего за 20 месяцев: 71 заседание, 2050 решений, в том числе 603 (29,4%) по вопросам изъятия жилья и имущества.

* Область была учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 декабря 1939 года, а Облисполком образован Президиумом Верховного Совета БССР 7 декабря 1939.

Взятие под охрану домов и квартир. До конца 1939 года в руки большевиков попало около 10 тысяч квартир, жилых домов, имений, ранее принадлежавших польским гражданам, но покинутых ими. Эта цифра не отражает всю картину, поскольку фактически объектов жилого фонда насчитывалось больше. Так, по состоянию на 8 октября 1939 года на территории западных областей БССР подразделения НКВД и отряды «народной гвардии» охраняли 1700 фабрик, заводов и учреждений. /См. «Гісторыя Беларусі». Мн., 1998, с. 223./ Между тем, имелись квартиры и жилые дома владельцев предприятий (имений) на территории их владений. Но данные о жилье такого рода в отчеты не включались.

Тем не менее, десяти тысяч жилых объектов было слишком мало для расселения «номенклатурных товарищей» с их семьями. Вот что отмечают исследователи:

> «В январе 1940 года вышел приказ об оправке туда /в западные области БССР/ 17 тысяч аппаратчиков. До конца года цифра мобилизованных достигла 31 тысячи». (История имперских отношений. Мн., 2008, с. 333.)

А ведь кроме партийно-советских и комсомольско-профсоюзных работников сюда приехали десятки тысяч офицеров армии, пограничных, внутренних и конвойных войск, органов НКВД, милиции, суда и прокуратуры.

Патруль «народной гвардии» и бойцов РККА на улице в Ошмянах (октябрь 1939 г.)

Путь решения жилищного вопроса большевики увидели в массовой экспроприации жилья у «богатеев», «эксплуататорских» и «враждебных» элементов. Заодно с изъятием жилья следовало изымать материальные ценности. А делать это должны были евреи. Тем самым их стравливали с основной массой населения — беларусами и поляками, во-вторых, острую проблему большевики решали как бы не сами, а «чужими руками».

Учреждение специального органа по проведению национализации. К лету 1940 года формирование фонда жилья приобрело настолько широкий размах, что назрел вопрос централизации руководства этим процессом. 5 июля 1940 года постановлением «О проведении муниципализации и национализации по Барановичской области» был учрежден специальный орган*

---

* В свою очередь, это решение базировалось на постановлении СНК БССР от 10 мая 1940 г. за № 672 и на инструкции Наркомата коммунального хозяйства БССР от 2 июня 1940 г. «О проведении муниципализации и национализации в запад. обл. БССР в 1940 году».

В нем говорилось:

«Организовать Комиссию Облисполкома по проведению муниципализации и национализации в составе: Председателя Комиссии – Зам. Председателя Облисполкома Сержанта и членов Комиссии: Зав. Облкомхоза тов. Шведа, Нач. Облжилуправления Ващенко, Архитектора Плахотнюка»*.

Постановление установило срок завершения работы Комиссии – к 1 января 1941 года, а также обязало представлять «материалы по муниципализации и национализации каждую десятидневку на утверждение Облисполкомом». /БФГА, ф. 188, оп. 5, д. 3, л. 21./

Национализация жилья осуществлялась в самой жесткой форме. Рассмотрим ее составные элементы.

Учет жилого фонда. К весне 1940 года на исполкомовском учете числилось около трех тысяч домов и квартир. Основанием для этого стало решение облисполкома от 21 декабря 1939 года. Оно требовало «до 25.10.39 г. провести инвентаризацию и учет всего брошенного бесхозного имущества, инвентаря, товарно-материальных ценностей в брошенных домах, квартирах, складах, магазинах и имениях и зачислить в доход государства». /БФГА, ф. 188, оп. 5, д. 1, л. 17./

Регистрация домовладельцев. Она производилась в соответствии с постановлением облисполкома от 20 января 1940 года «О регистрации и документировании иностранцев, проживающих на территории области». Как гласит документ, регистрация проводилась в целях обмена и выдачи паспортов. Власти обязали всех лиц, проживающих на территории области, в период с 25-го января по 1-е февраля 1940 года явиться в паспортные столы уездных отделов РКМ по месту жительства, с имеющимися у них польскими паспортами или другими документами на право проживания в бывшем Польском государстве. В случае неявки предусматривалась мера административного воздействия – «штраф в размере до 100 рублей». /БФГА, ф. 188. оп. 5. д. 1. л. 122./

Именно регистрация стала первым шагом к будущей трагедии.

Составление списков домов, подлежащих изъятию. После учета имущества, который включал опись домов и квартир, предназначенных к национализации, начались определяться со списками. Отметим, что еще осенью 39-го таковые составили Временные Управления. Этот факт подтверждает, в частности, распоряжение о предоставлении в Барановичи «характеризующего материала на людей из бывших крупных владельцев, купцов». / БФГА, ф. 188, оп. 5, д. 1, л.201–202./

«Казус белли» – формальный повод для отъема жилья у законных хозяев искали недолго. Таковым стало владение домами «площадью более 113 квадратных метров»...

Обмер жилья. Обмером домов занималась местная администрация. Имеются документы о том, что обмеряли те дома и квартиры, которые приглянулись представителям власти, и что размер жилой площади не играл особой роли. Соответственно, обмер производился не только до принятия решения о судьбе того или иного домостроения, но и после него, что подтверждают документы. Например, протокол № 27

---

* Рафаил Иванович Сержант занимал пост заместителя председателя Облисполкома с мая 1940 года. В его обязанности входили вопросы коммунального и жилищного хозяйства, социального обеспечения, физкультуры.

от 21 августа 1940 года «О работе Несвижского Райисполкома» констатировал, что «не закончен обмер жилых площадей национализированных и муниципализированных домов». / БФГА, ф. 188. о. 5, д. 4, л. 97./

Несмотря на постановление СНК БССР № 672 (от 10.05.1940 г.), установившее размер полезной и жилой площади, подлежащей изъятию — свыше 113 кв. м, члены Комиссии по проведению муниципализации часто «представляли домовладения на утверждение Облисполкома в преувеличенном размере жилой площади». /БФГА, ф. 188, о. 5, д. 7, л. 414./

Постановления о национализации и муниципализации (списки) и об отмене национализации (жалобы, протесты прокурора) сообщают, что власти на это шли намеренно.

Отнесение домостроений к числу бесхозных построек. Администраторы умышленно относили приглянувшееся жилье, даже с хозяевами, к разряду якобы пустующих бесхозных строений. Изучение списков о национализации, прокурорских протестов и других документов дает такую картину: по одной группе документов (списки) к пустующим домам отнесены 135 домов и квартир. Вторая группа документов (жалобы) свидетельствует, что 457 домов и квартир в Барановичской области были умышленно отнесены к «пустующим». В том числе в Лиде — 152, в Новогрудке — 90, в Несвиже — 44, в Зельве — 40, в Барановичах — 34, в Воложине — 22, в Ляховичах — 17, в Дятлово — 14, в Мостах — 11, в Радуне — 10, в Городище — 8, и так далее.

ПРАКТИКА ОТЪЕМА ЖИЛЬЯ

Сохранилось немало документальных свидетельств о тех грязных методах, которые использовали органы советской власти, формируя жилищный фонд для себя.

Захват. Захват жилья начался с первого дня вторжения РККА — с 17 сентября 1939 года. В первую очередь — домов и квартир польских чиновников и состоятельных граждан, которые покинули жилища, опасаясь за свою жизнь. Когда лучшее жилье досталось «восточникам» первой волны, администраторы из местных выдвиженцев, стремясь заполучить жилье, начали выбрасывать детей из школьных зданий. Такие факты имели массовый характер. Вот несколько примеров.

«д. Углы, бывшая Начальная Школа (на 80 учеников) используется под квартиры чиновников. Решение вынес Крестьянский Комитет;

д. Петровичи, бывшая Начальная Школа (на 80 учеников) захвачена под квартиры самовольно;

Новогрудок, Неполная Средняя Школа № 5 (60 учеников) также самовольно приспособлена под квартиры;

д. Малые Степановичи Мостовский район, Начальная Школа (30 учеников), самовольно местные чиновники приспособили ее под свои квартиры»*.

Но в 1940–1941 годах методы несколько изменились, правда, только по форме, а не по существу. Вошли в употребление такие формулы как предупреждение, уплотнение и выселение.

* Собрание постановлений и распоряжений правительства БССР. 1940, с. 846–851.

Предупреждение. Выносилось на основании пункта 3 постановления облисполкома № 173 от 7 марта 1940 года. Оно требовало «вручать предупреждение о выселении бывшим хозяевам национализированных домов...». /БФГА, ф. 188, о. 5, д. 1, л. 236./ Найти документы, подтверждающие факты получения таких предупреждений жителями области автору не удалось.

Уплотнение. Первый по времени документ по данному вопросу, это постановление Президиума облисполкома от 20 декабря 1939 года. Оно разрешало уездным исполкомам «производить уплотнение домовладельцев в домах подлежащих национализации и муниципализации, а также произвести уплотнение в домах врачей, занимающих лишнюю площадь». /БФГА, ф. 188, оп. 5, д. 1, л. 19./

Вот пример, показывающий, как оформлялось уплотнение. 24 января 1940 года облисполком принял постановление «Об уплотнении владельца Мирского С.Д.». Оно предусматривало «уплотнить домовладельца Мирского Самуила Давыдовича, проживающего в гор. Барановичи по ул. Комсомольской № 5, каменный двухэтажный, размер (длина 15,8 на 11,9) и предлагало «Барановичскому Горсовету произвести уплотнение Мирского Самуила Давыдовича, согласно положения о квадратуре на членов его семьи». /БФГА, ф. 188, о. 5, д. 1, л. 133./

А вот как уплотнение производилось:

> «Наш дом обмерили и, согласно требованиям муниципалитета, пришли к выводу, что он слишком большой и к нам можно подселить жильцов. Солдаты НКВД обыскали дом, разыскивая то, что мы могли спрятать». /Коган Дж., Коген Д. «Як мы перажылі Халакост з яурэйскім партызанскім атрадам у Беларусі». Мн., 1999, с. 164./

Факты свидетельствуют о том, что уплотнение применялось вплоть до 22 июня 1941 года.

Выселение. Выселять стали уже с сентября 1939 года. Об этом говорит протокол облисполкома № 2 от 29 декабря 1939 года, из которого видно, что в сентябре — декабре 1939 года такая мера применялась в массовом порядке. /БФГА, ф. 188, оп. 5, д. 1, л. 20/

Всего имелись 180 списков с 3 тысячами семьей из 27 городов и местечек области, которые подлежали выселению. Но это — только верхушка айсберга. На деле жертв было значительно больше, так как имелись еще списки Временных Управлений и те, что не отсылались выше, а утверждались на месте.

В 1940 году выселяли якобы «цивилизованно» — в соответствии с пунктом № 3 постановления облисполкома № 173 от 7 марта того же года — давали 10 дней на освобождение жилья и лишь затем «высылали с занимаемых ими квартир...». / БФГА, ф. 188, оп. 5, д. 1, л. 236/

Но «цивилизованно» было только на бумаге. Среди архивных документов не обнаружено ни одного списка домовладельцев, получивших уведомления о выселении, нет там и типовых бланков (извещений) о выселении.

Зато имеются воспоминания о том, как происходило выселение:

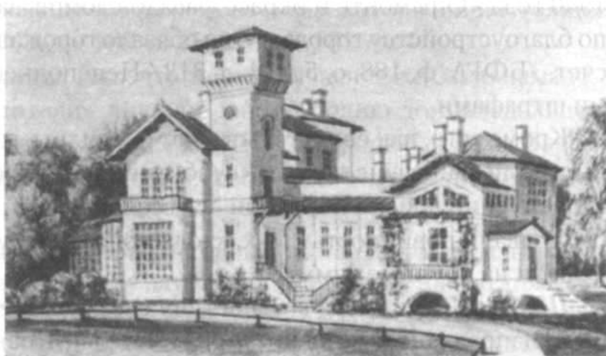
> «В глазах жильцов стояли слезы. Их взгляды бегали по холодным и самодовольным лицам грабителей, как бы ища возможность отодвинуть нагрянувшую беду. Но слова «пощада» и «человечность» в лексиконе советской власти не значились. Приказав собраться и зачитав вердикт о выселении, людей, не жалея ни 80-летних стариков, ни матерей с младенцами на руках, вышвыривали, как собак, на улицу». /Татаренко А. Приговоренные коллективизацией. Газета «Народная воля», 2002, 16 марта./

Только в сентябре 1940 года таким способом вселились 102 семьи в Барановичах, 89 — в Лиде, 25 — в Ляховичах.

Тысячи людей советские чиновники выбросили на улицу из собственных жилищ. Например, только в один день — 17 декабря 1940 года — армию бездомных пополнили сразу 770 семей — в Барановичах, Дятлово, Ивье, Лиде, Несвиже, Новогрудке, Слониме. /БФГА. ф. 188, оп. 5, д. 1, л. 375/

Согласно документам, обычной практикой представителей советской власти при выселении являлось избиение людей, выбрасываемых на улицу. Например, протокол № 2 заседания Президиума облисполкома от 29 декабря 1939 года обязывал «прокурора в 3-х дневный срок расследовать и привлечь к ответственности по фактам применения физических мер к гражданам со стороны работников жилищного отдела при выселении».

Протокол № 12 от 7 марта 1940 года пояснил, за что избивали — «в большинстве случаев в национализированных домах по-прежнему проживают бывшие хозяева».

В таких зданиях, изгнав законных владельцев, селились новые «хозяева жизни». Особняк в Пружанах

«Красный губернатор» — председатель облисполкома, зная о массовой практике избиений, поступил вполне по-советски, предложив горисполкомам «еще раз вручить предупреждение бывшим хозяевам национализированных домов и после десятидневного срока в случае не освобождения, высылать с занимаемых ими квартир».

Не церемонились большевики и со своими добровольными помощниками — евреями, осенью 39-го показывавшими дорогу советским танкам, а затем верно служившими своим хозяевам. Вот что пишет в книге воспоминаний Ю. Рафес, отец которого, Исаак Рафес, являлся руководителем Временного управления в Ляховичах:

> «Папа был приглашен к первому секретарю райкома партии, и его попросили освободить нашу квартиру, так как в ней должен жить он — глава администрации города, первый секретарь райкома». /Рафес Ю. Дорогами моей судьбы. Балтимор, 1997, с. 74./

Аналогичных примеров можно привести немало.

К лету 1941 года областной фонд жилья (речь идет исключительно о жилье для партийно-советской номенклатуры) насчитывал 2635 квартир и домов. /БФГА. ф. 188, о. 5, д. 1, л. 375/

Замена национализации муниципализацией. После создания областной комиссии по национализации списки домовладельцев, обреченных на изъятие жилья, правил лично Р. Сержант. Суть его правки сводилась к тому, что решение о национализации заменялось формулировкой «муниципализировать». Ни одного решения о возврате незаконного изъятого жилья комиссия, работавшая до 22 июня 1941 года, не приняла.

ПОБОРЫ И НАКАЗАНИЯ

Ремонт мостовых. Избавленным от «польского ига» местным жителям пришлось, начиная с лета 1940 года, своими руками ремонтировать дороги, разбитые техникой РККА. Уклонение каралось нещадно. Установлены также случаи, когда граждане, помимо трудовой повинности, оплачивали и сами ремонтные работы. Например, 13 августа 1940 года заведующий Щучинским райкомунхозом выписал счета «гр. г. Щучина Каплану Ицку 1263 руб. 52 коп., гр. Скубскому Янкелю — на сумму 343 руб. 44 коп. и др. гражданам» для оплаты ими мощения улиц и укладки тротуаров. /БФГА, ф. 188, о. 5, д. 4, л. 197/

Ремонт фасадов. «Западники» возрождали и дома, пострадавшие от той же Красной Армии. Пример — решение исполкома города Барановичи № 9 от 8 мая 1940 года «О ремонте и окрасе фасадов домов, заборов ворот и иных мероприятий по благоустройству города». Оно обязало горожан выполнить все эти работы за свой счет. /БФГА, ф. 188, о. 5, д. 4, л. 313/ Неисполнение каралось крупными денежными штрафами.

Кроме того, как свидетельствуют очевидцы, городских жителей систематически выгоняли на бесчисленные «субботники» — так называемые «праздники труда». В оцеплении войск НКВД они «с веселой песней на устах, но с грустью в глазах отрабатывали повинность». Тех, кто уклонялся от участия в субботниках, тоже штрафовали на крупные суммы.

Штрафы. Эта мера воздействия касалась всех категорий граждан, но ее острие было направлено против предпринимателей, в основном, торговцев. Типичный пример: председатель Василишковского райисполкома тов. Смаргович «единолично оштрафовал 19 граждан местечка Василишки на сумму 34.971 руб.» /БФГА, ф. 188, о. 5, д. 2, л. 34–35./

Естественно, люди стали жаловаться в вышестоящие инстанции. Прошла проверка. Она установила, что рублем лупцевали массово. На то, что практика наложения штрафных санкций приобрела массовый характер, указывает постановление облисполкома № 577 от 21 июня 1940 года «О фактах нарушения революционной законности в отдельных районах области». Из него следует вот что:

...«Ряд председателей РИК грубо нарушают Рев. Законность, в результате чего выносимые постановления РИК являются сугубо неправильными, как например: постановление Дятловского Райисполкома за № 16: «За саботаж в торговле со стороны ряда торговцев» — оштрафовали Пушкина на 10.000 руб. Кагана на 5000 руб., Ковбана на 5000 руб., Дворецкого на 4000 руб., Бутинского на 2000 руб., Герцовского на 3500 руб.»

...«так было в Василишковском и Зельвенском районах, где приказом заведующего РАЙФО № 4 оштрафован гр. местечка Зельва Вольфштейн на 5000 руб. по мотивам «Торгует железоскобяными товарами по спекулятивным ценам».

...«председатели Столбцовского, Клецкого, Радунского, Любчанского, Юратишского РИК не рассматривали протесты прокуратуры о нарушениях рев. законности...». /БФГА, ф. 188, оп. 5, д. 2, л. 271./

...«наложение, и взыскание штрафов производилось начальником милиции при содействии прокурора района, и с согласием председателя райисполкома, что никаких постановлений Райисполком по этому вопросу не принималось». /БФГА, ф.188, оп.5, д.2, л.34-35./

Дальше — в духе тех лет. Областная вертикаль приняла к сведению

«заявление председателя райисполкома, что допущенные грубейшие нарушения Рев. Законности исправятся и не допускаются к повторению, на основании чего ограничиться предупреждением председателя Василишковского РИК тов. Смарговича, что при повторении подобных фактов он будет привлечен к ответственности, как нарушитель Рев. Законности». /БФГА, ф. 188, оп. 5, д. 2, л. 34-35./

Аналогичных примеров имеется множество.

Погашение кредитов. Особый цинизм исполкомовских начальников заключался в том, что клиентов бывших польских банков заставляли гасить кредиты, взятые ими до 17 сентября 1939 года (!) В этой связи любопытен протокол № 15 заседания облисполкома 14 февраля 1941 года. Из его пункта 19 следует, что жителя города Барановичи Тартацкого Иосифа Пейсаховича заставили «выплатить польскую задолженность в сумме 300 рублей». Сама формулировка впечатляет: «взятые деньги в быв. польск. кассе были использованы им на ремонт дома, который в настоящее время муниципализирован»... /БФГА, ф. 188, о. 45, д. 11, л. 181./

Есть документальные свидетельства того, что таких случаев тоже было немало.

Увольнение. Нередко «освободители» лишали работы родню домовладельцев. В этой связи интересно заявление учительницы РСШ № 3 города Слонима Барецкой Сарры Ильиничны на имя заведующего областным отделом народного образования. Цитируем:

«В первых числах этого месяца я снята с работы приказом: «За сокрытие социального происхождения и за провал в работе». Хочу дать некоторые объяснения по этому поводу. Социальное происхождение это значит, кем был отец, я писала, что мой отец всю жизнь был учителем, что я могу доказать документами. Про мужа мне никогда не надо было писать, автобиографию нам писать не велели.

Мой муж 22 года был служащим на льнозаводе, где очень тяжело работал. Живя в капиталистической стране и зная весь ужас безработицы, я старалась всячески делать коекакие сбережения. От 1932 до 1934 года мой муж был безработным. В 1934 он на сбереженные трудом заработанные деньги вместе с еще тремя компаньонами откупил на земле и в постройках городского направления старое оборудование небольшого льнозавода за очень низкую цену. Как специалист, он сам вместе с одним механиком поправляли старые все части, причем мой муж работал без приказчиков, плечо в плечо с рабочими. Весь город знает, что у мужа не было денег для завода, его считали не капиталистом, а бедняком. С приходом Красной Армии он сейчас же добровольно сдал завод, причем мой муж, как специалист и честный работник, работал там до последней минуты. 15 июня моего мужа арестовали, за что, конечно, не знаю. Знаю только то, что он никогда не принадлежал ни к какой партии, ни к какой организации, виновным в чем-нибудь он быть не может. Тут произошла ошибка.

На другой день я сейчас же рассказала об этом своему директору тов. Качановичу. Ужасно прозвучал приказ: «Провал в работе», как можно было написать что-нибудь подобное, когда я за мою педагогическую деятельность и успехи ребят в учебе получала все время столько похвал. Я преподавала в 5а, 5б, 5г, 6б и 7а (имела около 220 ребят) и с уверенностью могу сказать, что за восемь месяцев учебы ребята, которые раньше не знали ни одного слова, успели очень многое и знают язык и литературу очень хорошо. У меня нет отстающих.

Очень много я успела в религиозном и коммунистическом воспитании ребят. Это были ребята набожных родителей, которые не хотели приходить и писать в субботу, я ходила из дома в дом, агитировала среди родителей, в результате у меня в субботу было 100% посещаемости.

Я люблю ребят, люблю свой труд, а поэтому прошу тов. Зав. Облоно разрешить мне продолжать мою педагогическую деятельность. Я уверена, что тов. Зав. облоно не откажет мне в моей просьбе и позаботиться об отмене приказа в мою пользу.

10 июля 1940 г. Слоним». / БФГА, ф. 162, о. 2, д. 10, л. 41./

Обращает на себя внимание фраза С.И. Барецкой «прошу разрешить мне продолжать мою педагогическую деятельность». Видимо, она верила, что все обойдется. Не обошлось.

Нет надобности комментировать этот документ, скажем лишь одно — таких было много. Как видно из протокола облисполкома № 22 от 21 июня 1940 года «О работе фанерного завода № 9 в Мостовском районе, «за 5 месяцев работы предприятия уволено свыше 350 человек». /БФГА, ф. 188, оп. 5, д. 2, л. 263./ Попытки вернуть работу не увенчались успехом.

Принуждение к отказу от имущества. Если одних, лишая куска хлеба, гнали с работы, то тех, кто имел свой «малый бизнес», лишали такового. Вызывают, например, в исполком владельца понравившегося предприятия и тычут ему в лоб: «Советская власть тебе люба?» «Ну да, — отвечает тот испуганно, желая как можно скорее покинуть кабинет начальника. — «Тогда докажи!» «Как?» — спрашивал испуганный посетитель. «Иди и пиши, а что — скажем!» Так появлялись на свет удивительные решения.

Например, постановление облисполкома № 1441 от 23 ноября 1940 года «Об отмене постановления Новогрудского Райисполкома о национализации мыловаренного завода в гор. Новогрудке, принадлежащему быв. владельцу Шапиро И.Л.», сообщает: «считать мылозавод переданным добровольно и безвозмездно, согласно письменного заявления гр-на Шапиро от 28.9.40. Райкомбинату». /БФГА, ф. 188, о. 5, д.7, л. 414./

Эта мера практиковалась во всех районах области. /БФГА, ф. 162, о. 2, д. 10, л. 41./

ЖАЛОБЫ НАСЕЛЕНИЯ

Жалобы властям и прокуратуру на хищение личных вещей, избиения, неправомерную национализацию документально отлеживаются с января 1940 года. На 4 февраля 1940 года в райисполкомах и облисполкоме находилось свыше 300 заявлений, и число их росло.

Анализ 156 жалоб, поступивших только в январе 1940 года, указывает: индивидуальных жалоб имелось 138, коллективных — 18. География жалоб: Барановичи, Валевка, Василишки, Вороново, Голынка (деревня Голынковского сельсовета), Городище, Деречин (Зельвенского р-на), Дятлово, Желудок, Зельва, Ивье, Клецк, Кореличи, Липнишки (Ивьевского р-на), Ляховичи, Мир, Мосты, Несвиж, Новогрудок, Новоельня, Радунь, Слоним, Столбцы.

Чего требовали заявители? В своем большинстве — отмены постановлений о муниципализации и, конечно, возврата жилья. Одно домовладение просили вернуть 133 человека, два — 16 человек, три — 6, более трех — 1 человек.

Кем были заявители? Владельцами магазинов — 12 человек, складов — 8, гостиниц — 7, аптек — 5, хлебопекарен — 4, паровых мельниц — 3, гаражей — 2, колбасных фабрик — 2, кирпичных заводов — 2 , кустарных мастерских — 2, электростанций —

2, лечебного учреждения — 1, швейной мастерской — 1, сельхозмашин — 1, кондитерской фабрики — 1, ткацкой фабрики — 1, фабрики бумажных мешков...

В целом, около 42% жалобщиков представляли малый бизнес, прочие 58% были домовладельцами.

В 1941-м году жалобщики требовали вернуть неиспользуемые 150 магазинов, 49 гостиниц, 20 заводов, 17 аптек, 12 фабрик, 8 ресторанов...
/См.: БФГА. ф. 188, о. 5, д. 1, л. 275–281; 357–371; д. 2, л. 31–35, 42–46; 101, 105–106, 107, 110–114; д. 3, л. 144, 154, 155, 157; д. 4, л. 11, 18, 26, 27, 31, 32, 120–128, 191, 204, 317–318; д. 6, л. 11, 25, 26, 36; д. 7, л. 59–60/

Как следует из документов, большинство заявлений и жалоб чиновники не рассматривали. Из протокола облисполкома № 7 за 4 февраля 1940 года видно, что из более чем 300 заявлений о неправильной конфискации жилищ и домашних вещей, направленных в райисполкомы и облисполком, «большинство еще не рассмотрено».

20 июля 1940 года облисполком рассмотрел вопрос «О состоянии учета жалоб, заявлений и рассмотрения их по Облисполкому: ОБЛЗО, ОБЛФО и ОБЛСОБЕСУ». Документ, принятый тогда, указывал:

...«Своевременно не рассматриваются поступающие жалобы и заявления, практикуется переадресовка жалоб на периферию, регистрации жалоб нет, заявления не расписываются для рассмотрения конкретному лицу, во многих случаях жалобщики не ставятся в известность о принятых мерах по их жалобам. Не рассмотрено более 228 заявлений».

Через месяц, 12 августа 1940 года, областное начальство подвергло анализу практику работы по регистрации и реагированию заявлений Радуньского исполкома. Было установлено, что «во всех отделах РИК жалобы не регистрировались и своевременно не рассматривались».

А 21 августа «отчитывался» город Несвиж. Выяснилось:

...«учет поступивших жалоб в райисполкоме не налажен, они не подшиваются, отдельные жалобы и заявления лежат нерассмотренными месяцами, 22 заявления, поступившие мае-июне месяцах, до сих пор не рассмотрены».

Ничто не изменилось и в 1941 году, что подтверждает протокол заседания облисполкома № 20 за 24 мая 1941 года «О работе обл. отд. коммунального хозяйства и реагирования на жалобы трудящихся»:

...«жалобы о неправильной национализации и муниципализации дома владений проходят медленно. Вследствие чего из поступивших за 1941 год 529 жалоб на день обследования по 159 жалобам (30%) не дано окончательного ответа».

Не стоит удивляться тому, что семьи, выброшенные на улицу, положительных ответов на свои заявления не получали. Ответы жалобщикам — так их называли в исполкомовских кабинетах — содержали безрадостные для них типовые заключения: решение о национализации (муниципализации) вынесено правильно, поэтому данное решение утвердить. Было, правда, несколько случаев, когда законным владельцам возвращали дом или квартиру — но в «упрощенном» виде. Так, житель Баранович Брегман (по другим данным — Берман) в доме, законным обладателем которого он являлся, сумел получить обратно комнату. Но какую! Ту, которую новые хозяева — сотрудники НКВД — приспособили под ... клозет. Вот она — справедливость по-советски!

Все, что нам удалось установить, дает основания утверждать: национализация являлась формой репрессий, направленных, во-первых, на обеспечение жильем советских чиновников; во-вторых, на устранение из общественной и экономической жизни наиболее состоятельной части населения; в третьих, что лишь начало немецко-советской войны приостановило новые бесчинства в указанной сфере.

Выборочный анализ 167 постановлений облисполкома о национализации (муниципализации) определяет 3782 пострадавших, анализ 150 заявлений с просьбами об отмене национализации — еще 350. Если затрагивать национальный аспект, то в первом случае евреи составили 3658 человек (96,7%), поляки — 151 (4%), беларусы — 28, татары — 13, русские — 2; во втором случае — евреи 328 (93,7%), поляки — 15 (4,3%), беларусы — 6.

***

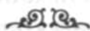
По данным автора, свыше 8 тысяч владельцев недвижимости в Барановичской области стали в 1940–41 годах жертвами решения квартирного вопроса по-большевистски. Из них 87% составляли евреи. Это не окончательная цифра, ибо изучены еще не все документы.

Разумеется, встал вопрос о дальнейшей судьбы владельцев недвижимости и членов их семей. Они отсутствуют среди жертв политических репрессий, среди депортированных и осужденных. Власть приготовила людям, потерявшим свое жилье, другие «жилые помещения». Имеется документ, датированный апрелем 1941 года. Это рапорт офицера НКВД, указавший численность беларуских евреев — узников концентрационных лагерей: 58.852 человек. /Сямашка Я. «Армія Краева на Беларусі». Мн., 1994, с. 46–47./ Так что вопрос — «куда сгинули тысячи бывших владельцев жилых домов или квартир?» имеет вполне конкретный ответ. Их без всякого суда бросили в концлагеря.

Настало время объективной оценки этих и других эпизодов в длинном ряду преступлений, совершенных Пономаренко, Сержантом, Царенко и другими «пламенными большевиками» местного разлива. Зададим также риторические вопросы. Когда же восторжествует справедливость? Когда людей, потерявших всё — зачастую и жизнь, в нашей стране признают жертвами политических репрессий? Когда то, что принадлежало им по праву, вернут хотя бы их потомкам, а подлецов, вершивших свои черные дела, официально признают преступниками?

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Александр Николаевич Татаренко (1963 г.р.), в прошлом офицер, после выхода в запас занимается изучением истории Западной Беларуси периода 1940–50 гг. Автор книги «Недозволенная память: Западная Беларусь в документах и фактах. 1921–1954» (Санкт-Петербург, 2006, 810 с.), а также трех десятков статей в журналах и газетах.

V. Сознание нации

ДОЛГИЙ ПУТЬ К СЕБЕ

О генеалогии национального самосознания беларусов

Юлия ЧЕРНЯВСКАЯ

Из чего возникает нация? Где та точка, из которой развиваются все ее интенции, смыслы и идеалы, все те представления, которые можно назвать «национальными»? Ответ известен даже школьнику: из культуры этноса, или нескольких тесно взаимодействующих этносов.

Правда, по поводу того, как это происходит, существуют разные мнения. Одни ученые считают, что нация органично вырастает из этноса, подобно колосу из зерна; другие — что отправная точка ее возникновения — государство, использующее этническую культуру в политических целях; третьи — что нация есть идеологический конструкт элит, создаваемый опять же на основе этнической культуры. Но каким бы ни был этот путь, исходным пунктом нации все исследователи считают этнос.

Какие же характеристики этноса являются основополагающими для его развития и для формирования нации? Долгое время таковыми считали общее происхождение его представителей, общую территорию, язык как «дом бытия» народа, преобладающий тип хозяйствования членов общности, единую религию. Однако зададим риторический вопрос: насколько значимыми остаются эти характеристики не для первичной общности, а для современных национальных конгломератов, основное качество которых — разнородность?

В самом деле, много ли современных наций исповедуют единую веру? Все ли нации живут на единой, от века данной территории (и куда в таком случае отнести национальные диаспоры и «нации-мигранты»)? Можно ли говорить о едином типе хозяйства как основе современных урбанизированных наций? Отвечает ли истине тезис об общем происхождении членов наций, особенно полиэтнических? И, наконец, обязательно ли представители нации и сейчас говорят на том языке, который во «время оно» был родным для их предков?

На все эти вопросы можно дать лишь отрицательный ответ. Что же тогда роднит представителей и этноса, и нации, не стираясь в ходе времени? Думается, это удивительный феномен самосознания. И хотя национальное самосознание в определенных (притом значимых) аспектах отличается от этнического, сам факт осознания членами группы самих себя в качестве «Мы», отличающихся от «Других», — есть то, что объединяет людей в общность на всем пути ее развития.

Этническое самосознание в широком смысле слова — это представление народа о собственной сущности, о своем положении в системе взаимодействий с другими народами, о своей роли в истории человечества, включая осознание права на свободное независимое существование и на производство самобытной этнической культуры.

Специально для дайджеста «Деды».

Этническое самосознание в узком смысле слова — это представление членов данного этноса о своем специфическом отличии от других, осознаваемом как высшая ценность (этническая самоидентификация).

Одним из важнейших параметров самосознания является менталитет, позволяющий членам этноса сходным образом воспринимать действительность, оценивать ее и действовать в соответствии с устоявшимися нормами, ценностями и поведенческими моделями. Сегодня можно уверенно сказать, что именно ***менталитет*** как параметр, определяющий черты сходства, а значит, и сплоченность людей, превалирует над привычными, но не безусловными этническими «показателями» — единой территорией, единой религией, типом хозяйствования и даже над столь важным этническим маркером как язык.

Проблема в том, что самосознание народа не поддается строгому измерению: его исследование неизбежно обрастает стереотипами и штампами, избежать которых чрезвычайно трудно. Попытки анализа этнического самосознания затрудняются и тем, что оно процессуально, динамично, никогда не равно себе. Говоря о самосознании народа, нельзя игнорировать эпоху и социокультурную ситуацию.

С этой точки зрения чрезвычайно важно учитывать «этнические фреймы», определяющие временные и социальные (религиозные, статусные, экономические, политические) трансформации этничности*. Этнические фреймы множественны и разнообразны, именно в их наложении друг на друга и происходит становление специфики этноса, вырастает его самосознание — всегда сложное, всегда противоречивое.

Противоречивость особенно характерна для этносов, само формирование которых происходило под знаком мощного и длительного воздействия других народов. Такова судьба беларусов — «граничного народа», на протяжении многих столетий находившегося в зоне конфликта России и Польши.

Во многом именно эта промежуточная позиция, как определил ее беларуский философ Игнат Абдиралович (Канчевский) еще в 1921 году, «между Востоком и Западом», породила сложности этнокультурного развития беларусов — но также и четкую специфичность, особые качества менталитета, «инаковость» беларуского народа по сравнению с русским и польским.

***

Во всех современных исследованиях этнической идентичности беларусов — и отечественных, и зарубежных — прослеживаются две линии.

Первая (ее можно назвать «литвинской») настаивает на высоком и древнем происхождении беларуского народа. Она фиксируется на его огромных заслугах в прошлом, связываемых, в первую очередь, с периодом Великого Княжества Литовского, а также на последующей трагической судьбе, вынудившей беларусов долгие века существовать в статусе провинциалов Польской Короны, а затем Российской империи.

Вторая линия связывает возникновение беларусов (как этнокультурно однородного целого) с рубежом XIX — XX веков, когда из крестьянского населения территории «Белой Руси» сложилась особая общность — во многом благодаря демократи-

* frame (англ.) — скелет, строение, структура, конструкция.

ческой интеллигенции, пробудившей «мышление нации о самой себе», т.е. самосознание. Толчок к бурному росту самосознания дало влияние романтизма (поиск «корней»), расцвет этнографии, а главное — совместной социальной борьбы масс и нарождающейся национальной элиты. Условно назовем эту линию «народнической». Отметим: она тоже адресована к прошлому, только более близкому*.

Проблема состоит не в конкуренции версий истории: это распространенная ситуация, Беларусь оказалась в ней далеко не первой. Так, татары Поволжья одновременно используют «булгарскую» и «золотоордынскую» версии, азербайджанцы — «албанскую» и «тюркскую».

Беда не в расхождении, а в сходстве: сторонники обеих линий исследования нередко сетуют на размытость, нечеткость, порой даже на отсутствие беларуского самосознания, на «комплекс национальной неполноценности», и в целом — на этническую несостоятельность белорусов. Тревога исследователей понятна: беларуское этническое самосознание и вправду не «бьет в глаза». Но значит ли это, что оно не существует или существует, как нередко пишут, в зачаточном состоянии? В качестве доказательства этого тезиса обычно приводится язык**.

Иван Кузьмич и Ефросиния Михайловна Горецкие. Их сын Максим (1893–1938) стал классиком беларуской литературы, а Гавриил (1900–1988) — выдающимся беларуским ученым

Издавна считалось, что язык — основной признак этноса. В силу своей четкой фактичности, «зримой» маркировки отличия общности от других, именно язык претендует на то, чтобы манифестировать этническую самобытность. Беларусы же в большинстве своем говорят по-русски... а значит, не являются народом? Однако в мире существует немало двуязычных этносов и наций (есть даже трех- и четырехязычные). Это баски и ирландцы, каталонцы и швейцарцы, бельгийцы и финны, канадцы и перуанцы, филиппинцы и индусы, а также ряд иных.

С другой стороны, существует много народов, говорящих на одном и том же языке, но для части из них он — родной, для других — заимствованный. Так, по-английски говорят около 400 млн. человек, из которых на Европу приходится не более 17%. Значит и язык, важнейший маркер этнической самобытности, отнюдь не является первостепенным признаком этноса и основой его самосознания.

---

* Эти версии не противоречат друг другу, а всего лишь отображают разную центрацию исследователей: в первом случае — на шляхте, во втором — на крестьянстве. — *Авт.*

** Именно языковая ситуация, в первую очередь, является причиной недооценки беларуской специфичности представителями иных культур. О факте такого неумышленного и тем более показательного стирания беларуской «инаковости» в глазах сторонних наблюдателей свидетельствуют, например, слова В.В. Путина о том, что россияне и беларусы — в целом одна большая нация. — *Авт.*

При таком подходе становится понятной удивительная ситуация, о которой свидетельствуют как житейские наблюдения, так и социологические исследования: беларусы, в быту предпочитающие русский язык, тем не менее обладают устойчивой беларуской самоидентификацией. Так, по данным переписи населения 1985 года более 80% населения БССР определило себя как беларусов, свыше 70% признали своим родным языком беларуский. И это — в СССР, когда национальная самобытность была не в чести, а БССР заслуженно считалась «самой советской» из всех союзных республик! Парадокс в том, что в то время, как, впрочем, и сейчас, на улицах городов практически не было слышно беларуской речи, да и в деревнях люди разговаривали преимущественно на «трасянке» — пестрой смеси беларуского и русского языков*.

Попробуем разобраться, во-первых, в том, чем объясняется такая ситуация, а вовторых, в силу каких причин беларусы идентифицируют себя с родным языком, хотя в быту используют его далеко не всегда.

***

Историческое становление беларусов происходило в полиэтническом (разнокультурном, разноязыковом, разноконфессиональном) социуме. Начиная с периода вхождения кривичей, радимичей и дреговичей в Киевскую Русь, предки современных беларусов никогда не жили обособленно, а лишь на перекрестке разнообразных культурных влияний.

Однако уже в тот период прабеларусы отличались локальными особенностями. Об этом свидетельствует длительная борьба Полоцкого княжества за самоуправление, значительное сохранение элементов язычества в мифологии, обрядах и повседневном быту широких народных слоев (достаточно упомянуть хотя бы неизвестных в фольклоре других славянских народов божеств Ліолі (весны), Тіоці (лета), Жыценя (осени) и Зюзі (зимы), а также подземного божества Жыжэля).

С другой стороны, у прабеларуского населения эпохи Киевской Руси практически отсутствовал богатырско-героический эпос, воспевающий агрессивность и территориальную экспансию. Эта черта (миролюбие)– с веками только упрочилась, стала определять характер беларуской культуры и бытие рядового беларуса как в обыденной жизни, так и в катастрофических обстоятельствах, удивительным образом сочетаясь с героизмом**.

Но вернемся к истокам. Ментальный склад нашего народа оставался стабильным и в период Великого Княжества Литовского. Среди этногрупп, проживавших на территории ВКЛ (жмудинов, татар, евреев, украинцев), «русины» (так называли себя люди, исповедующие «руську» веру — православие греческого образца) состав-

---

* В этой связи целесообразно привести определение этноса, которое дал Л.Н. Гумилев. «Этнос — коллектив особей, выделяющий себя из всех прочих коллективов. Он более или менее устойчив, хотя возникает и исчезает в историческом времени. Нет ни одного реального признака для определения этноса применительно ко всем известным случаям. Язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология иногда являются определяющими моментами, а иногда — нет. Вынести за скобки мы можем только одно — признание каждой особью: «Мы такие-то, а все прочие — другие». / Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1997, с. 121. — *Прим. ред.*

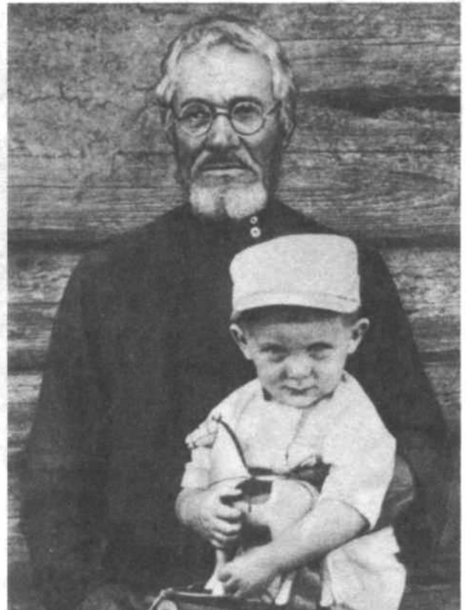
** Это особенно касается войн и, в частности, Второй мировой войны. Наиболее яркие свидетельства тому — не только огромное количество беларусов — Героев Советского Союза, но и сама беларуская «философия войны» (см. произведения В. Быкова, А. Адамовича и др.) — *Авт.*

ляли до 8/10 населения и занимали около 9/10 территории, в основном, совпадающей с территорией будущей Беларуси. Неудивительно, что все три Статута ВКЛ (1529, 1566, 1588 гг.) написаны на старобеларуском языке: другие народы ВКЛ были либо недостаточно многочисленны (евреи, татары), либо не имели письменности (жмудины). Именно в ВКЛ беларусы (разумеется, только шляхетская верхушка) обрели правовую независимость, закрепленную актами, написанными на автохтонном языке.

Это имело четкие последствия для самосознания и менталитета людей: при сложившемся единстве ментальных черт беларусов (религиозная и этническая толерантность; отсутствие агрессивности в отношении других народов; биполярная ориентация — на вхождение в европейский мир при сохранении связей с православной Киевской Русью; восприятие христианской религии, в основном, в рамках бытовой морали при верности языческим божествам) самосознание беларусов того времени — во всяком случае, шляхты и образованной части городского населения — имело государственный оттенок, и основную роль в нем играло подданство ВКЛ. Отсюда — наряду с самоназванием «русины» в значении «православных» — появился этноним «литвины», обозначавший принадлежность беларусов к мощному государственному целому.

В последующие периоды пребывания в Речи Посполитой и в Российской империи — определяющей точкой беларуской самоидентификации стало ощущение привязанности к родной земле. Массированное окатоличивание, которому подверглось население ВКЛ, при ментальной беларуской веротерпимости и бесконфликтности, привело к трагическим последствиям — не только стратификационному, но и общекультурному разрыву между массами и элитой (в лице беларуской шляхты и городского населения).

Шляхтич-католик заведомо имел преимущества в правах (включая право голоса и протеста, неприкосновенности личности и имущества). Потому переход дворян в лоно иной конфессии приобрел массовый характер. За конфессиональным «перекрашиванием» с неизбежностью следовал переход на польский язык, а шире — подмена самоидентификации.

Дед с внуком
(Могилевская губерния, 1902 г.)

В городской профессионально-ремесленной среде такое положение дел обеспечивалось посредством иного механизма — обучения (зачастую бесплатного) на польском языке в иезуитских коллегиумах и школах. Отсюда — все ширившееся в образованной среде отношение к литвинскому (беларускому) языку как к «мужыцкай мове».

Попытка создания унии как «народнай царквы», синтезирующей идеи и ценности и Востока, и Запада, обернулась неудачей. Однако зерно, брошенное в землю, пророс-

ло: униаты скоро поняли, что они не поляки и не русские, а особое социальное целое, с которым себя и идентифицировали. Впервые получив в обоснование собственную веру, названную «беларуской», этноним «беларусы» обрел собственную жизнь вне приложения «литвины». Это чрезвычайно важно, поскольку именно этноним является той точкой, от которой себя отсчитывает любой народ: его наличие обозначает тот факт, что общность устойчиво отличает себя от всех остальных и фиксирует это отличие в самоназвании. Однако в нашем случае самоидентификация является не этнической, а, скорее, конфессиональной.

Тем временем Беларусь подстерегал следующий удар: в 1654 году на территорию Речи Посполитой вторглись войска царя Алексея Михайловича. «Неизвестная война» (определение Г. Сагановича), длившаяся семь лет, привела к сокращению населения вполовину: восстановилось оно лишь к середине XIX века. За пределы Беларуси были вывезены не только книжные собрания монастырей, но и образованные люди, ремесленники и т.д., немалая часть которых погибла в пути, а остальные были вынуждены прилагать свои таланты на ниве иной культуры.

Приведем лишь два факта. Известно, что Оружейная палата Московского Кремля, Валдайский, Воскресенский, Иверский, Ново-Иерусалимский монастыри и Коломенский дворец созданы руками беларуских мастеров. (В самой Беларуси ремесла даже через сто лет не достигли прежнего расцвета). Не секрет и то, что из 78 актеров придворного театра царя Алексея Михайловича 70 были беларусами.

Колядование
(пос. Заславль Минской обл., 1982 г.)

Оказавшись в разграбленных городах и местечках, растерянные люди впервые стали покидать пределы страны! Особенно это касалось людей талантливых, способных найти себе применение и на чужбине. А те горожане, чьи амбиции были не столь сильны, уходили в деревни чтобы прокормиться.

Но последний удар был еще впереди: в результате трех разделов Речи Посполитой народ Беларуси вновь оказался в другой стране — в составе Российской империи. Вскоре началось очередное насильственное обращение беларусов — на сей раз в православие московского образца. Беларуская профессиональная культура оказалась в состоянии «национальной летаргии» (выражение Максима Богдановича). Но культура —

сущность живучая: уничтожить ее крайне сложно: лишенная «верхнего» культурного слоя, она начинает фольклоризоваться. Не случайно XVII–XVIII века — столетия расцвета в Беларуси одной из самых обширных в Европе песенной культуры, создания блистательных сказок, самобытных пословиц, поговорок и т.д.

***

Такие перемены в самосознании не могли не отразиться на менталитете этноса. Именно тогда в нем появилась такая черта как «тутэйшасць»: на вопрос о своей национальной принадлежности беларуский крестьянин чаще всего отвечал: «я тутэйшы» (здешний). Отличая себя и от поляков, и от русских, но не имея возможности самоидентификации по отношению к менявшемуся государственному целому, он отождествлял себя с родной землей.

Процесс самоидентификации крестьянства затруднялся и тем, что народ — теперь уж не последовательно, а одновременно — подвергался двум разноречивым влияниям — российскому имперскому и польскому католическому, которое до поры до времени не искоренялось: таким способом самодержавие «вербовало» сторонников среди крупной шляхты. Однако в XIX веке это положение круто изменилось: в течение тридцати лет по территории Беларуси прошли два крупных восстания — и если первое из них (1831 г.) имело преимущественно «польско-шляхетский» характер, то восстание Калиновского (1863 г.) было разночинно-национальным. Тогда и сказался разрыв «верхов» и «низов», извечное недоверие крестьянства к шляхте, даже настроенной столь искренне народно, как Калиновский и его сподвижники: крестьянство не поддержало шляхтичей.

Пути народных масс и шляхетской интеллигенции настолько разошлись, что можно говорить не только о разных типах самоидентификации, но даже о разных типах менталитета — полонизированного шляхетского и беларуского крестьянского. Устойчивыми чертами последнего в XIX веке являлись следующие качества:

- Самоидентификация себя на бытово-психологическом уровне как особого социально-этнического целого: «мужиков-беларусов» (по выражению Янки Купалы).
- «Тутэйшасць» как глубинная привязанность к малой родине. Вот что писал по этому поводу в 1882 году этнограф Адам Киркор: «Минский полешук умел отвечать за себя на вопрос: что ты за человек? — я не человек, а «пинчук» (т.е. уроженец пинских или мозырских болот)».
- Специфическая «памяркоўнасць» народного характера, выразившаяся в долготерпении и жизнестойкости беларусов, но часто оборачивавшаяся покорностью обстоятельствам, фатализмом (примечательно название поэмы Франциска Богушевича «Кепска будзе» — «Плохо будет») и настороженностью в отношении радикальных изменений. Идея практически всех сказок на эту тему такова: перемены должны органически «прорастать» внутри самого человека, а не привноситься извне, насильственным путем.
- Хоть и недемонстративное, но мощное, жизнеутверждающее чувство собственного достоинства, наиболее адекватно выраженное Янкой Купалой:

І кожны, хто мяне спытае,
Пачуе толькі адзін крык:
Што хоць мной кожны пагарджае,
Я буду жыць! — бо я мужык!

▸ Упорство и трудолюбие. Среди славянских народов именно беларусы, по описаниям «сторонних наблюдателей», отличаются наибольшим упорством в повседневном труде, привычкой добиваться успехов собственными силами. Наиболее ценится труд на земле: так, герои беларуских сказок, избравшие другие виды труда (охоту, рыбную ловлю, кузнечное дело и т.д.), чаще всего оцениваются скептически. Вот как писал об этом мемуарист:

> «Витьковцы считали настоящей только тяжелую физическую работу, а точнее — работу крестьянскую. Что касается других видов человеческой деятельности, то их воспринимали с иронией. Особенно презирали работу в разных учреждениях, где летом хорошо одетые люди сидели в холодке, а зимой — в тепле»*.

▸ Слабая выраженность личной и коллективной инициативы, связанная и с долготерпением народа, и с исторически сформированным недоверием к крайностям, и с традиционным консерватизмом.

▸ Терпимость и толерантность. Это качество со времен ВКЛ отличает беларусов как в личных отношениях, так и в отношении к другим народам, конфессиям и идейно-политическим убеждениям. В то же время терпимость нередко переходила (и до сих пор переходит) в общественный конформизм.

▸ Преобладание элементов психологии «грамады»**, которые выражаются в потребности в коллективном труде (культурный феномен «талаки» — группы соседей и друзей, приходящих на помощь в затруднительных обстоятельствах) и в неприятии крайних индивидуалистических позиций. Одновременно для беларуса-крестьянина характерно недоверие к большим коллективам, искусственно созданным и осененным некой «глобальной идеей». Беларус скорее человек «малой группы», для которого важную роль играет одобрение круга родных, свояков, соседей.

▸ При сохранении в массах народной культуры и языка — упрочившаяся в XIX веке тенденция к заниженной культурной и этнической самооценке, что стало тягчайшим фактором, мешающим оформлению национально-культурной самоидентификации.

***

Шляхта большей частью придерживалась не только пропольских настроений, но и полонизированной «картины мира».

Однако уже в 1830–40-е годы (после первого восстания) позиция правительства в отношении польских влияний резко изменилась: был закрыт Виленский университет, ликвидированы униатские церкви, монастыри и школы, значительно сокращено число католических конфессиональных учреждений. Дальше — больше: начавшись как «антипольские», нападки стремительно приобрели характер «антибеларуских». Дошло до того, что сам этноним «Беларусь» оказался под негласным, но твердым запретом: вместо него в документах и прессе стало употребляться невразумительное название «Северно-Западный край».

Тем не менее, все эти насильственные действия вызвали к жизни чрезвычайно важную и совершенно новую тенденцию: шаги правительства медленно, но верно ве-

* Улашчык М. Была такая вёска // Улашчык М. Выбранае. Мінск, 2001. с. 56.

** Слову «грамада» трудно найти аналог в русском языке. Подобное, хоть и не тождественное явление — община. Но «грамада» не всеобъемлюща и не вездесуща; скорее, она ситуативна. «Грамада» — в первичном смысле — малое сообщество, т.е. соседство.

ли к усилению контакта и взаимопонимания между шляхтой и крестьянством. Остановимся на этом подробнее.

В силу указа царя Николая I, шляхтичи, не представившие подлинных грамот о «шляхетском достоинстве», исключались из дворян и переводились в сословие крестьян-однодворцев. Образованные, высококультурные люди (около 50 тысяч человек) зажили крестьянской жизнью бок о бок с «сялянами». К ним примыкали и обедневшие шляхтичи.

Обратим внимание: все эти люди были «маргиналами»*. В одночасье выдворенные из своего сословия, они оказались в жестком люфте между двумя субкультурами. Обладая серьезными знаниями, специфической ценностной иерархией шляхты, они не могли всецело примкнуть к крестьянству. Но в силу того, что их повседневная жизнь отныне оказалась связанной с ним, они были вынуждены вырабатывать особую картину мира, промежуточную систему культурных смыслов и ценностей.

В эту систему — наряду с аристократической ценностью естественных прав человека и собственного достоинства — входила и ценность родного языка, а ценность образования соседствовала с ценностью социальной справедливости. Тому способствовало пограничное положение интеллигенции, благодаря которому она, с одной стороны, всерьез принимала чаяния соседей-крестьян, а с другой — видела выходы, которые закабаленное (не только незавидным социальным статусом, но и ограничениями традиционной культуры) крестьянство видеть не могло.

Тенденции европейского романтизма — с их восприятием народа как хранителя извечной мудрости, фольклора как основы профессионального творчества, идеализации деревни и селян — тоже сделали свое дело. К концу XIX века беларуская культура перестала быть сугубо «мужыцкай»: появились изучавшие ее этнографы, пишущие на беларуском языке поэты, собиратели национальных костюмов, керамики, гобеленов, первые беларуские газеты (особую роль сыграла позже «Наша Ніва»), издательства и, наконец, — беларуское учительство. Показательно, что новая идентификация, с которой начинает отсчет беларуская «новорожденная» интеллигенция, носила характер намеренный: так, Янка Купала начинал писать по-польски, Якуб Колас и Максим Богданович — по-русски, а к творчеству на беларуском языке они пришли сознательно.

В лице разночинной интеллигенции Беларусь обрела то, чего ей недоставало во все времена, — собственный культурный слой (или прослойку) «носителей личностного сознания». В отличие от носителей сознания традиционного — это люди, которые в критический для этноса момент определяют иерархию ценностей, без чего культура никнет, существует в подполье, а впоследствии «тает», ассимилируясь более сильной. За несколько десятков лет благодаря своим «новым гуманистам» Беларусь вновь обрела литературный язык, профессиональные литературу, театр, этнографию, а главное — за исключением сугубо пограничных районов — самоидентификацию населением себя как беларусов.

---

* Термин «маргинал» мы употребляем в значении «конструктивной маргинальности», когда человек, оказавшийся на границе между двумя культурами (субкультурами), вырабатывает собственную систему значений, ценностей и идеалов, впоследствии воспринимаемую массами. Именно подобные группы и означали рождение демократической интеллигенции в Беларуси и России (разночинцы). — *Авт.*

Более того, именно в те годы беларусы впервые в истории обрели национальную идею как таковую (хотя зачатки ее начали проявляться еще в эпоху Возрождения – в творчестве Франциска Скорины, Михаила Гусовского, Василия Тяпинского, Симона Будного и других культурных деятелей). Нельзя сказать, чтобы ростки этой идеи в последующие за Возрождением периоды зачахли полностью или существовали только в фольклорном виде. Например, XIX век ознаменовался появлением двух блистательно-искрометных поэм, написанных по-беларуски: «Энеида наизнанку» (1820-е гг.) и «Тарас на Парнасе» (1850-е гг.). Однако... обе поэмы были анонимными. Созданный в гоголевской традиции фантазийный роман «Шляхтич Завальня, или Беларусь в фантастических рассказах» Яна Борщевского (1844–46 гг.), всецело основанный на отечественном фольклоре, был написан по-польски. Автор объяснял это тем, что в польском варианте роман станет достоянием большего количества читателей. Наконец, Винцент Дунин-Мартинкевич, переводя «Пана Тадеуша» Адама Мицкевича на «родную мову», чуть ли не извиняясь сообщил автору, что обрядил его творение в «мужицкую сермягу».

Хозяйка украсила ворота своей усадьбы резьбой в народном стиле, которую сама и вырезала (дер. Кащино Чашникского р-на Витебской обл.; 1991 г.)

Потому лишь о беларуской разночинной интеллигенции рубежа XIX–XX веков можно говорить как о первом общественном слое, укрепившем культурный фундамент этноса и начавшем закладывать новый, теперь уже национально-культурный фундамент на основе новой национальной идеи.

Что важно, она имела специфические качества. Беларуская национальная идея не основывалась на агрессивности в отношении инородцев и иноверцев: сказалось многовековое бытие в «пестрых» по этническому составу государствах. Она строилась с учетом исторически и культурно заложенного полиэтнического «характера» белорусов. В этом плане показательно изобилие этнических русских, поляков, евреев, украинцев, татар, ставших деятелями беларуской культуры в первые десятилетия советской власти.

Показательно в этом контексте и отсутствие антисемитизма во всех слоях беларуского социума. По сей день израиль-

ское посольство в Минске ежегодно чествует вновь обнаруженных «нееврейских праведников», не предполагавших, что они праведники, — людей, прятавших по погребам и чердакам своих домов знакомых и незнакомых евреев. Характерно для беларусов нынешнее непредвзятое отношение к лицам «кавказской», «азиатской» и прочих несуществующих национальностей.

Более того, само ментальное миролюбие, нежелание входить в конфликт, а также толерантность привели к тому, что национальная идея беларусов имеет «посреднический» характер. Та роль, в которой, по мнению Владимира Соловьева, должно было реализоваться мессианское предназначение России — быть посредницей между народами — в силу политических и социокультурных событий была принята беларусами практически неосознанно. Думается, что и в этом (хоть не только в этом) коренится причина индифферентного отношения многих беларусов к своему языку. Для беларуса всегда было важнее договориться, найти точки соприкосновения, нежели проявлять этническую гордость, нередко перерастающую в этноцентрическую гордыню.

Другой характеристикой национальной идеи беларусов явилась тенденция к собственной государственности. Самым бесспорным признаком нации является наличие собственного государства (либо равноправной автономии в составе многонационального государства) или, по крайней мере, тяготение к нему как к общенациональному идеалу. Именно в собственной государственности беларусы, не имевшие автономии после ВКЛ, искали выход из сложной этнополитической ситуации. Эта тенденция в значительной мере сохранилась до сих пор: этноязыковая самоидентификация беларусов «отступает» перед государственной.

Национально-устремленное самосознание беларусов рубежа XIX–XX веков, как и многих других долго угнетаемых народов, базировалось на социальной подоплеке. Известно, что изначально в основе национальной идеи (и этнического самосознания в целом) лежит антитеза «мы — они», причем образ «они» (чужаки) служит основой не только различения с членами другого этноса, но и интеграции собственного как «мы». Более того, образ «они» при необходимости (нередко и без оной) легко превращается в «образ врага». Примечательно, что «образ врага» для беларусов никогда (за исключением моментов прямых военных столкновений) не носил этнического характера: в своих бедах народ винил не русских и не поляков, а «панов». Думается, в этом тоже причина приятия советской власти как интеллигенцией, так и большинством народа, несмотря на настороженность в отношении массовых действий и эпохальных идей.

Однако в самом фундаменте этой национальной идеи, при всем ее привлекательном содержании, есть некоторое «но». Отсутствие имперских амбиций в менталитете народа может привести к вялости и бездеятельности в принципиально важных вопросах. Миролюбие нередко оборачивается подчиненностью обстоятельствам. А исчезновение оппозиции «мы — они» — к размыванию «порога коммуникации».

* * *

Начиная с 1930 года — с обвинения беларуской интеллигенции в «буржуазном национализме», с ареста 108 деятелей культуры, с подрыва крестьянского хозяйствования вследствие коллективизации (что очень сильно повредило крестьянскому этосу) — начался процесс унификации народа, известный всем республикам

СССР. Это точка отсчета для периода длительного упадка национально-культурного сознания беларусов.

Так, несмотря на то, что в 1940–41 гг. в Беларуси на 10 тысяч жителей приходилось 24 студента (больше, чем в Германии, Франции и Великобритании в тот же период), языком обучения был русский. Беларускоязычная интеллигенция планомерно заменялась русскоязычной. То же касалось и рабочих — мигрантов из деревни, принимавших русский язык в качестве языка общения. Если же вспомнить о серьезном подрыве генофонда в годы Второй мировой войны (погибли до 10% этнических беларусов, причем в основном молодых); годы сталинского террора, первыми жертвами которого пали национально настроенные интеллигенты; искоренение беларуского языка в учебных заведениях, то причины «национальной маргинализации» становятся явными.

Не изменилась ситуация и в пору «оттепели». Поэтому странно не то, что беларусы утратили язык и в значительной степени интерес к отечественной культуре — странно обратное: то, что более 80% населения страны признает себя этническими белорусами, а 70% считают родным языком беларуский!

***

Какие же параметры «беларускости» позволяют сохранить стабильную этническую самоидентификацию народа на фоне утраты языка и весьма слабого национального самосознания общей массы населения?

В первую очередь эта самоидентификация базируется на государственной принадлежности. Далеко не последнюю роль в ней играет осознание собственного менталитета и построение на его основе этнического самообраза — целостного устойчивого представления о том, как выглядит, ведет себя и какие ценности исповедует «истинный беларус».

Язык же, пусть не исполняя своей роли важнейшего средства этнической коммуникации, в беларуской культуре сохраняет иное значение — символической составляющей этнической культуры и традиции. Выражаясь фигурально, хотя по-беларуски в быту говорят немногие, но беларуские песни поют все. Здесь следует учитывать и то, что язык в повседневном понимании воспринимается не только как основной, но даже как исключительный признак этноса. Вероятно, в том факте, что родным языком в 1985 году был признан именно беларуский, сыграло свою роль то обстоятельство, что таким способом народ пытался оградиться (пусть пассивно) от набившего оскомину словосочетания «советский народ».

Если бы идеологи беларуского возрожденческого движения 1990-х годов не пытались реформировать сферу образования столь поспешно и огульно, как это происходило (насильственный перевод на беларуский язык учебных заведений — при слабом знании его педагогами и т.д.), а учли бы историко-культурные обстоятельства (в том числе традиционное недоверие беларусов к радикальным преобразованиям), то к настоящему моменту двуязычие в Беларуси существовало бы не формально, а реально. Так, наличие четырех государственных (!) языков в Швейцарии не является помехой для существования швейцарцев как осознающей себя — и осознаваемой другими — нации.

Вот тут-то перед нами встает важнейший вопрос: можно ли сказать, что сейчас беларусы существуют не только как этнос, но и как нация? По большинству параметров,

в соответствии с которыми ныне определяется нация (исторически длительное совместное проживание этноса на одной территории, субъективно воспринимаемой как «отчизна»; наличие государственного суверенитета и централизованных систем образования и социализации; единство национальной самоидентификации и менталитета; собственная профессиональная культура, связанная с деятельностью интеллигенции и т.д.), беларусы давно перешагнули отметку «этноса». Но стали ли нацией?

Мы уже говорили об определяющей роли этнического самосознания в бытии любого народа. Думается, что национальное самосознание с лежащей в его основе национальной идеей играет роль даже более значительную: нация априорно более разнородна, нежели этнос, потому и нуждается в институциализации всех сфер культуры, обеспечиваемой государством с соответствующей национально-государственной идеологией. Однако — так уж распорядилась история — беларуская государственность никогда не была собственно-национальной. В период ВКЛ она имела сословный (и полиэтнический) характер, в годы советской власти — характер подчиненный унифицирующему центру, — не полиэтнический, а интернациональный.

Разумеется, по этому поводу сколько угодно можно лить слезы и проклинать захватчиков-соседей. Можно воспевать «золотое прошлое ВКЛ», не обременяя себя вопросом: а было ли оно «золотым» для крестьянина-беларуса. А можно, разобравшись в исторических и коллективно-психологических закономерностях, принять как данность положение современного беларуского общества и строить проект его будущего как нации, руководствуясь не столько ностальгическими побуждениями, сколько реальностью нынешней ситуации.

Сельский праздник
(дер. Краглевичи Ивацевичского р-на Брестской обл.; 1994 г.)

***

Какова же эта реальность? Если мы примем тезис об определяющей роли национального самосознания в самостроительстве нации и попытаемся связать его с беларуской современностью, то придем к неминуемому выводу: беларусы, бесспорно, обладают развитым самосознанием в узком смысле этого термина, т.е. самосознанием как самоидентификацией.

Однако действенной активной идеи, лежащей в основе национального самосознания (в его широком понимании) в менталитете беларусов — как общности, а не как отдельных представителей — не сложилось. Более того, такая идея расходится с самим менталитетом народа, относящегося к жизни прежде всего с позиций здравого смысла и пассивно, но упорно сопротивляющегося всякому давлению, в том числе националистическому. Следовательно, путь насильственной «беларусификации» исключается. Что же остается?

В последние годы только ленивый не писал о «мировой культуре». Слухи об ее наличном существовании явно преувеличены, хоть ростки с каждым годом становятся все более заметны — интернет, евровалюта, транснациональные корпорации, шенгенское пространство... В этой новой ситуации промежуточное положение Беларуси «между Востоком и Западом» впервые в истории нашей страны может оказаться положительным фактором.

Этот «парадокс положительной маргинальности» до сих пор не оценен должным образом — как перспектива развития, а не как повод для бесполезных причитаний. Не случайно народы адаптивного типа, в разные эпохи строившие свою культуру по принципу трансформации заимствований в самобытные культурные феномены (арабы периода халифата, современные японцы и др.), оказались в гораздо более выигрышном положении, нежели замкнутые традиционные этносы, ограничившие себя узкими национальными рамками. С учетом толерантности, восприимчивости, доброжелательности и изначально полиэтнического характера беларуского народа этот вариант в современных условиях представляется значительно более продуктивным, нежели попытка загнать наш народ «железной рукой» в искусственно ограниченный мононациональный мир.

В конце концов, путь этноса к нации — процесс долгий и в каждом случае особенный, своеобычный. И если история подсказывает беларусам такой вариант, то почему бы не прислушаться к мудрой даме Клио, вместо того, чтобы бороться с ней? Видимо, в первую очередь, следует отказаться от разделения культуры на «беларускоязычную» и «русскоязычную», объединив их в единое целое — «беларуская полиэтническая культура», в котором найдут свое место все народы республики.

Что же касается языковой проблемы, то она разрешима лишь одним способом: путем утверждения не формального, а реального двуязычия, при котором все жители Беларуси будут свободно изъясняться на обоих языках. Трудно? Но достижимо. Ведь подобная ситуация не уникальна: в разное время она коснулась Швейцарии, Индии, Канады, Ирландии, Финляндии и многих других, в данный момент вполне процветающих в культурном отношении стран.

Думается, этому мешает популярная тенденция видеть Беларусь исключительно в ностальгически-архаическом ключе. Так, за время существования суверенной Республики Беларусь сформировались определенные «топосы» исследований — топос истории (в основном связанный с Полоцким княжеством и ВКЛ); топос культуро-

логии (по сути этнографический), настроенный на исследование народных мифов и обрядов, на возрождение первозданных традиций; два противостоящих топоса политологии (один из них знаменуется лозунгом «Назад в СССР», а второй, противоположный, зафиксирован на стремлении в Европу)*. Беда в том, что во всех этих случаях новое воспринимается исключительно как реанимация старого.

Еще в начале 1920-х годов молодой, к сожалению, очень рано умерший философ Абдиралович (ему было 27 лет) призывал создавать новые, специфические, истинно беларуские формы жизни. Увы, «в массе своей» мы все еще идем проторенными путями. Мы удручающе боимся незнакомого лица современности. Потому при выборе между «старым» и «новым» с облегченным вздохом выбираем старое.

Впрочем, ситуация не столь уж трагична. Есть у нас новая плеяда ученых-гуманитариев, есть замечательные художники, поэты и музыканты, появились молодые одаренные режиссеры и актеры. Однако еще Ортега-и-Гассет писал о заведомой «непопулярности» нового искусства. Дело здесь не только в косности масс. Дело и в менталитете народа, который не приемлет «резких телодвижений» даже во благо (особенно если представление о «благе» основано на узком мононациональном взгляде на мир), и в реальной ситуации, побуждающей к вхождению в мировую культуру и (пусть постепенно, с издержками) в складывающийся мировой этос.

Потому творчество новых беларуских форм одновременно должно преодолевать «тутэйшасць». О нем должны знать не только «Мы», но и значимые «Другие». Более того, оно должно вызывать их интерес. Ибо лишь посредством уважения и интереса этих «Других» народ становится нацией.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Юлия Виссарионовна Чернявская (1962 г.р.) — кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и философии Беларуского государственного университета культуры и искусств. Составитель хрестоматии «Психология национальной нетерпимости» (1998). Автор шести книг — «Народная культура и национальные традиции» (2000); «Этнические основания культуры» (2001); «Введение в культурно-философскую антропологию» (2003); «Личность и культура» (2003); «Белорус: штрихи к портрету. Этнический самообраз белоруса в сказках» (2006), «Тутэйшая нация: этничность и ментальность белорусов зеркале повседневности» (готовится к печати).

* Топос (греч.) — означает место, область. — *Прим. ред.*

О ТОЛЕРАНТНОСТИ БЕЛАРУСОВ

Максим ПЕТРОВ

В нашей стране политики и журналисты часто говорят о толерантности беларуского народа как его отличительной черте*. Неужели это качество присуще одному лишь беларускому этносу? И как с той толерантностью, что свойственна сейчас беларусам, Великое Княжество Литовское смогло подчинить себе территорию от Балтийского моря до Черного?

В том то и дело, что наши предки литвины были весьма воинственны. Толерантностью они не страдали. Вот всего один пример. В 1336 году тевтонские рыцари предприняли очередной поход на Литву, осадили замок Пилены. Обороной замка руководил Маргер — наместник Гедимина в Жемайтии. Защитники героически оборонялись, а когда враги ворвались в замок, они убили своих жен и детей, а сами вступили в последний отчаянный бой, в котором все погибли...

С позиций концепции этногенеза Л.Н. Гумилева, толерантность современных беларусов обусловлена недостатком энергии в самом этносе, а не отсутствием серьезных противоречий внутри нашего общества и проблем в отношениях с соседями. Того и другого немало, однако эти противоречия и проблемы мало волнуют подавляющее большинство беларусов. Наши остряки утверждают, что причиной такого равнодушия является «агульная млявасць, пераходзячая у абыякавыя адносіны да жыцця і ў самагубства праз ужыванне гарэлкі».

По Гумилеву, этнос всегда состоит из трех категорий людей: пассионариев, гармоничных особей и субпассионариев. В зависимости от возраста этноса, в нем преобладают те или иные категории граждан.

> «Пассионариями в полном смысле слова мы называем людей, у которых импульс, порождающий жертвенность, сильнее, чем инстинкт самосохранения, как индивидуального, так и видового. У подавляющего большинства нормальных особей оба эти импульса уравновешиваются, что создает гармоничную личность, интеллектуально полноценную, работоспособную, уживчивую, но не сверхактивную. Более того, безудержное сгорание другого человека, немыслимое без пассионарного принесения себя в жертву, таким людям чуждо и антипатично»**.

Данные нейрохимии и нейрофизиологии позволяют утверждать, что пассионарность связана с наличием в определенных структурах головного мозга человека некоторых веществ (нейромедиаторов) и их рецепторов, которые определяют наличие у человека определенных психологических качеств. Степень концентрации того или другого вещества и определяет тип человека — пассионарий он, гармоничная личность или субпассионарий.

Высокий уровень биосинтетических процессов в катехоламиновых и бета-фениланиновых нейронах передается по наследству. У ребенка, имеющего родителей, принадлежащих к разным этносам, возможны три варианта концентрации нейромедиаторов, ответственных за пассионарность: 1) больше родительской; 2) равная большей из родительских; 3) средняя по отношению к родителям.

Специально для дайджеста «Деды».

* Толерантность — терпимость к чужим верованиям, идеям, мнениям, поведению. — *Прим. ред.*

** Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли, с. 344.

Только в первом случае появляется пассионарий. Накопление в этносе определенного числа (критической массы) таких людей влечет за собой рождение молодого этноса. По мнению Гумилева, их должно быть не мене 5 %.

Концентрация веществ, ответственных за пассионарность, у каждого человека уменьшается по мере старения. Это связано с увеличением количества веществ-ингибиторов, нейтрализующих нейромедиаторы. В этносе данный процесс характеризуется уменьшением числа пассионариев.

Наше общество уже давно не востребует таковых. Поэтому, становясь взрослыми людьми, они либо реализуют себя в других странах, на благо других этносов, превращаясь в «поляков», «русских, «американцев» и т.д., либо, не найдя себе достойного применения, увлекаются каким-нибудь «экстримом» и преждевременно покидают этот мир.

Назову для примера несколько беларусов, вошедших в историю в качестве «польских» деятелей: поэты Адам Мицкевич и Владислав Сырокомля (Кондратович), писатель Ян Борщевский, композиторы Станислав Монюшко и Михаил Огинский, ученые Адам Киркор и Теодор Нарбут, герой США и Польши Тадеуш Костюшко, политик и полководец Юзеф Пилсудский...

А вот дюжина беларусов, ставших знаменитыми «русскими»: композиторы Михаил Глинка и Игорь Стравинский, писатели Федор Достоевский и Александр Грин, математики Николай Лобачевский и Софья Ковалевская, поэт Александр Твардовский, актер Василий Качалов (Шверубович), географ Николай Пржевальский, революционерка Вера Засулич, биофизик Александр Чижевский, авиаконструктор Павел Сухой...

В инерционной фазе этногенеза, в которой сейчас пребывает «старый» беларуский этнос, преобладают субпассионарии. Гумилев писал о них следующее:

«Субпассионарии — особи, пассионарный импульс которых меньше импульса инстинкта самосохранения ...А таковые всегда были. В фазе подъема они были совершенно не нужны и не ценились вовсе. Затем, во время акматической фазы, их использовали как пушечное мясо и ценили очень мало. А вот в инерционное, тихое время начинают возникать теории о том, что всякому человеку надо дать возможность жить, человека нельзя оставить, человеку надо помочь, надо его накормить, напоить, ну а если он не умеет работать, что же — надо научить, а если он не хочет учиться,– ну что ж, значит плохо учим. Словом, самое главное — человек, все для человека. Поэтому в «мягкое» время цивилизации при общем материальном изобилии для всякого есть лишний кусок хлеба и женщина.

Представьте себе, как люди определенного субпассионарного склада используют такое учение, которое становится этическим императивом. Они говорят: «Мы на все согласны, только вы нас кормите и на водку давайте. Если мало дадите, то мы на троих скинемся». И им находят место, и они размножаются, потому что им больше делать нечего. Диссертаций-то они не пишут.

К концу инерционной фазы этногенеза они образуют уже не скромную маленькую прослойку в общей массе этноса, а большинство. И тогда они говорят свое слово: «Будь таким, как мы!», т. е. не стремись ни к чему такому, чего нельзя было бы съесть или выпить. Всякий рост становится одиозным, трудолюбие подвергается осмеянию, интеллектуальные радости вызывают ярость.

...Когда пассионарные люди окружены со всех сторон «жизнелюбами» (субпассионариями) — положение становится крайне тяжелым. У субпассионариев инстинктивные

реакции (выпить — непременно сейчас, пожрать, найти гетеру, избить кого-то, кто не понравился) не имеют противовеса в виде сдерживающей пассионарности, и потому «жизнелюбы» находятся во власти своих несдерживаемых эмоций»...

«Если их (субпассионариев) очень много, то они начинают резко тормозить своих духовных и политических вождей, твердя им: «Что вы, что вы, как бы чего не вышло»*.

Кажется, что эту характеристику Гумилев писал, глядя на беларуское общество.

Суть проблемы в том, что в настоящее время на территории Беларуси сосуществуют представители двух этносов — старого, возникшего в середине XI века, и молодого. Старому беларускому этносу сейчас около 960 лет, как уже сказано, он находится в инерционной фазе этногенеза. Эта фаза характеризуется недостатком этнической энергии и низкой пассионарностью населения.

Молодой этнос «родился» в 1812 году в результате взаимодействия беларусов и воинов «Великой армии» Наполеона. Ему в данный момент 197 лет.

По Гумилеву, войны, происходившие в прошлом, иногда несли с собой и позитивные импульсы (сколь бы цинично это не звучало для отдельного человека) — на этническом уровне. Он имел в виду возможность рождения новых этносов. Можно вспомнить некоторые из них.

Так, современный русский этнос «родился» в результате взаимодействия коренного угро-финского населения Владимиро-Суздальской земли и монголо-татарских завоевателей в период 1238–1240 гг. Современный польский этнос «родился» во времена «Потопа» 1655–1660 годов в связи с пребыванием шведских войск короля Карла X Густава на территории Польши.

Война 1812 года имела для беларуского народа такие же последствия. «Великая армия» принесла на нашу землю не только разрушения и невзгоды, но и пассионарность французской революции, далеко не случайно названной «Великой». В результате взаимодействия родился новый этнос, «матерью» которого стал беларуский этнос, ранее называвшийся литвинским, а «отцом» — французский.

В наполеоновской армии служили французы, итальянцы, немцы, испанцы, австрийцы, поляки, хорваты. Но по теории этногенеза Л.Н. Гумилева этнически взаимодействать могут только комплементарные этносы**.

Так как немцы некомплементарны по отношению к славянам, и они же некомплементарны французам, то беларусы комплементарны последним. Это как в пословице: «враг моего врага — мой друг». В связи с тем, что французы некомплементарны по отношению к испанцам, итальянцам и австрийцам, то беларусам эти три этноса тоже «не симпатичны». А хорваты и поляки генетически близки беларусам. Поэтому они в принципе не могли осуществить «пассионарный толчок». Остаются только французы.

Возраст молодого беларуского этноса еще не достиг 200 лет. Пребывая в скрытой фазе этногенеза, он пока слабо влияет на события, происходящие в собственном государстве, хотя и принимает в них активное участие. Но ждать осталось буквально несколько лет.

---

* Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало, с. 339, 350, 82.

** Комплементарность (от латин. «complementum») — психологическое соответствие этносов (аналогичное принципу «ключ — замок»), обеспечивающее их взаимодействие. Не путать с термином «комплиментарный» (от француз. «compliment»), означающем «преувеличенно хвалебный»..

Старый этнос численно пока преобладает и не дает молодому вести себя так, как того требует его энергия. Однако в ближайшие годы наступит переломный момент в жизни нашего общества.

Во-первых, согласно теории Гумилева, в 2012 году «новому» беларускому этносу исполнится 200 лет (считая от «пассионарного толчка» в виде нашествия 1812 года). То есть, он станет «совершеннолетним» и начнет во весь голос «заявлять о себе».

Во-вторых, в 2018 году исполнится 27 лет жизни беларуских граждан в независимом государстве. А 27 лет, как утверждает наш известный генетик А.И. Микулич, это срок смены одного поколения в Беларуси. «Памяркоўныя» и «совки» частью вымрут, частью уйдут на пенсию, частью изменят свои ценностные ориентации.

В-третьих, с 2018 годом критически мыслящие российские и зарубежные социологи и политологи связывают начало развала Российской федерации на «энное» число независимых государств. Те наши граждане, которые сейчас «молятся» на Россию или же просто продались ее «вертухаям», внезапно для себя осиротеют. Российская «пятая колонна» в Беларуси сдохнет тогда по естественным причинам.

Наступит фаза подъема молодого этноса, и он достаточно быстро заявит о себе «во весь голос». Это уже сейчас просматривается в нашей вялой политической и общественной жизни. Наиболее активными ее участниками являются молодежные организации, члены которых через 5–10 лет будут в расцвете своих жизненных сил.

Кто-то может задать вопрос: как такое может случиться? Каким образом через 5–10 лет жизнь беларуского общества, где торжествуют «агульная млявасць і абыякавыя адносіны да жыцця», вдруг круто изменится?

История свидетельствует, что так всегда и бывает. Например, летописные литвины в 20-е годы XIII века не помышляли о создании государства и захвате новых земель, вполне довольствуясь добычей в ходе набегов. Но в начале 50-х годов того же XIII столетия было образовано государство во главе с Миндовгом, приоритетом которого стала именно внешняя экспансия. Более того, в набегах 1220-х годов участвовали многие из тех, кто в 1250-е создавал новое государство, в том числе сам Миндовг. Но если в первом случае представители молодого этноса участвовали в деятельности старого, то во втором — уже представители старого этноса участвовали в действиях молодого...

Сейчас он мал, но скоро вырастет

Итак, второе десятилетие XXI века станет началом фазы подъема нового беларуского этноса. Пресловутая «толерантность» (= «памяркоўнасць») уйдет в прошлое. Всех нас ждет период серьезных изменений на всех этажах общественного здания. Будет трудно, но интересно...

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИМВОЛИКА БЕЛАРУСИ
(История и современность)

Игорь ЛЯЛЬКОВ

Через 18 лет после провозглашения независимости Беларуси, наше общество по-прежнему остается разделенным на две части. Они различаются языком общения и содержанием исторической памяти, самосознанием (хотя обе называют себя беларусами, вкладывают в это понятие совсем разный смысл), отношением к соседним странам (друзья или враги), взглядами на перспективы развития страны... Трудно назвать хотя бы один нациообразующий параметр, кроме общего места жительства, объединяющий эти две группы.

Эти «две Беларуси» имеют также разные системы государственных символов, абсолютно не схожих между собой: с одной стороны — рыцарский герб «Погоня» и бело-красно-белый флаг, с другой — гербоподобный знак советского типа, и красно-зелёный флаг с полоской национального орнамента*.

Герб «Погоня» (всадник серебристого цвета с мечом в красном поле щита) достался Беларуси в «наследство» от Великого Княжества Литовского, страны, в которой наши предки жили около 550 лет, с середины XIII почти до конца XVIII века. Именно в ВКЛ сформировалось то этническое сообщество, за которым в XIX веке закрепилось название «беларусы»**.

Вместе с бело-красно-белым флагом герб «Погоня» был принят в качестве государственного символа Беларуской Народной Республики — первого государства, появившегося на нашей земле после распада Российской империи. По сей день им пользуется правительство БНР в изгнании, покинувшее страну в начале 1919 года, вскоре после вторжения войск РСФСР. Эти же символы были первыми государственными в независимой Республике Беларусь в 1991–1995 гг.

Что касается другой системы символов, то она полностью связана с Советской Социалистической Республикой Белоруссией (ССРБ, с 1929 года — БССР), марионеточным псевдогосударством, дважды созданным большевиками — в январе 1919 и в июле 1920 года. Ее «герб» (образца 1927 г.) и флаг (образца 1951 г.), с небольшими изменениями, снова стали государственными символами в 1995 году, после прихода к власти А.Г. Лукашенко.

Философы утверждают, что структура любого символа «направлена на то, чтобы дать через каждое частное явление цельный образ мира»***. В полном соответствии с этой формулой позитивное или негативное отношение к той или иной символике является главным индикатором мировоззрения, главным тестом на принадлежность

---

* Аналогично выглядит флаг далекой африканской республики Мадагаскар. Только он без орнамента. — *Прим. ред.*

** Действительный член Российской императорской академии наук Ефим Карский еще в 1904 году заявил в первом томе своей фундаментальной монографии «Белорусы», что беларуская нация в основном сформировалась в XIII–XIV веках. — *Прим. ред.*

*** Философский энциклопедический словарь. М., 1989, с. 581

личности к числу «граждан» Беларуси европейской или же «подданных» Беларуси советской.

Достаточно трех небольших цитат из высказываний на тему символики представителей противоположных сторон, чтобы убедиться в верности приведенных тезисов.

Вот заявление так называемого «национального собрания» первого созыва — представительного органа нынешней власти, персонально назначенных Лукашенко после разгона в 1996 году законно избранного парламента страны:

> «В 1995 и 1996 годах народ Беларуси ясно и недвусмысленно высказался по жизненно важным вопросам дальнейшего развития нашего государства и общества. Была отклонена прежняя антинациональная символика и утверждена «новая-старая», то есть прежняя, с которой большинство граждан Беларуси связывает свою жизнь и историю Родины в довоенные и послевоенные годы, когда Беларусь была цветущей республикой, одной из 15 братских в составе могучей страны Союза ССР*».

А вот «ответ» им народного поэта Беларуси Григория Бородулина:

Відаць, нас мала перылі,
Што цягне да імпэрыі
Пад флагам мусульманістым,
*З палітбюро іваністым***.

Историк Олег Трусов, председатель Общества беларуского языка имени Франциска Скорины сказал:

> «Власти и сейчас хорошо понимают искуственность своей символики. Их герб уже давно исчез с почтовых марок Беларуси, а на денежных купюрах так и не появился. И это не случайно. Народ не согласился с навязанной ему символикой. Уже 27 июля 1995 года в День Независимости Беларуси в городе Лиозно на Витебщине легендарный Мирон поднял на 40-метровом дымоходе райбыткомбината бело-красно-белый флаг и оставил рядом с ним записку: «Верните народу историческую память»***.

И мы ее обязательно вернем нашими общими усилиями.

С оглядкой на Москву
(журнал «Вожык», 1988 г.)

* * *

Чтобы читатель мог составить собственное мнение об исторических основаниях взглядов на государственную символику, имеет смысл предложить ему более детальную панораму.

Появление герба «Погоня» в Великом Княжестве Литовском историки относят к 70–90-м годам XIII века, когда образ всадника с занесенным над головой мечом

---

* «Звязда», 12 сентября 2000.

** «Наша Ніва», 15 мая 2000.

*** «Наша Ніва», 10 мая 2000.

«закрепился в качестве репрезентативного символа за лицами, осуществлявшими верховную власть в ВКЛ»*.

Герб «Погоня» (гербовник Э. Комнина, 1588 г.)

Герб «Погоня» на печати Министерства обороны БНР (1919 г.)

Предки современных беларусов составляли большинство населения Великого Княжества, поэтому не удивительно, что именно они доминировали в культуре этой страны. Достаточно напомнить, что языком государственных актов ВКЛ до конца XVII века был старобеларуский, который затем сменил родственный ему польский.

Повлияло беларуское культурное доминирование и на выбор государственной эмблемы. Конный рыцарь был сюжетом, широко распространенным в тогдашней европейской геральдике, где он являлся «иконографическим эквивалентом выражению dux (князь)»**, однако только в ВКЛ этот сюжет занял место на государственном гербе страны (юридически закрепленном Статусом ВКЛ 1566 года).

По мнению специалистов, тому способствовала местная традиция почитания языческого божества Ярилы, «который езьдзіць на белом коне, на ягоных плячах белая мантия»***, и местная иконография наиболее популярных среди беларусов христианских святых — Дмитрия, Георгия, Бориса и Глеба, — изображавшихся в виде вооруженных всадников. Помимо государственного герба, «Погоня» присутствовала и на гербах большинства административно-территориальных единиц ВКЛ, и на его государственной хоругви, представлявшей собой красное четырехугольное полотнище «с образами Погони и Девы Марии с ребенком-Иисусом в Солнце»****.

Как общепризнанный символ беларуских земель, входивших в состав ВКЛ, воспринималась «Погоня» и в Российской империи. Поэтому широкое использование этой эмблемы продолжалось и после их присоединения к России в конце XVIII века. Справедливым для того времени является вывод известного беларуского геральдиста Анатолия Титова:

* Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Том 5. Мн., 1999, с. 367.
** Цітоў А. Наш сімвал — Пагоня: Шлях праз стагоддзі. Мн., 1993, с. 5.
*** Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. Том 1. М., 1865 с. 441.
**** Цітоў А. Цит. соч., с. 27.*

«Отражение древней Погони на беларуских губернских, уездных, городских, воинских гербах было явлением, которое констатировало осмысление соседними народами тождества понятий: географическо-этнического — Беларусь, и геральдического — Погоня»*.

Вследствие этого совершенно естественным выглядит тот факт, что деятели беларуского национально-освободительного движения, заявившего о себе в начала XX века, считали «Погоню» традиционным национальным символом своего народа. Весьма характерным является в этом плане знаменитое стихотворение Максима Богдановича «Пагоня», написанное им в 1915 году:

Толькі ў сэрцы трывожным пачую
За Краіну радзімую жах,
Ўспомню Вострую Браму сьвятую
І ваякаў на грозных канях.
Ў белай пене праносяцца коні,
Рвуцца, мкнуцца і цяжка хрыпяць:
Старадаўняй Літоўскай Пагоні
Не разьбіць, не спыніць, не стрымаць.
У бязьмерную даль вы ляціце,
А за вамі, прад вамі — гады.
Вы за кім у пагоню сьпяшыце?
Дзе шляхі вашы йдуць і куды?
Мо яны, Беларусь, панясьліся
За Тваімі дзяцьмі ўздагон,
Што забылі Цябе, адракліся,
Прадалі і аддалі ў палон?
Біце ў сэрцы іх, — біце мячамі,
Не давайце чужынцамі быць!
Хай пачуюць, як сэрца начамі
Аб радзімай старонцы баліць...
Маці родная, Маці-Краіна,
Не усьцішыцца гэтакі боль!..
Ты прабач, Ты прыймі свайго сына,
За Цябе яму ўмерці дазволь.
Ўсё лятуць і лятуць тыя коні,
Срэбнай збруяй далёка грымяць...
Старадаўняй Літоўскай Пагоні
Не разьбіць, не спыніць, не стрымаць.

Первое время белый рыцарь «Погони» украшал красное полотнище национального флага. Но в конце 1916 — начале 1917 года появился новый оригинальный флаг беларуского движения. Наш архитектор и политик Клавдий Дуж-Душевский предложил эскиз бело-красно-белого флага в соответствии с принятым в Европе принципом создания флагов на основе гербов, когда цвета основных деталей герба (эмблемы и поля) отражаются на полотнище путем соединения горизонтальных полос разной или одинаковой ширины.

* Цітоў А. Цит. соч., с. 38.

В начала марта 1917 года бело-красно-белый флаг впервые был вывешен в Петербурге на здании Беларуского общества помощи пострадавшим от войны, сотрудником которого был Дуж-Душевский. А уже 25 марта того же года Беларуский национальный комитет в Минске принял следующее постановление:

«1. На том основании, что почти все города Минской губернии использовали в своих печатях стародавнюю ПОГОНЮ, постановлено сохранить это наследие Великого Княжества Литовского. Комитет единогласно принял «Погоню» в качестве государственного герба будущей независимой Беларуси.

2. Поскольку в беларуском народном искусстве преобладают белые и красные узоры, сочтено уместным использовать эти цвета в беларуском национальном флаге. Таким образом, Комитет постановил, что флаг должен состоять из трех горизонтальных полос одинаковой ширины — белой, красной и белой, и что длина его вдвое больше ширины»*.

К. Дуж-Душевский (1891–1959)

Новый флаг настолько органично сочетался с древней «Погоней», что очень быстро стал общепризнанным. В том же 1917 году «Устав Белорусских национальных культурно-просветительских кружков в армии» обязывал их членов «носить белорусский национальный знак — белая лента с красной полоской посредине; все три полоски — белая, красная и белая — одной ширины»**. В декабре того же года бело-красно-белые флаги украшали зал заседаний Всебеларуского съезда — важнейшего общенационального форума в новейшей истории Беларуси, во время которого 1872 делегата от всех беларуских земель высказались за необходимость свободного государственного самоопределения края.

Таким образом, вопрос о символике первого современного беларуского государства был решен однозначно: государственным гербом провозглашенной в марте 1918 года БНР стал герб «Погоня», а ее государственным флагом — бело-красно-белый флаг.

***

Тогда же возникли первые проблемы, связанные с этой символикой. Дело в том, что одновременно с процессом образования государства в беларуских землях аналогичные события происходили на этнической территории летувисов, еще одних наследников истории и традиций бывшего ВКЛ.

Через 8 месяцев, в ноябре 1918 года на территории бывшего Жмудского (Самогитского) староства (единственной крупной территориальной единицы ВКЛ, имевшей герб, отличный от «Погони» — в виде «Локиса», черного медведя на серебряном поле) и прилегающих к нему поветов бывших Виленского и Трокского воеводств, была провозглашена независимая Республика Летува. Чтобы подчеркнуть ее историко-юридическую преемственность от ВКЛ (а тогдашние литовские национальные деятели претендовали на власть над всеми землями прежнего Княжества) государственным гербом Летувы тоже была взята «Погоня».

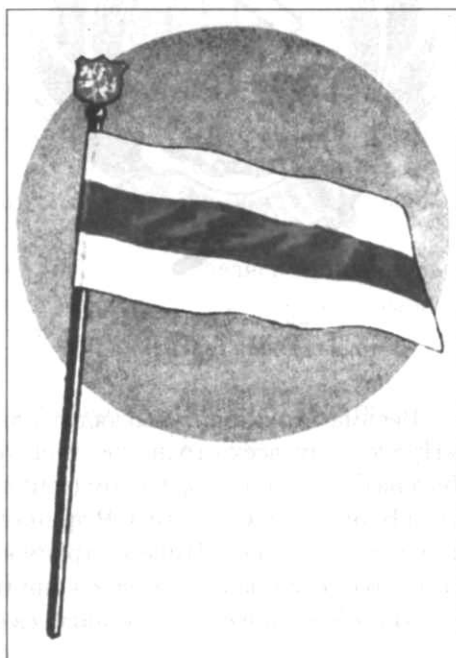
* Цит. по газете «Наша Ніва», 1995, № 5.

** Цит. по газете «Наша Ніва», 16.03.1998.

Более того, поскольку официальная идеология провозглашала именно эту новосозданную Летуву единственным «законным» наследником бывшего ВКЛ, то и право использования эмблемы с вооруженным всадником на белом коне в красном поле потомки жмудинов оставили только за собой. По этой причине периодически происходили инциденты. Например, в январе 1919 года по дороге из Берлина в Ригу на литовской границе была арестована дипломатическая делегация БНР. Причиной ареста, согласно протоколу задержания, стали обнаруженные при таможенном досмотре «бланки паспортов неизвестной нам Беларуской Республики с литовским гербом на обложке»*.

Но еще большими врагами беларусы с «Погоней» и бело-красно-белым флагом являлись для пришлых с Востока российских большевиков. Еще во время Всебеларуского съезда выступление их представителя было таким:

> «Мы стоим за братство всех народов. Не должно быть деления на нации». Указывая на национальный беларуский флаг, говорит: «Бросьте этот флаг»**.

Бело-красно-белый беларуский национальный флаг

Силой подчинив себе Беларусь в 1919–1920 годы и создав здесь марионеточное государственное образование, в 1922 году большевики объединили его вместе с другими подобными псевдогосударствами в единую коммунистическую империю – СССР. Единственным флагом, который было разрешено использовать на всей территории Советского Союза, был красный флаг большевистской партии. А единственным допустимым отличием являлась надпись в левом верхнем углу, в нашем случае – ССРБ.

То же было и с гербом. Первый герб советской Беларуси стал копией государственного герба РСФСР, с отличием только в надписи.

Некоторая либерализация большевистского режима в период так называемого НЭПа и связанная с ней тенденция признания за «советскими республиками» прав на определенную национальную специфику способствовала постановке вопроса о создании новых «государственных» символов этих административно-территориальных единиц СССР, «национальных по форме, социалистических по содержанию».

В феврале 1924 года власти ССРБ объявили конкурс на лучший проект такого символа. Его победителем Совнарком признал художника Валентина Волкова, ко-

* «Наша Ніва», 28.07.1997.

** Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции. Часть III: Хрестоматия по истории общественных движений и политических партий. Гомель, 1993, с. 190.

торый, особо не мудрствуя, немного подредактировал герб РСФСР с серпом и молотом, солнцем и венком из колосьев злаков, а для придания ему местного колорита сделал ленты, обвивающие венок, цветов национального флага беларусов — бело-красно-белыми.

Герб 1919 года —
точная копия герба РСФСР

«Новый» герб был утвержден 11 апреля 1927 года на 8-м съезде Советов ССРБ, но с одной «маленькой» поправкой: лентам вернули цвет, присущий оригиналу — красный. Местные «товарищи» лучше выпускника Петебургской Академии искусств знали, где прячется бацилла «белорусского буржуазного национализма». Ничто в символике «младшего брата» в «семье советских народов» не должно было напоминать беларусам о том времени, когда они пытались сами, без помощи «вождей мирового пролетариата», решать судьбу своей страны. Вот под этой «государственной эмблемой», которая время от времени подвергалась небольшим редакционным правкам, Беларусь и жила до конца 1991 года.

Весьма характерно выглядит одна из таких правок, касавшаяся языка текста «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на лентах венка. Изначально этот текст был на беларуском, еврейском (идиш), русском и польском языках, но 28 июля 1938 года Верховный Совет БССР принял решение оставить на гербе только беларускую и русскую надписи. Ничего странного, если учесть, с каким рвением НКВД БССР именно в те времена занимался уничтожением «агентов Троцкого» (в основном, евреев) и «белопольских шпионов» (в основном, поляков).

Герб образца 1927 года,
с буквами «скориновского» шрифта,
с надписями на четырех языках

Герб образца 1938 года,
уже без надписей на польском
и еврейском языках

И вот в мае 1995 года этот же «геральдический знак», который не имеет ничего общего с традиционной европейской геральдикой, появился на фронтоне здания Администрации президента независимой Республики Беларуси. Он символизировал стремление нового руководства страны и значительной части его населения избавиться от бремени независимости и вернуться в «светлое советское вчера».

Еще более короткая история у красно-зеленого полотнища, который ныне висит над тем же дворцом. В начале 1950-х годов, исходя из каких-то таинственных соображений, Москва приказала администрациям «советских республик» добавить к красным большевистским флагам с серпом и молотом, считавшимся «государственными» во всех частях Советского Союза, стилизованные детали, символизирующие «специфику» каждой территории. Выполняя приказ, Президиум Верховного Совета БССР своим указом от 25 декабря 1951 года добавил (без какого-либо объяснения!) к кумачовому полотнищу зеленую полосу внизу и орнамент вдоль древка, взятый с полотенца, вышитого в 1917 году крестьянкой М. Маркевич из деревни Кастилище (район Сенно). Эскиз этого флага создал другой минский художник, на этот раз Николай Гусев.

Что касается «Погони» и бело-красно-белого флага, то, оставаясь официальными символами БНР и ее правительства в изгнании, вокруг которого группировалась беларуская политическая эмиграция, они в БССР автоматически попадали под запрет.

Относительно свободное использование их в Беларуси до 1990 года датируется только тем временем, когда российскую оккупацию в 1941–44 гг. сменила немецкая. Надеясь обрести расположение местного населения, немцы не запрещали беларусам пользоваться национальными символами. Естественно, что в таких условиях их использовали некоторые коллаборантские организации (Беларуская рада доверия, Беларуский центральный совет, Союз беларуской молодежи и др.). Немцам, как известно, этот «либерализм» не принес значительных дивидендов, однако в более поздние времена данный факт позволил сторонникам советского строя устроить политические спекуляции вокруг символики БНР.

***

Все 70 лет существования коммунистического режима национальные символы оставались таковыми для всех сторонников возрождения независимости Беларуси.

В 1940–50-е гг. под ними группировались участники антисоветского партизанского движения и подполья (Беларуская освободительная армия, Беларуская незалежницкая партия, Союз беларуских патриотов и др.).

В 1960–70-е годы об их легализации в Беларуси мечтали интеллектуалы из так называемого «Академического центра», разгромленного КГБ в 1974–75 гг., и художники-диссиденты из творческого кружка «На чердаке», которые в 1980 году подготовили и распространили «самиздатом» открытки и плакат с изображениями «Погони». Попав за границу (одна из открыток авторства Евгения Кулика была там переиздана), эти скромные произведения придали историко-культурной манифестации смысл политической освободительной акции. Они заявили миру, что инициируемые Москвой процессы русификации и ассимиляции беларуского народа еще не дали окончательных результатов.

В 1980-е годы «Погоня» и бело-красно-белый флаг стали общеизвестными символами «беларускости» и независимости, а их публичная демонстрация однозначно трактовалась и властями, и оппонентами властей как акт национального сопротивления. Для примера можно привести события октября-ноября 1985 года, когда на здании Минского художественного училища имени Глебова двое учащихся, Михаил Мирошников и Юрий Макеев, вывесили бело-красно-белые флаги, сорвав флаги СССР и БССР. В результате КГБ начал юридическое преследование шести человек, а Макееву пришлось оставить учебу.

С началом процесса демократизации в Советском Союзе использование досоветской символики в БССР приобрело массовый характер. Начали звучать требования ее легализации (первой такое требование выдвинула молодежная организация «Талака» в августе 1988 г.). 19 февраля 1989 года именно под бело-красно-белыми флагами на стадионе «Динамо» в Минске прошел первый в БССР оппозиционный политический митинг, разрешенный властями.

Однако в те же времена нередкими были аресты и наказания людей (особенно в провинции) за использование этого флага и «Погони». Даже в июне 1991 года крупнейшая оппозиционная организация — Беларуский народный фронт — была официально зарегистрирована лишь с тем условием, что в течение трех месяцев она приведет свой устав в соответствие с законодательством, а именно: ликвидирует положение о том, что «БНФ использует беларускую историческую символику — бело-красно-белый флаг и герб Погоня»*. И это несмотря на то, что первый из названных символов уже был легализован в 1990 году в Минске, где городской совет принял постановление, разрешающее использование его в качестве национального (но не государственного) флага беларусов (но не Беларуси).

БНФ не успел привести свой устав в соответствие с законодательством. Ровно через три месяца после его регистрации, 19 сентября, страна стала называться Республикой Беларусь, а «Погоня» и бело-красно-белый флаг превратились в ее государственные символы.

В условиях прогрессировавшего развала советской империи, после неудавшейся попытки государственного переворота в Москве в августе того года (путч ГКЧП), представители тогдашней правящей элиты Беларуси были готовы на любые шаги ради сохранения своей власти. После запрета деятельности КПСС и ее местного филиала КПБ (25 августа 1991 года) им казалось опасным публично сохранять верность коммунистической символике.

Других исторических символов Беларуси, кроме тех, что использовала оппозиция, никто не знал, а выдумывать новые не было времени: оппозиция через свое парламентское меньшинство активно выдвигала предложения по десоветизации и декоммунизации страны, среди которых требование замены символики прагматики-номенклатурщики считали одним из наименее опасных.

Что же касается беларуских «незалежников», представители которых и составляли это меньшинство, то для них возвращение государственных национальных символов являлось принципиальным вопросом, решение которого должно было гарантировать необратимость пути к государственной независимости Беларуси и беларусизации ее общества.

---

* «Свабода», 1993, № 9.

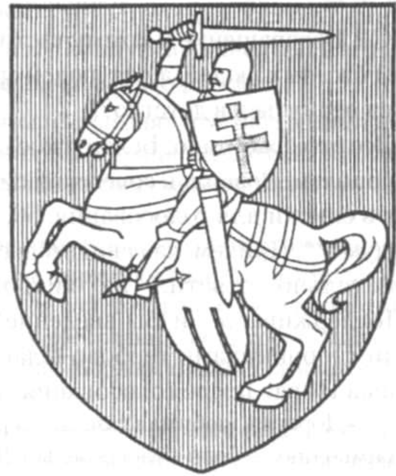
Итак, в конце 1991 года появилось независимое беларуское государство, главные эмблемы которого соответствовали символам предыдущих суверенных государственных образований, существовавших на этой земле — ВКЛ и БНР.

Однако значительная часть граждан нового государства, не обладавших историческими знаниями (в школах и вузах БССР «досоветская» история Беларуси совсем не изучалась, либо изучалась в минимальном объеме) и не слишком вникавших в содержание политических манифестов БНФ, по-прежнему соотносила эту символику только с оппозиционными силами, якобы «навязавшими» ее всей стране.

К тому же, сохранив власть в Республике Беларусь, бывшие руководители БССР проявили полную неспособность управлять хозяйством страны в новых условиях. На первые два года после провозглашения независимости пришелся пик экономического кризиса, начавшегося еще в СССР в конце 1980-х. Вместо того, чтобы проводить необходимые реформы, тогдашнее руководство предпочитало объяснять проблемы, охватившие Беларусь, как неизбежные следствия государственной самостоятельности, которой «так домогалась националистическая оппозиция».

Не удивительно, что в этих условиях слова «кризис», «ухудшение условий жизни», «независимость», «Погоня», «бело-красно-белый флаг» и «оппозиция» слились в головах «простых людей» в один ряд синонимов. К тому же, просоветские и пророссийские силы, в основном укоренившиеся в пресловутых «силовых структурах» (таких как КГБ и МВД, не реформированных в Беларуси) и получавшие сильную поддержку из России, не оставили надежд изменить направление хода истории. Они непрерывно вели тайную и явную «работу среди населения».

Наиболее благодарный отклик эта «работа» находила в сердцах старшего поколения граждан — ветеранов войны и пенсионеров, для которых СССР был страной их молодости, а внезапные перемены принесли бедность и неуверенность в завтрашнем дне. Следует добавить, что эти люди составляли на тот момент примерно треть от всего взрослого населения страны.

Герб республики Беларусь в 1991–95 гг.

Именно эти факторы в совокупности и стали главной причиной уверенной победы на первых свободных президентских выборах в 1994 году сторонника возрождения СССР и возврата к административно-распределительной системе в экономике, поддержанного Россией молодого майора КГБ в отставке Александра Лукашенко. Между другими обещаниями этого кандидата в президенты было и такое:

> «Верну наш родной белорусский (а не БНФ-овский — *Авт.*) флаг и символику. Народ сам решит на референдуме! Пусть сам выберет из нескольких вариантов. Не тот, который хотим ему в зубы всунуть, а тот, что ему настроение поднимает»*.

* Цит. по газете «Свабода», 1994, № 21.

Обещанный референдум состоялся 14 мая 1995 года. Он стал кульминационным пунктом обещанного отката политических, гражданских и экономических отношений в Беларуси к тому состоянию, в котором они находились до провозглашения независимости. Возврат БССР-овских герба и флага инициаторы этих процессов воспринимали как обязательный «последний штрих» в общей картине возвращения страны к благословенному советскому «вчера».

Голосованию предшествовала бешеная кампания подконтрольных правительству СМИ (включая национальное телевидение) против «Погони» и бело-красно-белого флага (официальных государственных символов страны на то время!). Огромный натиск был сделан на факте использования этих символов коллаборантами во время войны.

Были также задействованы претензии Летувы на все историческое наследие бывшего ВКЛ (цитата из выступления Лукашенко: «Бразаускас /тогдашний президент Литвы — *Авт.*/ мне говорит — ты почему, Александр Григорьевич, мой герб взял? А я отвечаю: не брал я, не нужен он мне!»)*, и даже российские «экстрасенсы», рассуждавшие «о чуждой этнической биоэнергетике, якобы заложенной в «Погоне» и бело-красно-белом штандарте»**.

Но основной тезис, вбивавшийся в головы читателям и телезрителям, был таков: трудная современность символизируется знаками независимой Беларуси и «проклятых националистов», а лучшее будущее (оно же светлое прошлое) — эмблемами БССР. Возвращение к коммунистическим символам есть возвращение в молодость для пожилых людей, а для людей среднего возраста — в детство. Неужели вам не хочется вернуться в детство?!

Все это сработало. Беларуское общество в мае 1995 года раскололось почти равно пополам. Возврат к советской символике поддержали 49,7% избирателей, внесенных в списки для голосования. 50,3% голосовали против либо игнорировали референдум***. Причем, как свидетельствует тогдашняя пресса, часть тех людей, кто положительно ответил на хитро сформулированные вопросы референдума («Поддерживаете ли Вы введение новой государственной символики?»), вовсе не были сторонниками гербово-флаговой ресоветизации. Вот что написала в газету «Наша Нива» после голосования ее читательница Л. Домбровская:

> «Дорогая, любимая газета! На референдуме я голосовала за новую государственную символику — бело-красно-белый флаг и герб «Погоня». Вдруг оказалось, что под новым флагом имели в виду старый красно-зеленый... Для моей 37-летней жизни красно-зеленый — это и есть старый символ. Уверена, что для многих, многих людей — тоже. Давно ли мы обсуждали и принимали символику нашего заново рожденного государства — исторические флаг и герб? Кто же виноват в том, что политическая мысль прыгает, как Петрушка, и кланяется то в одну, то в другую сторону, то одной, то другой публике? Думаю, что многие люди уже принятое раньше решение о новых символах нового государства не подвергали сомнению. Ведь новые государственные символы — это не новые сорта колбасы и водки, которых может быть несколько в памяти одного поколения»****.

---

* Цит. по газете «Свабода», 28.04.1995.

** «Свободные новости плюс», 1995, № 20.

*** «Наша Ніва», 10.05.2000.

****«Наша Ніва», 1995, № 6.

Однако цель властей была достигнута. Предложение Лукашенко получило поддержку большинства участников референдума. Не обращая внимание на нормы законодательства, обязывавшие решать вопросы такой значимости только большинством голосов всех выборщиков, внесенных в электоральные списки, власть сразу заявила о своей победе.

Еще до формального объявления результатов референдума управляющий делами администрации президента, недавний первый секретарь райкома КПБ Иван Титенков лично снял с главного флагштока страны и публично разорвал на куски ненавистный ему символ беларуской независимости — бело-красно-белое полотнище государственного флага. С этого символически дикарского акта и началась странная эпоха существования независимой Беларуси под «ново-старыми» государственными символами.

Абсурдность ситуации подчеркнуло объявление руководителем президентской администрации (через 7 месяцев после утверждения советской символики в качестве государственной) «конкурса на лучший объяснительный текст к Государственному гербу и Государственному флагу Республики Беларусь» *.

Однако объяснение знаков, которые, как заметил после референдума тогдашний начальник Государственной геральдической службы Вячеслав Носевич, «обычно интерпретируется как несколько измененная символика советского периода, что отражает ностальгию большей части населения по тому времени» **, оказалось делом весьма нелегким. Особенно с учетом интеллектуального потенциала сторонников возвращения в «светлое вчера». Красноречивый итог конкурса подвел член его жюри, известный в Беларуси языковед-русификатор Аркадий Журавский***:

«Представленные на конкурс материалы в целом производят грустное впечатление. Они показывают, что от участия в конкурсе уклонились ведущие беларуские писатели, художники и публицисты, и это не является случайным в современном политико-идеологическом климате Беларуси...

Часть представленных на конкурс материалов представляет собой стихотворения, авторы которых в патетическо-эмоциональной форме выражают свое положительное отношение к нынешней символике. Однако приходится констатировать, что такие стихотворные произведения не соответствуют основному требованию конкурса — дать наиболее полное раскрытие смысла и значения нынешних государственных символов в целом или их раздельных элементов...

Представленные на конкурс прозаические описания герба и флага весьма различны как по размеру, так и по содержанию... Но все эти описания слишком короткие, в своем большинстве они занимают только одну страницу машинописного текста. Общим недостатком их является полное отсутствие исторических данных»****.

Громко заявленное «мероприятие» закончилась тихим «пшиком». Так и не нашли владельцев «две первые премии — в размере 50 минимальных заработных плат каждая»*****, осталось невостребованным обещание администрации, что «авторский

* Распоряжение Главы Администрации Президента Республики Беларусь № 41ра от 21.12.1995.

** Письмо В.Л. Носевича главному специалисту Государственной архивной службы России В.М. Сопрыкову от 17.08.1995.

*** Журавский А.И. (1924–2009) член-кореспондент НАН РБ.

**** Заключение о материалах конкурса на лучший объяснительный текст к Государственному гербу и Государственному флагу Республики Беларусь.

***** Распоряжение Главы Администрации ... № 41ра

текст победителя конкурса будет издан в виде красочной брошюры»*. Беларуская интеллектуальная элита демонстративно высказала свое отношение к политике оживления призраков недавнего прошлого.

Вот таким образом в Республике Беларуси продолжают параллельно сосуществовать две системы государственной символики.

С одной стороны, действуют «Положение о Государственном гербе Республики Беларусь» и «Положение о Государственном флаге Республики Беларусь», утвержденные указами президента №№ 213 и 214 от 7 июня 1995 года, которые исходят из государственного статуса неосоветских эмблем. На защите этой символики стоит Государственная геральдическая служба, находящаяся в подчинении Государственного комитета по архивам и делопроизводству Республики Беларусь. Ее прежний начальник Сергей Рассадин четко понимал, чьи «геральдические вкусы» обслуживает его заведение:

> «Мы имеем полную поддержку руководства и лично руководителя нашего государства, который проявляет интерес к развитию символики»**.

Свое собственное понимание истории беларуской геральдики и ее перпектив многолетний главный «герольдмейстер» Рассадин (между прочим, историк по образованию) ясно высказал, когда говорил о воинской символике:

> «Становление современной белорусской военной геральдики происходило и происходит прежде всего на базе достижений советской военной геральдики. Последняя складывалась в течение многих десятилетий и сформировалась в виде целостной, оригинальной системы...
>
> В 1990-х годах ситуация в области военной геральдики резко изменилась. В частности, произошло массированное внедрение в нашу армейскую атрибутику тогдашних официальных символов Республики Беларусь — герба «Погоня» и бело-красно-белого флага, а также их производных. Проблема заключалась в том, что уже сама стилистика данных герба и флага была в корне отличной от применявшихся ранее, что в результате и привело к многочисленным издержкам...
>
> /К числу насущных задач/ принадлежит, конечно, задача сохранения преемственности в развитии нашей военной геральдики. Ведь отказ от лучших достижений советской эпохи в этой области, очевидно, неприемлем морально и, к тому же, невыгоден практически... Не стоит, тем более, менять на нечто новое и непривычное те атрибуты, которые в народном сознании прочно ассоциируются с героическим прошлым Вооруженных Сил. Так, Боевое Знамя воинской части должно оставаться красным, а звезда — пятиконечной»***.

Эта длинная цитата приведена потому, что в ней, как в капле воды, отразились мировоззренческие установки той части населения Беларуси (чей флаг висит теперь над административными зданиями): дескать, начало нашей государственности — в 1919 году, «золотой век» — советское прошлое, исторические национальные символы беларусов — это «знаки упадка» и т.д.

При этом характерное для нынешнего режима стремление к детальной регламентации всех проявлений общественной жизни привело к значительному сужению сферы бытования его символики. Так, существует законодательный запрет на ис-

---

* Распоряжение Главы Администрации ... № 41ра.

** Беларуская служба радио «Свобода», передача от 1.08.2000.

*** Там же.

пользование символики в эмблемах общественных организаций; изготовление изображений герба подлежит лицензированию (за немалые деньги); вышеупомянутыми «Положениями» установлен даже список служебных лиц, имеющих право держать эту символику в своих рабочих кабинетах. В результате «неформальным» образом, то есть не по принуждению и не при исполнении служебных обязанностей, ее теперь используют только ветераны войны и коммунисты на своих мероприятиях. Да и там чаще можно увидеть оригиналы времен СССР, чем нынешние «подправленные» копии.

Иначе выглядит современное состояние досоветской государственной символики Беларуси. Используясь целиком или в виде отдельных элементов значительной частью политических партий страны (от консерваторов из БНФ до социал-демократов) и различных общественных организаций (от международного «Згуртаваньня беларусаў сьвету «Бацькаўшчына» до регионального «Центра гражданских инициатив»), украшая многотысячные манифестации сторонников демократических реформ, эти символы стали символами единения для тех, кто желает видеть Беларусь демократической, правовой, экономически сильной, наконец — просто европейским государством.

В ответ на это волеизъявление народных масс наши «охранники порядка» ведут неспрестанную борьбу с национальной символикой, используя широкий диапазон мер: от составления протоколов и наложения штрафов до арестов и судебного преследования.

* * *

Несколько слов о государственном гимне нашей страны. В современном понимании, гимн — это «официально утвержденная звуковая эмблема страны» (Энцыклапедыя гісторыі Беларусі, том 2, с. 531).

Во времена ВКЛ и Речи Посполитой государственного гимна у нас не было. Известны только неофициальные гимнические песни. Так, ярким образцом канта-гимна является героико-патриотическое произведение «Даруй спакой» Афанасия Филиповича (1646 г.).

Гимн БНР назывался «Мы выйдзем шчыльнымі радамі». Он был создан на основе стихотворения Макара Кравцова (Костевича) «Ваяцкі марш», напечатанного 30 октября 1919 года в газете «Беларусь». Музыку написал композитор Владимир Теравский.

В советской Беларуси приобрели популярность песни-гимны на слова Янки Купалы «А хто там ідзе» (музыка Л. Роговского), «Беларуская марсельеза» и некоторые другие. Однако до войны и в первое послевоенное десятилетие государственный гимн советской Беларуси отсутствовал. Его заменял партийный гимн — «Интернационал».

Наконец, в 1955 году был утвержден гимн «Мы беларусы» (слова Михаила Климковича, музыка Николая Соколовского). Это в нем содержатся поразительные слова «мы беларусы, з братняю Русьсю разам шукалі да шчасця дарог»...

Позже беларуские советские композиторы создали ряд песен, более или менее удачно соединивших гимнические и лирические интонации: «Радзіма мая дарагая» (слова А. Бачило, музыка В. Оловникова); «Беларусь — мая песня» (слова М. Бра-

уна, музыка Ю. Семеняко); «Песня пра Нёман» (слова А. Астрейко, музыка Н. Соколовского).

Параллельно в этом же направлении работали композиторы-эмигранты. Наиболее известные среди их произведений — «Магутны божа» (слова Натальи Арсеньевой, музыка Михаила Равенского) и «Пагоня» — слова Максима Богдановича, музыка Николая Куликовича (Щеглова).

В начале 90-х годов в независимой суверенной Беларуси композиторы пытались создать новый гимн. Так, Валерий Мулявин предложил свой вариант музыки к словам Богдановича («Пагоня»). Валерий Раинчик сочинил музыку на слова Л. Прончака «Жыве Беларусь».

Однако власти постарались, чтобы у нас остался гимн 1955 года, с его холуйским лозунгом о невозможности жизни без России. Так что придется ждать той поры, когда изменится массовое сознание. А оно меняется, пусть медленно, зато верно. Не может народ независимого государства до бесконечности сам себя унижать пресмыкательством перед самовлюбленным заносчивым соседом...

***

Можно уверенно утверждать, что вопрос о государственной символике в Республике Беларуси является производным от проблемы выбора дальнейших путей политического и общественного развития нашей страны. От того, насколько быстро Беларусь европейская сумеет победить Беларусь советскую, зависит срок, через который «Погоня» и бело-красно-белый флаг снова станут официальными символами независимой Беларуской державы.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

И. Ляльков (1971 г.р.) — магистр истории. Окончил исторический факультет Белгосуниверситета, Университет Париж 1 – Пантеон – Сорбонна, и Варшавский университет. Основатель Беларуского Шумановского общества.

Автор книг «Рукапісныя крыніцы нацыянальнай бібліятэкі Францыі па гісторыі зносінаў паміж Францыяй і Вялікім Княствам Літоўскім у Новы Час (XVI–XVIII стагодьдзі)» (Минск, 1998), «Очерк политической истории Великого Княжества Литовского» (2000) на французском языке (Aperсu de l'histoire politique du Grand-Duche de Lithuanie» (Paris, ed. Harmattan, 2000), «Еўрапейскі Саюз: што гэта такое?» (Минск-Варшава, 2004), а также около 90 статей, опубликованных на 8 языках в 10 странах мира.

«БЕЛГАЗЕТА», 8 ИЮНЯ 2009 г.

(А.А. Грицанов)

Пилотный выпуск альманаха, посвященного отечественной истории, не может не обратить на себя публичного внимания. Изданный на русском языке он — в отличие от большинства других подобных сборников — реально содействует благородному делу усвоения и пропаганды подлинно национальной идеологии. Дайджест высокопрофессионально затрагивает самые животрепещущие темы, обращая это изложение к широкому кругу читателей. Постановку «телеги белорусизации» впереди «лошади либеральной демократизации нравов», трагично стоившую жизни некогда блестящей политической организации БНФ, необходимо понемногу преодолевать.

Особо обращают на себя внимание следующие статьи: «Потери беларусов: печальная демография» Вадима Деружинского (развенчивает досужие россказни о то ли «каждом третьем», то ли «каждом втором» белорусе, погибшем в годы Второй мировой войны), «Проблемы становления современной беларуской нации» Захара Шибеко (в высшей мере качественное освещение проблемы), наконец — давно заслуженное воспроизведение биографии самого заслуженного (и, видимо, единственно настоящего) местного диссидента — Михаила Кукобаки. На его примере отчетливо видно, что в Беларуси можно отыскать самых настоящих героев «антисоветского сопротивления», но до сей поры им не воздано должного. Наследники еще пока не усвоили, от какого именно идейного наследия им необходимо отказаться — для выживания нации.

«НАРОДНАЯ ВОЛЯ», 17 ИЮЛЯ 2009 г.

Апраўданне каланізацыі

Не разумею так званых «патрыётаў», якія, выступаючы з заклікам абараняць беларускую мову, самі ўласныя заклікі робяць па-руску. Дзе ж логіка, нейкі сэнс? Усё гэта падобна на «аргумент» кшталту: «Забіў сваю жонку таму, што моцна яе кахаў»...

Вось нядаўні прыклад. У «Народнай Волі» ад 26–29 чэрвеня 2009 года ў артыкуле «Хочу сказать...» аўтарка сп. Савельева прызнаецца: «...говорю только на русском языке, хотя хорошо читаю и пишу по-белорусски». Дык што ж перашкаджае ёй хаця б пісаць, умацоўваючы такім чынам беларушчыну, а не ліць ваду на млын русіфікацыі, што круціцца безупынна і не збаўляе абаротаў? З гісторыі чалавецтва вядома, што мова жыве і выжывае толькі тады, калі ёю карыстаюцца, а не клянуцца ёй у любові па-чужынску.

Выклікае захапленне, што шведскі амбасадар у Беларусі Стэфан Эрыксан цудоўна авалодаў беларускай мовай. Пачуўшы яго інтэрв'ю Беларускаму радыё, я быў проста ўражаны: іншаземец, госць нашай краіны, свабодна размаўляе па-нашаму, і без акцэнту, а карэспандэнт-беларус без усялякага сораму задае пытанні па-руску... Гэтае хамства з боку вядучага каментару не падлягае.

І ўжо зусім незразумела і прыкра, калі ўкладальнік і рэдактар новага выдання па айчыннай гісторыі Анатоль Тарас і выдавец Алесь Вараксін апраўдваюць рускамоўную назву альманаха «Деды»: маўляў, «подавляющее большинство беларусов литературы на родном языке уже не читают» («Народная Воля» ад 1 ліпеня 2009 г.). І не будуць чытаць, калі паўсюль спрэс рускамоўныя выданні. А на няроднай мове ўзрошчваецца і свядомасць адпаведная. Няўжо такое няўцям стваральнікам «Дедов»?

Спадары Тарас і Вараксін! Ці ж зараз не галоўная мэта ўсіх свядомых грамадзян у тым, каб беларусы як мага больш чыталі і размаўлялі на роднай мове? Інакш мы так і застанемся абыдлячанымі манкуртамі і рабамі для «старэйшага брата». Беларускаму народу патрэбна актыўна ратавацца ад згубнай русіфікацыі, як гэта робіць, прыкладам, наш вялікі грамадзянін і патрыёт прафесар Леанід Лыч.

Бог кожнаму народу на Зямлі даў адпаведную мову, і гэты найкаштоўнейшы дар трэба берагчы і перадаваць нашчадкам, а не працаваць на яго згубу. Лічу: апраўданне русіфікацыі — гэта апраўданне каланізацыі нашай Бацькаўшчыны.

З павагай — Мікола КАНАХОВІЧ, афіцэр у адстаўцы, г. Пружаны.

АДКАЗ РЭДАКЦЫІ
(28 ліпеня 2009 г.)

Паважаная рэдакцыя!

«Наша Воля» 17 ліпеня бягучага года (№ 109–110) надрукавала ліст афіцэра ў адстаўцы Міколы Канаховіча, даўшы яму загаловак «Апраўданне каланізацыі». Аўтар ліста крытыкуе дайджэст беларускай гісторыі «Дзяды», таму такі загаловак паказвае, што менавіта яго рэдактар Анатоль Тарас — абаронца русіфікацыі і расійскай каланізацыі Беларусі.

Не бачу логікі ў дзеяннях рэдакцыі. Спачатку вы ў снежні мінулага года надрукавалі артыкул С. Ваганава «Аналы гісторыі», у якім з выкарыстаннем аргументаў узроўня сметніка падверглі разгромнай крытыцы маю дзейнасць, менавіта за супрацьпастаўленне беларусаў рускім, а зараз сцвярджаеце (хай рукой чытача) штосьці іншае.

Што ж датычыцца заявы спадара Канаховіча аб тым, што трэба выдаваць як мага больш літаратуры на беларускай мове, то маё пярэчанне яму вельмі простае.

Па-першае, ён не жадае ўлічваць той факт, што 57 % грамадзян Беларусі чытаюць літаратуру толькі на рускай мове. Але гэта не перашкаджае ім цікавіцца гісторыяй сваёй краіны. Вось аб іх я і клапачуся.

Па-другое, не сакрэт, што кнігі і альманахі неангажаваных аўтараў выходзяць на

беларускай мове толькі дзякуючы фінансавай падтрымцы прыватных асоб і недзяржаўных арганізацый. У мяне такой падтрымкі няма, а ўсе мае спробы знайсці грошы для выдання кнігі «Гісторыя імперскіх адносін: беларусы і рускія» на беларускай мове не далі выніку. Таму я вымушан працаваць з камерсантамі, для якіх самае галоўнае — прыбытак. На жаль, беларускамоўныя выданні прыбытку не даюць...

Дарэчы, газета «Народная Воля» частку сваіх артыкалаў друкуе на рускай мове, напрыклад, таго ж Ваганава. Што ж Вы сябе не залічылі да абаронцаў каланізацыі?

Анатоль Тарас,
рэдактар дайджэста «Дзяды»

P.S. Кожны чалавек мае права на абарону ад абразы і хлусні. Калі вы не паскуднікі, дык надрукуйце гэты ліст у сваёй газеце — як адказ Канаховічу.

Резюме: газета «Народная воля» за 7 недель (29 июля — 20 сентября) мое письмо не опубликовала. Как видим, отечественные «демократы» ничем не лучше российских. Те и другие уважают только свои собственные мнения и оценки. Следовательно, мое предположение о «паскудніках» (по русски это слово означает «мерзавцы») оказалось верным.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Редакция благодарит Владимира Вячеславовича Румянцева, предоставившего комплект «Эныклапедыі гісторыі Беларусі» в прекрасном состоянии.

ДЕДЫ
ДАЙДЖЕСТ ПУБЛИКАЦИЙ О БЕЛАРУСКОЙ ИСТОРИИ

Основан в 2009 году

Выпуск 2

Составитель и редактор *Тарас Анатолий Ефимович*

Адрес для писем: А.Е. Тарас, а/я-137, Минск-131, Беларусь
Электронный адрес: AETaras@tut.by

Подписано в печать 22.09.2009.
Формат 70 × 100 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура «Петербург». Усл.-печ. л. 13,07. Уч.-изд. л. 25,0.
Тираж 150 экз. Заказ № 41.

Издатель А.Н. Вараксин.
ЛИ № 02330/0131774 от 6.03.2006 г.
e-mail: editpol@tut.by

Проект А.Е. Тараса «Неизвестная история»

Изданы

А.Е. Тарас. **Войны Московской Руси с Великим Княжеством Литовским и Речью Посполитой в XIV–XVII веках.** (800 стр., 197 илл., 37 карт и схем)

Коллективная монография. **История имперских отношений: беларусы и русские 1772–1991.** (608 стр.; 64 илл., 7 карт)

А.Е. Тарас. **Анатомия ненависти: Русско-польские конфликты в XVIII–XX вв.** (800 стр.; 57 цвет. репрод., 340 ч/б илл., 25 карт и схем)

В.В. Деружинский. **Тайны беларуской истории.** (560 стр., 220 илл.)

А.П. Грицкевич. **Западный фронт РСФСР 1918–1920: Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию.** (592 стр., 12 карт)

И.Л. Солоневич. **Россия в концлагере.** (592 стр.; 44 фото, 2 карты)

Готовятся к печати

Ю.В. Чернявская. **Тутэйшая нация: этничность и ментальность беларусов в зеркале повседневности.** (ок. 448 стр., до 100 илл.)

Коллективная монография. **История предков беларусов с древнейших времен до XIII века.** (ок. 408 стр., илл., таблицы, карты)

А.А. Грицанов. **Научный антикоммунизм и антифашизм.** (ок. 408 стр., до 100 илл.)

А.П. Грицкевич. **Борьба за Украину. 1918–1920 гг.** (ок. 608 стр., илл., карты)

«Деды» – научно-
популярное издание,
предназначенное широкому
кругу читателей, интересующихся
прошлым своей страны и ее народа.
В дайджесте представлены статьи и очерки,
освещающие неизвестные или малоизвестные
современным читателям события
нашей истории.
Часть текстов перепечатана из беларуских
изданий (в переводе на русский язык),
часть – публикуется впервые.
Редакция ставит задачей ознакомление
читателей с узловыми проблемами развития
беларуской нации, с интересными
персонажами и событиями,
с наследием национальной
интеллигенции.

ISSN 2075-5376

